

ПЕСНЬ КАЛИ

Дэн СИММОНС

Анонс

Падите, люди Калькутты, ниц, ибо сходит на грязные, многолюдные улицы вашего города Тьма. Не Тьма ночи - но Тьма погибели.

Склонитесь, люди Калькутты, пред силой, страшнее которой нет ни на земле, ни в небе, ни в пламени ада. Склонитесь пред грозным ликом Кали, Госпожи Смерти. Ибо кровь на деснице ее - и кровью обогрены руки тех, кто служит ей, отнимая чужие жизни.

Слушайте, люди Калькутты, песнь Кали. Песнь боли. Песнь убийства!.

ХАРЛАНУ ЭЛЛИСОНУ, который слышал песнь, а также КАРЕН и ДЖЕЙН, которые являются моими другими голосами.

...есть тьма. Она для всех. Лишь некоторые из греков и их почитателей в своем течучем расцвете, где дружба красоты с человеческими существами была идеальной, считали, что они отчетливо отделены от этой тьмы. Но и эти греки находились в ней. Но все равно, завязшее в грязи, терзаемое голодом, загнанное в сутолоку улиц, ввергнутое в войны, страдающее, несчастные, суетящееся, получающее удары в живот, несчастное и бесхребетное человечество, продолжает восхищаться ими; все его множество, кто из-под клубов черного дыма хаоса Везувия, кто - среди вздымающейся калькуттской полночи, вполне сознавая, где они.

Сол Беллоу

Но это Ад; и я не вышел из него

Кристофер Марлоу

Есть места, слишком исполненные зла, чтобы позволить им существовать. Есть города, слишком безнравственные, чтобы испытывать страдания. Калькутта - именно такое место. До Калькутты я бы только посмеялся над такой идеей. До Калькутты я не верил в зло - во всяком случае, в качестве силы, отдельной от действий людей. До Калькутты я был глупцом.

Захватив Карфаген, римляне истребили мужчин, продали в рабство женщин и детей, разрушили громадные сооружения, раздробили камни, сожгли развалины, усыпали солью землю, чтобы ничто более не произрастало на том месте. Для Калькутты этого недостаточно. Калькутта должна быть стерта.

До Калькутты я участвовал в маршах мира против ядерного оружия. Теперь я грежу о ядерном грибе, поднимающемся над неким городом. Я вижу дома, превращающиеся в озера расплавленного стекла. Я вижу улицы, текущие реками лавы, и настоящие реки, выкипающие громадными сгустками пара. Я вижу фигуры людей, вытанцовывающих как горящие насекомые, как вихляющие богомолы, дергающихся и лопающихся на ослепительно красном фоне полного разрушения.

Город этот - Калькутта. Не могу сказать, чтобы мне были неприятны эти видения.

Есть места, слишком исполненные зла, чтобы позволить им существовать.

Глава 1

Сегодня в Калькутте бывает все что угодно...

Кого мне винить ?

Санкха Гош

- Не езжай, Бобби, - сказал мой друг. - Не стоит оно того.

Шел июнь 1977 года, когда я приехал из Нью-Хемпшира в Нью-Йорк, чтобы обговорить с моим редактором из "Харперс" последние детали моей поездки в Калькутту. После этого я решил заскочить к своему другу, Эйбу Бронштейну. Скромное конторское здание на окраине, приютившее наш маленький литературный журнальчик "Другие голоса", выглядело весьма непритязательно после нескольких часов созерцания Мэдисон-авеню с разреженных высот апартаментов издательства "Харперс".

Эйб в одиночестве сидел в своем захламленном кабинете и трудился над осенним номером "Голосов". Несмотря на открытые окна, воздух в комнате был таким же вонючим и сырым, как и потухшая сигара, которую жевал Эйб.

- Не езжай в Калькутту, Бобби, - повторил Эйб. - Пусть это будет кто-нибудь другой.

- Эйб, все уже решено, - ответил я. - Мы вылетаем на следующей неделе.

После некоторых колебаний я добавил:

- Платят очень хорошо и берут на себя все расходы.

- Гм, - молвил Эйб, передвинув сигару в другой уголок рта и хмуро уставившись в наваленную перед ним кучу рукописей. Глядя на этого потного, всклокоченного человечка - больше, чем кто бы то ни было, напоминавшего заезженного букмекера, - никто бы и подумать не мог, что он возглавляет один из наиболее уважаемых "малых журналов" страны. В 1977 году "Другие голоса" не затмевал старый "Кэньон-Ревью" и не вызывал необоснованного беспокойства по поводу конкуренции у "Хадсон-Ревью", но мы рассылали нашим подписчикам ежеквартальные номера журнала; пять повестей из тех, что впервые опубликовал наш журнал, были отобраны для антологий на премию О'Тенри; а в посвященный десятилетней годовщине юбилейный номер пожертвовала повесть сама Джойс Кэрол Оутс. В разное время я перебивал в "Других голосах" помощником редактора, редактором отдела поэзии и корректором без жалованья. Теперь же, после того как я в течение года предавался раздумьям среди нью-хемпширских холмов и только что выпустил книгу стихов, я был лишь одним из уважаемых авторов. Но я по-прежнему считал "Новые голоса" нашим журналом, а Эйба Бронштейна - близким другом.

- Но какого черта, Бобби, они посылают именно тебя? - спросил Эйб. - Почему "Харперс" не отправит туда кого-нибудь из своих боссов, раз уж это настолько важно, что они даже расходы берут на себя?

Эйб попал в точку. Мало кто слышал о Робертс С. Лузаке в 1977 году, даром что "Зимние духи" удостоились половины колонки обозрения "Тайме". И все же во мне теплилась надежда на то, что люди - во всяком случае, те несколько сотен, чье мнение чего-то стоит, - слышали обо мне и слышали нечто многообещающее.

- "Харперс" вспомнил обо мне из-за моей прошлогодней статьи в "Голосах", - сказал я.

- Помнишь, та, о бенгальской поэзии. Ты еще сказал тогда, что я слишком много времени убил на Рабиндраната Тагора.

- Как же, помню, - откликнулся Эйб. - Удивительно еще, что эти клоуны из "Харперс" знают, кто такой Тагор.

- Мне позвонил Чет Морроу. Он сказал, что статья произвела на него глубокое впечатление. - Я решил опустить тот факт, что Морроу забыл имя Тагора.

- Чет Морроу? - проворчал Эйб. - Он разве уже не пишет кинороманы по телесериалам?

- Пока он работает временным помощником редактора "Харперс", - ответил я. - Он хочет получить статью о Калькутте к октябрьскому номеру.

Эйб покачал головой.

- А как насчет Амриты и крошки Элизабет Регины...

- Виктории, - закончил я за него. Эйб знал, как зовут мою малышку. Когда я впервые сообщил, ему, как мы назвали девочку, Эйб заметил, что имя довольно удачное для потомства индийской принцессы и чикагского полячишки. Этот человек был воплощением чуткости. Хоть Эйбу и было далеко за пятьдесят, он так и жил вместе со своей матушкой в Бронксвилле. Он с головой ушел в издание журнала и казался безразличным ко всему, что напрямую с этим не связано. Как-то зимой у него в конторе сломалось отопление, и большую часть января он проработал там, закутавшись в шерстяное пальто, прежде чем пошевелил пальцем, чтобы сделали ремонт. В то время Эйб общался с людьми в основном по телефону или по почте, но его язык от этого не становился менее язвительным. Я начал понимать, почему никто не занял мое место ни на посту помощника редактора, ни редактора отдела поэзии.

- Ее зовут Виктория, - повторил я.

- Не важно. А как Амрита отреагировала на то, что ты собираешься сбежать и бросить ее одну с ребенком? Кстати, сколько девочке? Месяца два?

- Семь месяцев.

- Не рано ли уезжать в Индию и оставлять их одних.

- Амрита тоже едет. И Виктория. Я убедил Морроу в том, что Амрита может переводить мне с бенгальского. - Это не совсем соответствовало истине. Именно Морроу предложил мне взять с собой Амриту. По правде говоря, эту работу я получил благодаря имени Амриты. До звонка мне "Харперс" обращался к трем авторитетам в области бенгальской литературы, двое из которых были индийскими писателями, живущими в Штатах. Все трое отвергли предложение, но последний из тех, с кем они связывались, упомянул Амриту - хоть ее специальностью и была математика, а не литература, - и Морроу за это уцепился. "Она ведь говорит по-бенгальски?" - спросил Морроу по телефону. "Конечно", - ответил я. На самом же деле Амрита знала хинди, маратхи, тамильский и немного пенджаби, а также говорила по-немецки, по-русски и по-английски, но только не по-бенгальски. "Один черт", - подумал я.

- А Амрита хочет ехать? - спросил Эйб.

- Ждет не дождется, - ответил я. В Индии она не была с тех пор, как ее отец перевез семью в Англию, когда ей было семь лет. Да и в Лондоне по дороге в Индию она хочет немного побыть, чтобы ее родители посмотрели Викторию. - Насчет последнего я уже не покривил душой. В Калькутту с ребенком Амрита ехать не хотела, пока я не убедил ее в том, что эта поездка исключительно важна для моей карьеры. Остановка в Лондоне стала для нее решающим фактором.

- Ладно, - буркнул Эйб. - Валяй, езжай в свою Калькутту.

Его тон, однако, отчетливо выражал, что он думает по поводу этой затеи.

- Объясни, почему ты против этой поездки, - потребовал я.

- После. Для начала расскажи-ка про этого самого Даса, о котором болтает Морроу. Еще я хотел бы знать, почему ты хочешь, чтобы я забил половину весеннего номера "Голосов" для очередной писанины этого Даса. Терпеть не могу перепечатки, а среди его стихов не найдется и десяти строчек, чтобы не печатались и не перепечатывались до тошноты.

- Верно, речь о Дасе, - сказал я. - Но не перепечатки. Новые вещи.

- Рассказывай. И я стал рассказывать.

- В Калькутту я собираюсь, чтобы разыскать там поэта М. Даса, - сказал я. - Разыскать, поговорить с ним и привезти кое-что из его новых работ для публикации.

Эйб уставился на меня.

- Угу, - произнес он. - Не получится. М. Дас умер. Преставился годков эдак шесть-семь тому назад. Кажется, в 1970-м.

- В июле 1969 года, - уточнил я, не сумев удержаться от самодовольной нотки в голосе. - Он исчез в июле 1969 года, когда возвращался после похорон - точнее, кремации - своего отца в одной деревне в Восточном Пакистане - сейчас это Бангладеш, - и все решили, что его убили.

- Ага, припоминаю, - сказал Эйб. - Я тогда останавливался на пару дней у вас с Амритой, на вашей бостонской квартире, когда Союз поэтов Новой Англии проводил мемориальные чтения в его честь. Ты еще читал что-то из Тагора и отрывки из эпических поэм Даса про.., как ее.., эту монахиню - мать Терезу.

- А еще ему были посвящены две вещи из моего чикагского цикла, - добавил я. - Но, кажется, мы немного поторопились. Дас, судя по всему, снова всплыл в Калькутте, во всяком случае, появились его новые стихи и письма. "Харперс" заполучил кое-какие образчики через одно тамошнее агентство, с которым они работают, и те, кто знал Даса, утверждают, что эти новые вещи написаны наверняка им. Но никто не видел его самого. Так вот, "Харперс" хочет, чтобы я попробовал раздобыть что-нибудь из его новых работ, но основной смысл статьи будет что-то вроде "В поисках М. Даса". А теперь хорошая новость. "Харперс" имеет право первого выбора из тех стихов, которые я заполучу, но все остальное мы можем тиснуть в "Других голосах".

- Паршивые объедки, - буркнул Эйб, принявшись жевать сигару. К подобному изъятию глубокой благодарности я привык за годы совместной работы с Бронштейном. Я промолчал, и в конце концов он заговорил сам:

- И где же, Бобби, этот самый Дас пропал восемь лет?

Я пожал плечами и сунул ему фотокопию, полученную от Морроу. Эйб изучил ее, повертел на вытянутых руках, повернул боком, как журнальный разворот, и швырнул обратно.

- Сдаюсь, - сказал он. - Что это за хреновина?

- Это кусок новой поэмы, которую, как предполагают, Дас написал за последние годы.

- Это на хинди?

- Нет, в основном санскрит и бенгали. А вот английский перевод.

Я подал ему другую копию.

По мере того как Эйб читал, его потный лоб покрывался все более глубокими морщинами.

- Боже праведный, Бобби, и для этого я должен оставить весенний чомер? Да здесь про какую-то дамочку, которая трахается на собачий манер и одновременно пьет кровь из безголового мужика. Или я чего-то не понял?

- Все точно. Именно про это. Правда, в этом отрывке всего несколько строф. И перевод довольно приблизительный.

- Я думал, что поэзия Даса лирична и сентиментальна. Вроде того, как ты описываешь в своей статье стихи Тагора.

- Он таким был. И есть. Но не сентиментальный, а оптимистичный. - Эту фразу я использовал неоднократно для защиты Тагора. Черт возьми, да этой же фразой я обычно отстаивал и свои собственные труды.

- Угу, - согласился Эйб. - Оптимистичен. Особенно мне нравится вот этот оптимистический кусочек:

"Kama Rati kame/viparita kare rati". Судя по переводу, это означает: "Обезумевшие от похоти, Кама и Рати сношаются как собаки". Мило, ничего не скажешь. Да, Бобби, здесь явно заметна эдакая игривость. Что-то вроде раннего Роберта Фроста.

- Это отрывок из бенгальской народной песни, - сказал я. - Обрати внимание, как Дас вплел ее ритм во весь пассаж. Он переходит от классической ведической формы к народной бенгальской и снова возвращается к ведической. Даже с учетом того, что это перевод, здесь чувствуется усложненный стилистический подход.

Я заткнулся. Я просто повторил то, что услышал от Морроу, а он говорил мне то, что ему сказал кто-то из его "консультантов". В маленькой комнатухе было очень жарко. В открытое окно врвался монотонный гул машин и почему-то успокаивающий, далекий звук сирены.

- Ты прав, - заговорил я. - Это совершенно не похоже на Даса. Почти невероятно, что эти строки принадлежат перу того же человека, который написал поэму о матери Терезе. По-моему Даса нет в живых, а это все какое-то надувательство.

Эйб уселся поглубже в свое вращающееся кресло, и я на какое-то мгновение поверил, что он и в самом деле собирается вынуть изо рта огрызок сигары. Вместо этого он насупился, погонял сигару во рту слева направо и обратно, откинулся на спинку и сцепил на затылке короткие пальцы.

- Бобби, а я никогда не рассказывал тебе, как однажды побывал в Калькутте?

- Нет. - Я удивленно моргнул. Эйб много поездил в бытность свою репортером, пока не написал первый роман, но редко заговаривал о том времени. Приняв у меня когда-то статью о Тагоре, он между прочим заметил, что однажды провел месяцев девять при лорде Маунтбеттене в Бирме. Рассказы его о репортерской работе были редкими, но неизменно интересными.

- Во время войны? - спросил я.

- Нет. Сразу после. Во время волнений в связи с разделом между мусульманами и индусами в 1947 году. Британцы тогда уносили ноги, разрезав Индию на два государства и предоставив двум религиозным группировкам истреблять друг друга. Было это задолго до тебя, верно, Роберто?

- Я об этом читал, Эйб. И ты отправился в Калькутту делать репортажи о волнениях?

- Нет. В то время люди не хотели больше читать про войну. А в Калькутту я поехал, потому что Ганди . Махатма, не Индира..., туда собирался, а мы писали о нем. Человек Мира, Святой в Накидке и прочая фигня. Как бы там ни было, в Калькутте я провел около трех месяцев.

Эйб умолк и провел рукой по редующим волосам. Казалось, он не может подобрать слова. Я ни разу не видел, чтобы Эйб затруднялся в речи - писал ли он, говорил или орал.

- Бобби, - наконец заговорил он, - а известно ли тебе, что означает слово "миазмы"?

- Ядовитая атмосфера, - скорее раздраженно, чем озадаченно, ответил я. - Как на болоте. Или еще чем-нибудь отравленная. Происходит слово, вероятно, от греческого "мианейн", то есть "загрязнять".

- Точно, - подтвердил Эйб, снова погоняя во рту сигару. Он не обратил внимания на мой небольшой выпендрег. Эйб Бронштейн ожидал от своего бывшего редактора отдела поэзии знания греческого.

- Так вот, единственное слово, которое могло бы охарактеризовать для меня Калькутту тогда..., или сейчас..., это "миазм". Я даже слышать не могу одно из этих двух слов, чтобы тут же не вспомнить про другое.

- Город был построен на болоте, - заметил я, все еще чувствуя раздражение. Не привык я выслушивать от Эйба такую бредятину. Как если бы надежный старый сантехник вдруг начал разглагольствовать на темы астрологии.

- И поедем мы туда в сезон дождей, то есть не в самое лучшее время года, как я понимаю. Но не думаю, что...

- Да я не про погоду, - перебил Эйб. - Хоть это и самая жаркая, самая влажная, гнусная дыра, что мне только приходилось видеть. Хуже, чем Бирма в 1943-м. Хуже, чем Сингапур во время тайфуна. Бог ты мой, да это хуже, чем Вашингтон в августе. Нет, Бобби, я говорю не о месте, черт бы его побрал. Есть что-то.., что-то миазматическое в этом городе. Ни разу не приходилось мне бывать в месте, столь подлом или дерьмовом, а бывал я в самых грязных городах мира. Калькутта испугала меня, Бобби.

Я кивнул. Из-за жары у меня начиналась головная боль, пульсировавшая за ушами.

- Эйб, ты проводил время не в тех городах, - легкомысленно сказал я. - Попробуй провести лето в Северной Филадельфии или на южной окраине Чикаго, где я рос. После этого Калькутта покажется Городом Веселья.

- Да, - сказал Эйб. На меня он больше не смотрел. - Понимаешь, дело не столько в самом городе. Я хотел убраться из Калькутты, и шеф моего бюро - бедолага, что помер через пару лет от цирроза печени.., в общем, этот говнюк дал мне задание осветить открытие моста где-то в Бенгалии. Я хочу сказать, что там не было еще даже железной дороги, соединяющей два куска джунглей через реку шириной ярдов двести и глубиной дюйма три. Но мост тем не менее был построен на одно из первых денежных поступлений из Штатов после войны. Вот я и должен был освещать открытие. - Эйб замолчал и выглянул из окна. Откуда-то с улицы донеслись сердитые выкрики на испанском. Эйб, казалось, не слышал их. - Так что, работенка была не из самых приятных.

Проектировщики и строители уже исчезли, а открытие представляло собой обычную мешанину из политики и религии, что для Индии вполне обычно. В тот вечер было слишком поздно возвращаться на джипе - как бы там ни было, я не спешил вернуться в Калькутту - и я остался в маленькой гостинице на окраине деревни. Возможно, эта деревня ускользнула от глаз британской инспекции во времена раджей. Но ночь была чертовски душной - когда даже пот не стекает с кожи, а висит в воздухе, - а москиты просто сводили меня с ума. В общем, где-то после полуночи я встал с постели и пошел к мосту. Выкурив сигарету, я отправился назад. Если бы не полнолуние, я бы этого не увидел.

Эйб вынул сигару изо рта. Он скривился с таким видом, будто она была такой же противной, как и его физиономия.

- Ребенку вряд ли было больше десяти лет, может, и меньше. Он висел на куске арматуры, торчавшем из бетонной опоры с западной стороны моста. Наверное, он умер не сразу, и еще некоторое время боролся за жизнь, после того, как штыри пронзили его...

- Он что, забирался на новый мост? - спросил я.

- Да, так я и подумал, - ответил Эйб. - Именно это представители местной власти и сообщили во время расследования. Но пусть меня повесят, если я могу объяснить, как он умудрился наткнуться на те штыри... Ему пришлось бы оттолкнуться и спрыгнуть с самой верхотуры. Уже потом, через несколько недель, когда мистер Ганди закончил свой пост, а в Калькутте прекратились волнения, я отправился в тамошний британский консулат, чтобы раздобыть экземпляр повести Киплинга "Строители моста". Ты ведь читал эту повесть?

- Нет, - ответил я. Я не выносил ни поэзию, ни прозу Киплинга.

- А стоило, - заметил Эйб. - Малая проза Киплинга весьма недурна.

- И о чем повесть? - спросил я.

- В общем, повесть о том, что строительству любого моста приходит конец. А у бенгальцев на этот счет была тщательно разработанная религиозная церемония.

- И в этом нет ничего необычного? - спросил я, почти догадавшись, к чему он клонит.

- Ни капли, - сказал Эйб. - В Индии любому событию посвящена какая-то религиозная церемония. Именно бенгальские обычаи и послужили поводом для повести Киплинга. - Эйб сунул сигару обратно в рот и продолжал говорить сквозь сомкнутые зубы:

- По окончании строительства любого моста приносили человеческую жертву.

- Правильно, - сказал я. - Великолепно. - Собрав фотокопии, я сунул их в папку и встал, подготовившись уйти. - Если вспомнишь еще что из киплинговских сказок, обязательно позвони, Эйб. Амрита получит большое удовольствие.

Эйб встал, опершись о стол. Его толстые пальцы уперлись в стопки бумаг.

- Черт бы тебя побрал, Бобби, я бы предпочел, чтобы ты вообще не ввязывался в эти...

- Миазмы, - подсказал я. Эйб кивнул.

- Буду держаться подальше от новых мостов, - сказал я, направившись к двери.

- Как бы там ни было, подумай еще разок, стоит ли брать Амриту с ребенком.

- Мы поедem, - сказал я. - Все решено. Остается один вопрос: хочешь ли ты увидеть вещи Даса, если это Дас, и могу ли я зарезервировать права на издание. Что скажешь, Эйб?

Эйб снова кивнул. Сигару он засунул в забитую пепельницу.

- Я пришлю тебе открытку из бассейна калькутского "Оберой Гранд-отеля", - сказал я, открывая дверь.

Я взглянул на Эйба в последний раз. Он стоял, вяло вытянув руку - то ли махал мне на прощание, то ли просто демонстрировал усталую покорность судьбе.

Глава 2

Вам хотелось бы знать Калькутту?

Тогда приготовьтесь забыть ее.

Сушил Рой

Ночью, накануне вылета, мы с Амритой, кормившей Викторию, сидели на террасе. На фоне темной полосы деревьев мигали загадочные послания светлячков. Кузнечики, древесные лягушки и несколько ночных птиц вплетали свои голоса в ковер фонового ноктюрна. До Эксетера, что в Нью-Хемпшире, от нашего дома было всего несколько миль, но временами здесь стояла такая тишина, словно мы находились в другом мире. Такую оторванность я ценил, просидев всю зиму за письменным столом, но теперь ощущал, что меня точит какое-то беспокойство, что именно эти месяцы отшельничества вызвали у меня страстное желание попутешествовать, увидеть незнакомые места, лица.

- Ты точно хочешь ехать? - спросил я. Мой голос слишком громко прозвучал в ночи.

Амрита подняла глаза, когда ребенок закончил есть. Тусклый свет из окна освещал выступающие скулы Амриты и ее нежную смуглую кожу. Ее темные глаза, казалось, излучают внутреннее сияние. Иногда она была такой красивой, что я испытывал физическую боль при мысли о том, что мы могли бы не встретиться, не пожениться, не завести ребенка. Она слегка приподняла Викторию, и я успел заметить нежную линию груди и набухший сосок, прежде чем блузка была застегнута.

- Я не прочь слетать, - ответила Амрита. - Очень приятно будет повидать родителей.

- Ну а Индия? Калькутта? Туда-то ты хочешь?

- Я не против, если смогу чем-то помочь. Уложив мне на плечо сложенную чистую пеленку, она подала мне Викторию. Я погладил дочке спинку, ощутив ее тепло, вдохнув запах молока и детского тельца.

- Ты уверена, что это не помешает твоей работе? - спросил я.

Виктория заворочалась у меня в объятиях, потянувшись пухленькой ручонкой к моему носу. Я подул на ее ладошку, она хихикнула и срыгнула.

- Никаких проблем, - ответила Амрита, хоть я и знал, что проблемы будут. После Дня труда она собиралась начать вести математику у старшекурсников в Бостонском университете, и я знал, сколько ей нужно готовиться.

- Ты хочешь снова повидаться с Индией? - спросил я.

Виктория придвинула головушку поближе к моей шее и теперь радостно пускала слюни мне на воротник.

- Любопытно сравнить с той, что я помню, - сказала Амрита.

Голос у нее был нежным, отшлифованным тремя годами учебы в Кембридже, но она никогда не сбивалась на ровное британское произношение. Ее речь напоминала поглаживание твердой, но хорошо смазанной рукой.

Амрите было семь лет, когда ее отец перевел свою инженерную фирму из Нью-Дели в Лондон. Воспоминания об Индии, которыми она со мной делилась, не выходили за рамки расхожих представлений о культуре, где в одну кучу смешались шум, сумятица и кастовое неравенство. Трудно было представить что-нибудь, более чуждое характеру самой Амриты: она воплощала в себе спокойное достоинство, терпеть не могла шум и беспорядок в любых проявлениях, переживала из-за несправедливости, а ее интеллект был вымуштрован упорядоченными ритмами лингвистики и математики.

Амрита однажды рассказывала о своем доме в Дели и квартире дяди в Бомбее, где проводила с сестрами летние месяцы: голые стены с пятнами сажи и древними отпечатками ладоней, открытые окна, грубые простыни, ползающие ночами по стенам ящерицы, беспорядочная дешевость во всем. Наш же дом под Эксетером был чист и открыт как мечта скандинавского архитектора: повсюду некрашеное дерево, удобное модульное расположение, безукоризненно белые стены и произведения искусства, подсвеченные рассеянным светом.

Деньги, позволившие нам иметь этот дом и небольшую коллекцию предметов искусства, принадлежали Амрите. Она называла их шутя своим "приданым". Поначалу я сопротивлялся. В 1969 году, в первый год нашей семейной жизни, я записал в налоговой декларации годовой доход в 5732 доллара. К тому времени я оставил преподавание в колледже Уэлсли и теперь все время писал и занимался редактированием. Мы жили в Бостоне в такой квартире, где даже крысам приходилось ходить пригнувшись. Я ни на что не обращал внимания. Ради искусства я был готов страдать бесконечно долго. Но Амрита не разделяла моей готовности. Она никогда не спорила, с пониманием отнеслась к моему категорическому отказу использовать средства из ее доверительной собственности, но в 1972 году она внесла за дом с четырьмя акрами земли и купила первую из девяти наших картин, небольшой этюд маслом Джейми Уайета.

- Заснула, - сказала Амрита. - Можешь не качать.

Я убедился в ее правоте, взглянув на дочь. Виктория спала с открытым ртом, полусжав кулачки. Ее частое дыхание обдувало мне шею. Я продолжал ее покачивать.

- Может быть, занесем ее в дом? - спросила Амрита. - Холодает.

- Одну минутку, - ответил я. Моя ладонь была шире спины ребенка.

Когда Виктория появилась на свет, мне было тридцать пять, а Амрите - тридцать один. Много лет я говорил всем, кто хотел меня слушать, - и кое-кому из тех, кто слушать не хотел, - о тех чувствах, которые у меня вызывает появление на свет детей. Упоминал я и о перенаселении, и о том, насколько жестоко сталкивать младшее поколение с ужасами двадцатого века, и о безрассудстве тех, кто обзаводится нежеланными детьми. И снова

Амрита не стала со мной спорить - хотя я подозреваю, что с ее подготовкой в формальной логике она разнесла бы по кочкам все мои аргументы за пару минут, - но где-то в начале 1976 года, приблизительно во время первичных выборов в нашем штате, Амрита в одностороннем порядке отказалась от таблеток. А 22 января 1977 года, через два дня после того, как Джимми Картер вступил в должность и въехал в Белый дом, у нас родилась дочь Виктория.

Я бы никогда не назвал ее Викторией, но в глубине души очень радовался этому имени. Впервые это предложила Амрита, в один прекрасный жаркий июльский день, и мы отнеслись к этому как к шутке. Кажется, одним из самых ранних ее воспоминаний было то, как она приезжает в Бомбей на вокзал "Виктория". Это громадное сооружение - один из остатков британского владычества, последствия которого, по всей видимости, продолжают оказывать влияние на Индию, - всегда вызывало у Амриты благоговение. С той поры имя Виктория всегда откликалось у нее в душе отголосками красоты, изящества и чего-то таинственного. Так что, поначалу мы просто шутили насчет того, что малышку назовем Викторией, но к Рождеству 1976 года мы уже знали, что никакое другое имя не подойдет нашему ребенку, если это будет девочка!

До появления Виктории на свет я имел обыкновение выражать недовольство теми нашими знакомыми парами, которые отупели после рождения детей. Люди с отточенным интеллектом, с которыми мы могли наслаждаться нескончаемыми разговорами о политике, прозе, о смерти театра, о закате поэзии, теперь бубнили только о первом зубе своего мальчика или часами делились захватывающими подробностями первого дня маленького Хэзера в подготовительном классе. Я поклялся, что никогда не опущусь до этого.

Но с нашим ребенком все было иначе. Развитие Виктории было достойно самого серьезного изучения. Оказалось, что я совершенно заморожен первыми же издаваемыми ребенком звуками и ее самыми неуклюжими движениями. Даже тягостная процедура смены пеленок могла вызывать самые приятные чувства, когда моя девочка - мой ребенок! - размахивала пухленькими ручками и смотрела на меня с таким выражением, которое я принимал за изъявление любви и оценки по достоинству того, что ее отец - печатающийся поэт - снисходит ради нее до таких мирских забот. Когда в возрасте семи недель однажды утром она одарила нас первой улыбкой, я тут же позвонил Эйбу Бронштейну, чтобы поделиться столь замечательной новостью. Эйб, привычка которого не вставать раньше половины одиннадцатого утра была известна не меньше, чем его чутье на хорошую прозу, поздравил меня и мягко заметил, что я звоню ему в 5:45.

Теперь, когда Виктории исполнилось уже семь месяцев, стало еще более очевидно, что ребенок она одаренный. Уже с месяц, как она научилась играть в "козу", а за несколько недель до того освоила прятки. В шесть с половиной месяцев она уже начала ползать - верный признак высокого интеллекта, хоть Амрита и утверждала обратное, - и меня совершенно не волновало то, что при попытках ползти вперед Виктория почему-то неизменно двигалась в обратном направлении. С каждым днем все отчетливее проявлялись ее лингвистические способности, и хоть мне никак не удавалось выделить из потока звуков "папа" или "мама" (даже когда я прокручивал запись на вдвое меньшей скорости), Амрита уверяла меня с еле заметной улыбкой, что она уже слышала от дочери целые русские и немецкие слова, а однажды - даже целую фразу на хинди. А между тем я каждый вечер читал Виктории вслух, перемежая "Сказки матушки Гусыни" Уордсвортом, Китсом и тщательно отобранными отрывками из "Кантос" Паунда. Явное предпочтение она оказывала Паунду.

- Не пойти ли нам спать? - спросила Амрита. - Завтра надо встать пораньше.

Что-то в голосе Амриты привлекло мое внимание. Иногда она говорила "Не пойти ли нам спать?", а иногда - Не пойти ли нам спать? На этот раз прозвучал второй вариант.

Я отнес Викторину в кроватку и с минуту постоял рядом, наблюдая, как она лежит на животике под легким одеяльцем в окружении мягких игрушек, положив голову на подушечку. Лунный свет падал на нее, как благословение.

Потом я спустился, запер двери, выключил свет и вернулся наверх, где Амрита уже ждала меня в постели.

Позже, в заключительные мгновения нашей близости, я повернулся, чтобы заглянуть ей в лицо, как бы пытаюсь отыскать там ответ на невысказанные вопросы, но на луну набежала туча, и все скрылось во внезапно наступившей темноте.

Глава 3

В полночь этот город - Диснейленд.

Субрата Чакраварти

В Калькутту мы прилетели в полночь, зайдя на посадку с юга, со стороны Бенгальского залива.

- Бог ты мой, - прошептал я, и Амрита перегнулась со своего места, чтобы выглянуть из иллюминатора.

По совету ее родителей мы долетели до Бомбея на "БОАК", чтобы пройти таможенно там. Все шло отлично, но внутренний рейс "Эйр Индия" до Калькутты был отложен на три часа по техническим причинам. В конце концов нам разрешили подняться на борт, чтобы еще час проторчать рядом с терминалом, в то время как в салоне не работало ни освещение, ни кондиционер, потому что были отсоединены внешние источники питания. Какой-то бизнесмен, сидевший впереди, заметил, что рейс Бомбей - Калькутта задерживается каждый день на протяжении трех недель из-за конфликта между пилотом и бортиженером.

Уже в воздухе мы отклонились от маршрута далеко на юг из-за сильной грозы. Почти весь вечер Виктория была беспокойной, но сейчас она спала на руках у матери.

- Бог ты мой, - снова произнес я. Внизу раскинулись 250 квадратных миль территории Калькутты - море огней после полной темноты верхушек облаков и Бенгальского залива. Во многие города мне приходилось прилетать по ночам, но ничего подобного я еще не видел. Здесь не было привычных правильных рядов электрических огней: Калькутта в полночь светилась бесчисленными фонарями, открытым огнем и странным неярким сиянием, напоминающим фосфоресцирующие грибы, исходящим из тысяч невидимых источников. Вместо упорядоченной городской планировки из пересекающихся прямых линий - с улицами, шоссе, автостоянками - мириады огней Калькутты имели разбросанный, хаотический вид перемешанного в беспорядочную кучу созвездия, разорванного лишь темным изгибом реки. Мне представилось, что именно такими - горящими - во время войны выглядели Лондон или Берлин в глазах потрясенных экипажей бомбардировщиков.

Потом колеса коснулись земли, в прохладный салон ворвалась ужасная влажность, а мы вышли, оказавшись частью шаркающей толпы, бредущей к багажному отделению. Аэропорт был небольшим и грязным. Несмотря на позднее время, со всех сторон сновали потные, шумные толпы людей.

- А нас никто не должен встретить? - спросила Амрита.

- Должен, - ответил я, вылавливая четыре сумки с потрепанной ленты транспортера. Мы встали рядом с ними, в то время как толпа накатывала и откатывалась, подобно приливным волнам. От мужчин в белых рубашках и женщин в сари, сгрудившихся в небольшом здании, исходили импульсы какой-то истерии.

- Морроу связался с Союзом бенгальских писателей. Была договоренность, что некто по имени Майкл Леонард Чаттерджи отвезет нас в отель, но мы задержались на несколько часов. Наверное, он уже уехал домой. Я попробую найти такси.

Бросив взгляд на выход, я увидел, что он забит толкающимися, орущими людьми и остался рядом с сумками.

- Мистер и миссис Лушак. Роберт Лушак?

- Лушак, - машинально поправил я. - Да, я Роберт Лушак.

Я оглядел человека, который пробился к нам. Он был высок, худощав, в грязно-коричневых штанах и белой рубашке, выглядевшей серой и не слишком чистой при зеленоватом флуоресцентном освещении. На лицо он был довольно молод - где-то под тридцать, пожалуй, - гладко выбрит, но черные волосы торчали огромными наэлектризованными пучками, а пронзительный взгляд темных глаз производил впечатление такой силы, что это граничило с ощущением сдерживаемой страсти к насилию. Его темные, густые брови почти срослись над хищным ястребиным носом. Отступив на полшага, я поставил сумку, чтобы освободить правую руку.

- Мистер Чаттерджи?

- Нет, я не видел мистера Чаттерджи, - ответил он пронзительным голосом. - Меня зовут М. Т. Кришна. - Поначалу из-за шума толпы и напевного акцента мне послышалось "пустой Кришна?" <Инициалы М.Т, созвучны в английском языке прилагательному empty - пустой, бессодержательный.>.

Я протянул руку, но Кришна повернулся и пошел вперед по направлению к выходу. Правой рукой он раздвигал толпу.

- Сюда, пожалуйста. Быстрее, быстрее. Кивнув Амрите, я поднял три сумки.

Невероятно, но Виктория, несмотря на жару и сумасшедшую толчею, продолжала спать.

- Вы из Союза писателей? - спросил я.

- Нет-нет. - Отвечая, Кришна даже не повернул головы. - Я, видите ли, работаю преподавателем на неполной ставке. У меня есть связи с Американским фондом образования в Индии. К моему инспектору, мистеру Шаху, обратился его очень хороший и давний друг, мистер Бронштейн из Нью-Йорка, который попросил меня оказать эту любезность. Быстрее.

На улице воздух показался еще более тяжелым и влажным, чем в наполненном испарениями помещении. Над дверями терминала прожектора высвечивали серебристую надпись.

- "Аэропорт Дум-Дум", - вслух прочитал я.

- Да-да. Именно здесь делали эти пули, пока они не были запрещены после Первой мировой войны, - сказал Кришна. - Сюда, пожалуйста.

Внезапно мы оказались в окружении десятка носильщиков, помогающих возможности отнести нашу немногочисленную поклажу. Эти люди были тощими, как стебли тростника, голоногими, завернутыми в коричневое тряпье. Один из них был одноруким. Другой имел такой вид, будто пережил страшный пожар: кожа у него на груди спеклась большими складками шрамов. Очевидно, он не мог говорить, хотя из его покаленного горла и вырывались требовательные булькающие звуки.

- Отдайте им багаж, - бросил Кришна. Он сделал повелительный жест, а носильщики лезли друг на друга, чтобы добраться до сумок.

Нам пришлось пройти лишь около шестидесяти футов по закругляющейся дорожке. Насыщенный влагой воздух был темен и тяжел, как промокшее армейское одеяло. Потеряв на какую-то секунду ориентацию, я решил, что идет снег, так как воздух выглядел наполненным белыми хлопьями; лишь потом я сообразил, что это миллионы

насекомых кружатся в лучах прожекторов аэропорта. Кришна махнул носильщикам и показал на машину. Я остановился в изумлении.

- Автобус? - спросил я, хотя бело-голубая машина больше напоминала микроавтобус. Вдоль борта шла надпись USEFI.

- Да-да-да. Удалось раздобыть только это. Теперь побыстрее.

Один из носильщиков, проворством напоминающий обезьяну, забрался сзади на крышу автобуса. Все наши четыре сумки были поданы наверх и закреплены на багажнике. Когда через багаж перебросили черную пластиковую ленту, у меня мелькнула невольная мысль, а почему нельзя было уложить все в салон. Пожав плечами, я вытащил две бумажки по пять рупий, чтобы дать носильщикам. Деньги у меня из руки забрал Кришна и вернул мне одну бумажку.

- Нет. Слишком много, - сказал он. Я снова пожал плечами и помог Амрите зайти в машину. Из-за криков возбужденных носильщиков Виктория все-таки проснулась и теперь присоединила свой визг к общей суматохе. Кивнув сонному водителю, мы уселись на место справа. Кришна стоял у двери и переругивался с тремя носильщиками, которые несли наши вещи. Амрита не понимала всего этого потока бенгальской речи, но все же смогла разобрать, что носильщики расстроены тем, что не могут поделить пять рупий на троих, и требуют еще одну. Кришна крикнул что-то и стал закрывать дверцу автобуса. Старейший из носильщиков, лицо которого представляло лабиринт глубоких морщин, поросших седой щетиной, вышел вперед и встал на пути закрывающейся двери. Остальные носильщики переместились со своего места рядом со входом в здание аэропорта. Крики перешли в вопли.

- Ради Бога, - сказал я Кришне, - вот, возьмите, дайте им еще несколько рупий. Поехали отсюда.

- Нет! - Взгляд Кришны метнулся в мою сторону, и на этот раз ярость в нем уже не сдерживалась. Такое выражение можно наблюдать на лицах тех, кто участвует в кровавых развлечениях. - Слишком много, - твердо сказал он.

Теперь у двери стояла целая ватага носильщиков. Вдруг они захлопали ладонями по борту автобуса. Водитель выпрямился и нервно поправил кепку. Старик в дверном проеме поднялся на нижнюю ступеньку, будто собирался войти в салон, но Кришна приставил три пальца к его обнаженной груди и резко толкнул. Старик упал свиной назад в море силуэтов в коричневых одеяниях.

В приоткрытое стекло рядом с Амритой вдруг вцепились шишковатые пальцы, и на нем, как на перекладине, подтянулся носильщик с обожженным лицом. Его губы отчаянно шевелились в нескольких дюймах от нас, и мы разглядели, что у него не было языка. На запыленное окно брызгала слюна.

- Черт возьми, Кришна! - Я приподнялся, чтобы дать носильщикам деньги. Тут из тени вышли трое полицейских. Они носили белые шлемы, ремни под Сэма Брауна и шорты цвета хаки. Двое из них держали в руках латхи - индийский вариант полицейской дубинки - трехфутовые палки из тяжелого дерева с металлическим сердечником в рабочем конце.

Толпа носильщиков продолжала шуметь, но расступилась, чтобы пропустить полицейских. Лицо со шрамами исчезло из окна со стороны Амриты. Первый полицейский стукнул палкой по радиатору машины, и старый носильщик повернулся к нему, чтобы выкрикнуть свои жалобы. Полицейский поднял свое смертоносное орудие и что-то рывкнул в ответ. Кришна воспользовался предоставившейся возможностью и повернул ручку, запиравшую дверцу автобуса. Он бросил пару слов водителю, и мы двинулись все быстрее по темной дорожке. По задней стенке автобуса громыхнул брошенный камень.

Затем мы покинули территорию аэропорта и выехали на пустую четырехрядную трассу.

- Шоссе для ОВП, - крикнул Кришна, не отходя от двери. - Ездят только очень важные персоны.

Справа промелькнул выцветший щит. Незатейливая надпись на хинди, бенгали и английском гласила:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КАЛЬКУТТУ.

Мы ехали с выключенными фарами, но внутреннее освещение в автобусе продолжало гореть. Вокруг чудесных глаз Амриты легли темные тени усталости. Виктория - слишком измотанная, чтобы спать, утомленная от плача - потихоньку хныкала на руках у матери. Кришна сел боком впереди от нас, повернувшись к нам ястребиным профилем его сердитое лицо освещалось лампочками над головой и случайными уличными фонарями.

- Я учился в университете в Штатах почти три года, - сообщил он.

- Правда? - откликнулся я. - Как интересно. Мне хотелось врезать по физиономии этому тупому сукиному сыну за устроенную им бучу.

- Да-да. Я работал с черными, чиканос, краснокожими индейцами. Угнетенными людьми вашей страны.

Болотистые темные поля, окружавшие шоссе, внезапно уступили место беспорядочному скоплению лачуг, подступавших прямо к обочине дороги. Сквозь джутовые стены просвечивали фонари. В отдалении у костров, на фоне желтого пламени, судорожно двигались резко очерченные силуэты. Без заметного перехода мы выехали из сельской местности и теперь крутились по узким, залитым дождем улочкам, проходившим мимо кварталов заброшенных многоэтажек, протянувшихся на многие мили трущоб с крышами из жести и бесконечных рядов обветшалых, почерневших фасадов лавок.

- Мои профессора были глупцы. Консервативные глупцы. Они думали, что литература состоит из мертвых слов в книгах.

- Да, - произнес я, не имея представления, о чем толкует Кришна.

Улицы были затоплены. Местами вода поднималась на два-три фута. Под рваными навесами полулежали, спали, сидели на корточках закутанные фигуры и смотрели на нас глазами, в которых виднелись лишь белки, окруженные тенью. В каждом переулке взгляду представали открытые помещения, резко освещенные дворы, тени, передвигающиеся среди теней. Какому-то хилому человечку, толкавшему тяжело груженную тележку, пришлось отскочить в сторону от нашего автобуса, обдавшего его самого и его груз водяной завесой. Он потрясал кулаком, а из его рта вылетали неслышные нам проклятия.

Здания казались гораздо старше своего возраста, некими заброшенными осколками какого-то давно забытого тысячелетия - еще до появления человека, - поскольку все эти тени, углы, проемы и пустоты ничем не напоминали человеческую архитектуру. И все же на каждом втором или третьем этаже в открытых окнах этих друидских жертвенников мелькали свидетельства присутствия человека: покачивающиеся неприкрытые лампочки, дергающиеся головы, ободранные стены с отвалившейся от белых ребер зданий штукатуркой, аляповатые картинки с многорукими божествами, выдранные из журналов и криво наклеенные на стены или окна, крики играющих, носящихся, пробегающих по темным переулочкам ребятишек, почти неслышное хныканье младенцев - и повсюду, куда ни кинешь взгляд, суматошное движение, шуршание автобусных покрышек по раскисшей глине и гудрону, закутавшиеся фигуры, будто трупы лежащие в тени тротуаров. Меня охватило ужасное ощущение уже виденного.

- Я ушел с омерзением, когда один дурак-профессор не стал брать мою работу о долге Уолта Уитмена перед дзен-буддизмом. Высокомерный, провинциальный дурак.

- Да, - сказал я. - Как вы думаете, нельзя ли выключить внутреннее освещение?

Мы подъезжали к центру города. Гниющие трущобы уступили место строениям покрупнее, даже еще более гнилого вида. Уличные фонари попадались редко. Слабые отблески зарниц отражались в глубоких черных лужах, заливавших перекрестки. Казалось, что перед каждым темным фасадом лавки лежали или приподнимались посмотреть на приближающийся автобус закутанные в тряпье фигуры, напоминавшие тюки невостребованного белья в прачечной. В желтом свете внутри автобуса мы выглядели как бледные трупы. Теперь я понимал, что должны чувствовать военнопленные, которых провозят по улицам вражеской столицы.

Впереди, в круге черной воды на ящике стоял мальчик и, как мне показалось, крутил за хвост дохлого кота. Он бросил его в подъехавший автобус, и только тогда, когда покрытая шерстью тушка с глухим звуком отскочила от ветрового стекла, я сообразил, что это была крыса. Водитель выругался и направил машину на ребенка. Мальчик отпрыгнул, мелькнув коричневыми ногами, а ящик, на котором он стоял, разлетелся под правым колесом.

- Вы понимаете, конечно, потому что вы поэт, - сказал Кришна, ощерив мелкие, острые зубки.

- Как насчет освещения? - спросил я, чувствуя, что начинаю закипать. Амрита коснулась моей руки левой ладонью.

Кришна бросил что-то по-бенгальски. Водитель пожал плечами и буркнул в ответ.

- Выключатель сломан" - сказал Кришна. Мы выехали на открытое пространство. То, что могло быть парком, жирной черной линией рассекало лабиринт покосившихся строений. Посреди захлавленной площади стояли два заброшенных трамвая, а рядом с ними под провисшим навесом сгрудились с десятков семейств. Снова начинался дождь. Внезапно обрушившийся ливень колотил, словно кулаками с неба, по железу автобуса. Щетка была лишь со стороны водителя, и она лениво двигалась по водяной завесе, которая вскоре отделила нас от города сплошной пеленой.

- Мы должны поговорить о мистере М. Дасе, - сказал Кришна.

Я моргнул.

- Я хотел бы, чтобы свет был выключен, - медленно и отчетливо сказал я.

Иррациональная ярость накапливалась во мне с самого аэропорта. Через секунду я уже не сомневался, что придушу этого ограниченного, бесчувственного идиота; буду душить, пока эти лягушачьи глаза не вылезут из его дурацкой башки. Я ощущал, что злость, как тепло от крепкого алкоголя, растекается по телу. Амрита, должно быть, почуяла наплыв моей неменяемости, поскольку ее пальцы сжались на моей руке, как клещи.

- Очень важно, чтобы я поговорил с вами о мистере М. Дасе, - сказал Кришна.

Духота в автобусе была почти невыносимой. Пот застывал на лице, как волдыри от ожога. Наше дыхание, казалось, зависло в воздухе облаком пара, в то время как мир вокруг нас оставался сокрытым грохочущим ливнем за окнами.

- Я выключу этот проклятый свет, - проговорил я и начал подниматься. Если б не Виктория, Амрита вцепилась бы в меня сзади обеими руками.

Кришна удивленно поднял широкие брови, когда я навис над ним. Правую руку я высвободил как раз в тот момент, когда Амрита сказала:

- Уже не имеет значения, Бобби. Мы приехали. Смотри, вот отель.

Я застыл и наклонился, чтобы выглянуть в окно. Ливень перестал так же внезапно, как и начался, и лишь слегка моросило. Моя злость улетучилась вместе с затихающим звуком дождя на крыше.

- Мы, наверное, поговорим попозже, мистер Лузак, - сказал Кришна. - Это весьма важно. Наверное, завтра.

- Да.

Я взял Викторию на руки и первым вышел из автобуса.

Сумрачный фасад "Оберой Гранд-отеля" напоминал гранитную скалу, но из-за двойных дверей проникало немного света. Потрепанный тент доходил до бордюра. На другой стороне улицы стояли с десятков молчаливых темных фигур под лоснящимися от дождя зонтами. Некоторые из них держали намоченные плакаты. На одном я разглядел серп и молот и английское слово "НЕСПРАВЕДЛИВО".

- Забастовщики, - пояснил Кришна и щелкнул пальцами сонному швейцару в красном жилете. Я пожал плечами. Линия пикета перед черным фасадом отеля в полвторого ночи в залитой муссонным дождем Калькутте меня не удивила. За предыдущие полчаса ощущаемая мной реальность уже не раз теряла очертания. Какой-то гул, вроде звука скребущихся лапок бесчисленных насекомых, заполнял мои уши. "От самолета", - подумал я.

- Спасибо, что подвезли, - поблагодарила Амрита, когда Кришна запрыгнул обратно в автобус. Он ответил гримасой акульего детеныша.

- Да-да. Я поговорю с вами завтра. Спокойной ночи. Спокойной ночи.

Вход в отель состоял, казалось, из нескольких темных коридоров, которые неким защитным лабиринтом отделяли вестибюль от улицы. В самом вестибюле было довольно светло. Щеголеватый клерк имел отнюдь не сонный вид и выразил радость, увидев нас. Да, места для мистера и миссис Лузак забронированы именно здесь. Да, они получили наш телекс насчет задержки. Хоть портье был и стар, но он успел погугукать Виктории, пока мы поднимались в лифте на шестой этаж. Когда он уходил, я дал ему десять рупий.

Наш номер был таким же пещерообразным и темным, как и все остальное в этом городе, но зато здесь было сравнительно чисто, а на двери имелся массивный засов.

- О нет! - раздался из ванной голос Амриты. Я в три прыжка оказался там, ощущая, как колотится сердце.

- Здесь нет полотенец, - сообщила Амрита. - Только салфетки.

Тогда мы оба начали смеяться. Если кто и останавливался, то только для того, чтобы другой захохотал снова.

Десять минут у нас ушло, чтобы устроить на пустой кровати гнездышко для Виктории, содрать с себя пропотевшую одежду, наскоро ополоснуться и вдвоем заползти под тонкое покрывало. Кондиционер почавкивал и глухо похрипывал. Где-то рядом послышался взрывной звук спускаемой воды. Пульсирующий гул у меня в ушах был отголоском реактивных двигателей самолета.

- Сладких снов, Виктория, - сказала Амрита. Девочка тихонько бормотала во сне. Мы заснули через две минуты.

Глава 4

И на большом дворе после прорыва местных барьеров

Законченное общение между людьми, приятные шатания начинаются.

Пурнendu Патри

- В утреннем свете все выглядит гораздо лучше, - сказала Амрита. Мы завтракали в кафе "Сад" при отеле. Виктория счастливо гукала на высоком стульчике, который принес услужливый официант. Кафе выходило на садик во внутреннем дворе. Весело перекликались рабочие на лесах.

Я пил чай, жевал горячую сдобу и читал калькуттскую газету на английском. Передовица призывала к более современной транзитной системе. В рекламных

объявлениях предлагались сари и мотоциклы. Улыбающаяся индийская семья поднимала бутылки с кока-колой. Рядом на этой же странице был снимок крупным планом трупа - разлагающегося, с напоминающим взорвавшуюся покрышку лицом, с выпученными остекленевшими глазами. Тело было обнаружено в неотребованном стальном сундуке на железнодорожной станции Хоура как раз вчера - во вторник, 14 июля, - и каждый, кто смог бы помочь в опознании, должен был обратиться к инспектору полиции отделения станции Хоура и сослаться на дело № 23 от 14.7.77 u/s 302/ 301 I. P. C. (S. R. 39/77).

Сложив газету, я бросил ее на стол.

- Мистер Лузак? Доброе утро!

Я поднялся, чтобы пожать руку подошедшему к нам индийскому джентльмену средних лет. Был он низеньким, светлокожим, почти лысым и носил толстые очки в роговой оправе. На нем был безупречный тропический костюм из шерстяной ткани, а рукопожатие его отличалось деликатностью.

- Мистер Лузак, - заговорил он, - меня зовут Майкл Леонард Чаттерджи. Весьма приятно познакомиться с вами, мистер Лузак.

Слегка поклонившись, он взял Амриту за руку.

- Мои самые искренние извинения, за то что не встретил вас в аэропорту ночью. Мой шофер ошибочно сообщил мне, что бомбейский рейс задерживается до утра.

- Ничего страшного, - ответил я.

- Но ведь это прискорбно и негостеприимно - не встретить и не принять должным образом. Прошу у вас прощения. Мы очень рады, что вы уже здесь.

- Кто это "мы"? - спросил я.

- Присаживайтесь, прошу вас, - пригласил Амрита.

- Спасибо. Какое красивое дитя! У нее ваши глаза, миссис Лузак. А "мы" - это Союз писателей Бенгалии, мистер Лузак. Мы постоянно держим контакт с мистером Морроу, следим за его прекрасными публикациями и надеемся поделиться с вами последними работами лучшего в Бенгалии..., нет, в Индии поэта.

- Значит, мистер Дас все еще жив? Чаттерджи мягко улыбнулся.

- О, в этом нет никаких сомнений, мистер Лузак. За последние шесть месяцев мы получили от него немало писем.

- Но вы его видели? - продолжал я давить. - Вы уверены, что это мистер Дас? Почему он исчез на восемь лет? Когда я смогу с ним встретиться?

- Всему свое время, мистер Лузак, - сказал Майкл Леонард Чаттерджи. - Всему свое время. Я организовал для вас ознакомительную встречу с исполнительным комитетом нашего союза писателей. В два часа дня вас устроит? Или вы с миссис Лузак желаете сегодня отдохнуть и осмотреть город?

Я взглянул на Амриту. Мы уже договорились, что если мне не понадобится переводчик, то тогда она с Викторией останется в отеле и отдохнет.

- Сегодня вполне устраивает, - ответил я.

- Чудесно, чудесно. В половине второго я пришлю за вами машину.

Мы смотрели, как Майкл Леонард Чаттерджи покидает кафе. Позади нас рабочие на бамбуковых лесах весело перекликались со служащими отеля, проходившими по садику. Виктория громко забарабанила по столику на своем стульчике и присоединилась к общему веселью.

На площади через улицу от отеля стоял щит с рекламой Объединенного банка Индии. Картинки там не было, лишь черные буквы на белом фоне: "Калькутта:

Культурная столица страны? - Символ непристойности?" Мне показался странным такой способ рекламировать банк.

Машина была небольшим черным "премьером" с водителем в кепке и шортах цвета хаки. Мы двинулись по Чоурингхи-роуд, и пока пробивались сквозь напряженное движение, у меня появилась возможность разглядеть Калькутту при свете дня.

Сумасшедшая круговерть вокруг производила почти потешное впечатление. Пешеходы, армады велосипедистов, восточного вида рикши, автомобили, украшенные свастиками грузовики, бесчисленные мопеды и поскрипывающие повозки, запряженные волами, - все это боролось и сражалось за нашу узенькую полосу разбитой мостовой. Свободно расхаживавшие коровы то останавливали движение, то просовывали головы в лавки, то пробирались через кучи мусора, наваленного по бордюрам или посреди проезжей части. В одном месте отбросы окаймляли улицу на протяжении трех кварталов подобием вала высотой по колено. Люди тоже ползали по этим кучам, соперничая с коровами и воронами за кусочки чего-нибудь съедобного.

Чуть подальше улицу переходили гуськом школьницы в строгих белых блузках и синих юбках, в то время как полицейский с коричневым ремнем остановил для них транспортный поток. На следующем перекрестке доминировал небольшой красный храм, стоявший точно посередине улицы. С проводов и обветшалых фасадов свисали красные флаги. И повсюду непрестанное движение коричневокожих людей - почти приливный поток спящих, облаченных в белые и светло-коричневые одеяния местных жителей, от сырого дыхания, которых, казалось, сгущается сам воздух.

Калькутта в светлое время производила сильное, пожалуй, слегка пугающее впечатление, но не вызывала того необъяснимого страха или гнева, что накануне ночью. Прикрыв глаза, я попытался проанализировать ярость, охватившую меня в автобусе, но жара и шум не позволили мне сосредоточиться. Казалось, все велосипедные звонки на свете слились с автомобильными сигналами, криками и нарастающим шепотом самого города для того, чтобы воздвигнуть стену из шума, ощущавшегося почти физически.

Союз писателей помещался в сером, неуклюжем строении рядом с площадью Далхаузи. У подножия лестницы меня встретил мистер Чаттерджи и проводил на третий этаж. Большая комната не имела окон. С закопченного потолка смотрели выцветающие фрески, а от покрытого зеленым сукном стола на меня обратили взгляды семь людей.

Мы представились друг другу. Я и в более благоприятных условиях ужасно плохо запоминаю имена, а тут я почувствовал что-то вроде головокружения, пытаюсь соотнести длинные бенгальские созвучия с коричневыми интеллигентными лицами. Единственную присутствовавшую там женщину с усталым лицом и седыми волосами, постоянно поправлявшую на плече свое тяжелое зеленое сари, звали, кажется, Ли́ла Мина Басу Беллиаппа.

Первые несколько минут разговора оказались нелегкими из-за разницы в произношении. Я обнаружил, что стоит расслабиться и позволить потоку напевного индийского английского омывать меня, как смысл сказанного довольно быстро становится понятным. Прерывистый ритм их речи оказывал странно успокаивающее, почти гипнотическое воздействие. Внезапно из тени появился официант в белой куртке и раздал выщербленные чашки, наполненные сахаром, буйволиным молоком и небольшим количеством чая. Я сидел между женщиной и директором исполнительного совета, неким мистером Гуптой, высоким человеком среднего возраста с тонкими чертами лица и грозно выступающими верхними клыками. Я невольно пожалел, что со мной нет Амриты. Ее

бесстрастность послужила бы буфером между мной и этими эксцентричными незнакомцами.

- Полагаю, что мистер Лузак должен выслушать наше предложение, - неожиданно заговорил Гупта.

Остальные кивнули. Как по сигналу погас свет.

В помещении без окон наступила кромешная тьма. Из разных концов здания послышались крики, а потом принесли свечи. Перегнувшись через стол, мистер Чаттерджи заверил меня, что это самое обычное происшествие. По всей видимости, когда в каких-то частях города потребление электроэнергии превышало норму, электричество отключалось.

Темь и свет от свечей каким-то образом усиливали жару. Я почувствовал легкое головокружение и уцепился за край стола.

- Мистер Лузак, вы отдаете себе отчет в уникальности привилегии получить шедевр такого великого бенгальского поэта, как М. Дас. - Пронзительный голос мистера Гупты напоминал звук гобоя. Тяжелые ноты повисали в воздухе. - Даже мы еще не видели окончательный вариант его произведения. Надеюсь, что читатели вашего журнала по достоинству оценят оказанную им честь.

- Да, - сказал я. С кончика носа мистера Гупты свисала капелька пота. Неверный свет свечей отбрасывал наши тени четырнадцатифутовой высоты. - А вы получали еще какие-нибудь рукописи от мистера Даса?

- Пока нет, - ответил Гупта. Его темные, влажные глаза прикрывались тяжелыми веками. - Наш комитет должен вынести окончательное решение по размещению англоязычной версии его эпического произведения.

- Я хотел бы встретиться с мистером Дасом, - сказал я.

Сидевшие за столом переглянулись.

- Это не представляется возможным.

Заговорила женщина. Ее высокий визгливый голос напоминал скрежет ножовки по металлу. Раздражающие, гундосые звуки никак не стыковались с ее почтенной наружностью.

- Отчего же?

- М. Дас недоступен уже много лет, - ровным голосом сказал Гупта. - Некоторое время мы считали его умершим. Мы оплакали потерю национального сокровища.

- А откуда вам известно, что он жив сейчас? Его кто-нибудь видел?

Снова наступило молчание. Свечи уже наполовину сгорели и отчаянно трещали, хотя в комнате не было ни малейшего дуновения. Из-за страшной жары меня слегка подташнивало. На какое-то мгновение у меня промелькнула дикая мысль, что свечи догорят, а мы будем продолжать разговор во влажной темноте, бесплотные духи, посещающие ветхое здание во чреве мертвого города.

- У нас имеется корреспонденция, - сказал Майкл Леонард Чаттерджи. Он извлек из портфеля с полдюжины хрустящих конвертов. - Они подтверждают с несомненной убедительностью, что наш друг все еще жив и живет среди нас.

Чаттерджи послунывил пальцы и пролистал туго свернутые страницы тонкой почтовой бумаги. При тусклом освещении строки индийских букв напоминали магические руны, какие-то зловещие заклятия.

В доказательство своих слов мистер Чаттерджи зачитал вслух несколько выдержек. Там спрашивалось о родственниках, упоминались общие знакомые. Был и вопрос к мистеру Гупте по поводу короткого стихотворения Даса, оплаченного много лет назад, но так и не опубликованного.

- Хорошо, - сказал я. - Но для моей статьи очень важно, чтобы я лично увидел мистера Даса и смог бы...

- Прошу прощения, - перебил меня мистер Чаттерджи, подняв руку. На стеклах его очков, в том месте, где должны были быть глаза, отражались двойные огоньки. - Возможно, следующие строки объяснят, почему это невозможно.

Он сложил листок, прокашлялся и стал читать:

- "...итак, сами видите, друг мой, меняется все, но не люди. Я вспоминаю один день в июле 1969 года. Это было во время праздника Шивы. В "Тайме" сообщили, что люди оставили следы на Луне. Я возвращался из деревни моего отца: это место, где люди вот уже пять тысяч лет оставляют следы на земле за своими рабочими быками. В деревнях, мимо которых проезжал наш поезд, крестьяне выбивались из сил, протаскивая через грязь свои священные колесницы.

На обратном пути в наш возлюбленный город, посреди шумной толпы, меня все время терзала мысль о том, какой пустой и тщетной была вся моя жизнь. Отец мой прожил долгую и полезную жизнь. Каждый житель его деревни - будь то брахман или харьян - пожелал присутствовать при его сожжении. Я проходил через поля, которые мой отец орошал, возделывал, отвоевывал у капризной природы задолго до моего рождения. После похорон я оставил братьев и удалился под сень огромного баньяна, посаженного отцом еще в юности. Повсюду вокруг меня были свидетельства трудов моего отца. Казалось, сама земля скорбит о его кончине.

А что, спрашивал я себя, сделал я? Через несколько недель мне исполнится пятьдесят четыре года, а во имя чего я прожил свою жизнь? Написал несколько стихотворений, радовал своих коллег и раздражал некоторых критиков. Я соткал паутину иллюзий, убедив себя в том, что продолжаю традиции нашего великого Тагора. Затем сам запутался в собственной паутине обмана.

К тому времени, когда мы достигли станции Хоура, я уже увидел всю пустоту своей жизни и творчества. Более тридцати лет я жил и работал в нашем возлюбленном городе - сердце и драгоценном камне Бенгалии, - и никогда мои жалкие труды не выражали, более того, даже не содержали намека на сущность этого города. Я пытался определить душу Бенгалии, описывая ее самые поверхностные черты, пришельцев из других краев и ее наименее честное лицо. Как если бы я попытался описать душу красивой и одаренной женщины, перечисляя детали ее одежд, взятых напрокат.

Ганди однажды сказал: "Человек не может жить полноценно, если он не умирал хотя бы раз". Когда я вышел из своего вагона первого класса на станции Хоура, я уже осознал настоятельность этой великой истины. Чтобы жить - в своей душе, в своем искусстве, - я должен избавиться от всего принадлежащего моей старой жизни.

Я отдал оба своих чемодана первому попавшемуся нищему. Мне до сих пор приятно вспоминать его изумленный вид. Не имею ни малейшего представления, что он сделал потом с моими льняными рубашками, парижскими галстуками и множеством взятых мною книг.

По мосту Хоура вошел я в город, зная лишь одно: я умер для своей старой жизни, умер для своего старого дома и прежних привычек и обязательно умер для тех, кого любил. Лишь заново войдя в Калькутту, как около тридцати трех лет назад вошел я в нее исполненным надежд, заикающимся юношей из небольшой деревушки, смогу я увидеть незамутненным взглядом, что мне требуется для моей заключительной работы.

И именно этой работе..., моей первой истинной попытке рассказать историю о городе, питающем нас..., посвятил я жизнь. С того дня много лет назад моя новая жизнь приводила

меня в места, о которых я никогда не слышал в моем возлюбленном городе, городе, который я по глупости своей считал очень близко мне знакомым.

Это заставило меня искать путь среди заблудившихся, владеть только тем, от чего отказались неимущие, трудиться с неприкасаемыми, набираться мудрости у дураков из парка Керзон, а добродетели - у проституток с Саддер-стрит. И потому мне пришлось признать присутствие тех темных богов, что держали в своих руках это место еще до того, как родились сами боги. Найдя их, я обрел самого себя.

Прошу вас, не пытайтесь встретиться со мной. Вы не найдете меня, если станете искать. Вы не узнаете меня, если найдете.

Друзья мои, поручаю вам выполнить мои инструкции, относящиеся к этой последней работе. Поэма пока не закончена. Предстоит еще большая работа. Но времени становится все меньше. Мне хочется, чтобы уже имеющиеся фрагменты были распространены как можно шире. Реакция критиков не имеет никакого значения. Авансы и авторские права тоже не важны. Это должно быть опубликовано.

Отвечайте по обычным каналам".

Чаттерджи замолчал и в опустившейся тишине проступило далекое многоголосие улицы. Мистер Гупта кашлянул и задал вопрос об авторских правах в Америке. Я разъяснил, как мог, и условия "Харперс", и гораздо более скромные предложения "Других голосов". Последовала череда реплик и вопросов. Свечи уже почти догорели.

Наконец, Гупта обратился к остальным и скороговоркой произнес что-то по-бенгальски. И снова я пожалел, что со мной нет Амриты. Но Майкл Леонард Чаттерджи сказал:

- Если бы вы подождали немного в холле, мистер Лузак, совет проголосовал бы по вопросу публикации рукописи М. Даса.

Поднявшись на затекших ногах, я проследовал за слугой со свечой. На площадке имелись стул и круглый столик, на который и поставили ту свечу. По лестничному колодцу поднимался слабый свет от матовых окон, выходящих на площадь Далхаузи, но от этого тусклого света углы лестничной площадки и прилегающие к ней коридоры казались погруженными в еще более густой мрак.

Я просидел около десяти минут и чуть не задремал, но вдруг заметил какое-то шевеление в тени. У самого круга света что-то крадучись передвигалось. Я поднял свечу и увидел застывшую в неподвижности крысу размером с небольшого терьера. Она остановилась на краю площадки, смачно постукивая хвостом по доскам. От границы между светом и тенью на меня смотрели зловеще мерцающие глазки. Она продвинулась на полшага, и меня окатило ознобом отвращения. Своими повадками это существо больше всего напоминало мне кошку, крадущуюся за добычей. Я приподнялся и схватил хлипкий стул, приготовившись швырнуть его.

Неожиданный громкий звук за спиной заставил меня подскочить на месте. Тень крысы слилась с тенью коридора, и там послышался звук множества когтей, скребущих по дереву. Из черной совещательной залы появились мистер Чаттерджи и мистер Гупта. Огоньки отражались в стеклах очков мистера Чаттерджи. Мистер Гупта шагнул в круг моего дрожащего света. Его напряженная улыбка обнажала длинные, желтые зубы.

- Решение принято, - сказал он. - Рукопись вы получите завтра. О деталях вам сообщат дополнительно.

Нет мира в Калькутте;

Кровь зовет в полночь...

Суканта Бхаттачарджи

Слишком просто. Такая мысль пришла мне в голову, когда меня везли обратно в отель. Я уже представлял себя пытливым журналистом в полупальто - это в такую-то жару! - тщательно выискивающим улики, чтобы собрать воедино картину таинственного исчезновения и появления бенгальского поэта-призрака. И вот загадка разрешена в первый же день моего пребывания в городе. Завтра в субботу я получу рукопись и смогу улететь домой вместе с Амритой и ребенком. Разве на этом можно сделать какую-нибудь статью? Слишком просто.

Организм настойчиво утверждал, что сейчас раннее утро, но наручные часы показывали пять часов пополудни. Из носящих следы времени зданий офисов рядом с отелем выходили служащие, напоминающие белых муравьев, выбирающихся из серых каменных остовов. Целые семейства кипятили воду для чая на разбитых тротуарах, а через спящих детей перешагивали мужчины с кейсами. Человек в лохмотьях присел в сточной канаве помочиться, а другой в это время купался в луже не далее чем в шести футах от него. Я протиснулся через пикет коммунистов и вошел в освежаемое кондиционерами святилище отеля.

В вестибюле меня ожидал Кришна. Администратор наблюдал за ним с таким видом, будто Кришна был известным террористом. Неудивительно. Вид у него был еще более дикий, чем раньше. Его черные волосы торчали как наэлектризованные восклицательные знаки, а глаза, напоминающие жабы, округлились и побелели под темными бровями еще больше, чем обычно. Завидя меня, он широко ухмыльнулся и пошел мне навстречу с протянутой рукой. Я пожал ее, прежде чем до меня дошло, что этим сердечным приветствием Кришна продемонстрировал администратору правомочность своего присутствия.

- А, мистер Лузак! Очень приятно снова вас увидеть! Я пришел, чтобы помочь вам в поисках поэта, М. Даса.

Он продолжал трясти мою руку. На нем была та же засаленная рубашка, что и накануне ночью, и несло от него резким одеколоном и потным телом. Я же ощущал, что у меня пот начинает подсыхать, по мере того, как от мощного кондиционирования у меня проступала гусиная кожа.

- Благодарю вас, мистер Кришна, но в этом нет необходимости. - Я отнял свою руку. - Я уже обо всем договорился. Завтра я закончу здесь все свои дела.

Кришна застыл как вкопанный. Улыбка на его лице угасла, а брови еще ближе сошлись над крупным кривым носом.

- Ага, понимаю. Вы побывали в Союзе писателей. Верно?

- Да.

- Да-да, конечно. Они, вероятно, поведали вам очень убедительную историю о нашем прославленном М. Дасе. Вас удовлетворила эта история, мистер Лузак?

Последнюю фразу Кришна произнес почти шепотом, а вид у него при этом был настолько заговорщицкий, что администратор в другом конце вестибюля нахмурился. Одному Богу известно, что он подумал насчет высказанного мне предложения.

Я колебался. Я не знал, какое отношение имеет ко всему этому Кришна, и мне не хотелось тратить время на выяснения. В душе я обложил Эйба Бронштейна последними словами за то, что он сунулся в мои приготовления и невольно свел меня с этим слизняком. В то же время я остро осознавал, что меня ждут Амрита и Виктория, и ощущал раздражение из-за того, что дело приняло столь неожиданный оборот.

Кришна, расценивший мои колебания как неуверенность, подался вперед и схватился за мое предплечье.

- У меня есть один человек, с которым вы должны встретиться, мистер Лузак. Один человек, который расскажет вам правду про М. Даса.

- Что вы подразумеваете под правдой? Кто этот человек?

- Я предпочел бы не говорить, - прошептал Кришна. Ладони у него были влажными. В его глазах проступали тоненькие желтые прожилки. - Вы поймете, когда услышите его рассказ.

- Когда? - отрывисто спросил я. Лишь чувство незавершенности, которое я ощутил в машине, удержало меня от того, чтобы послать Кришну ко всем чертям.

- Немедленно! - ответил Кришна с торжествующей ухмылкой. - Мы можем встретиться с ним сейчас же!

- Невозможно. - Я резко вырвал руку. - Я поднимаюсь наверх. Приму душ. Я обещал жене, что мы поужинаем вместе.

- Да-да. - Кришна кивнул и втянул воздух через нижние зубы. - Конечно. Тогда я договарюсь на девять тридцать. Это вас устроит?

Я колебался.

- Ваш друг хочет получить плату за информацию?

- О, нет-нет! - Кришна поднял ладони. - Он себе такого не позволит. Лишь с большим трудом мне удалось убедить его с кем-то поговорить об этом.

- В девять тридцать? - переспросил я. Мысль о том, что придется выходить в Калькутту вечером, вызывала у меня легкую тошноту.

- Да. Кафе закрывается в одиннадцать. Мы встретимся с ним там.

Кафе. В этом слове было нечто безобидно знакомое. Если бы здесь присутствовала какая-нибудь изюминка, которой я смог бы сдобрить статью...

- Хорошо, - сказал я.

- Я буду ждать вас здесь, мистер Лузак.

Женщина, державшая моего ребенка, не была Амритой. Я застыл, вцепившись в дверную ручку. Так бы я и стоял или даже вышел бы в замешательстве обратно в коридор, не появившись в этот момент из ванной Амрита.

- Ой, Бобби, это Камахья Бхарати. Камахья, это мой муж, Роберт Лузак.

- Очень приятно познакомиться с вами, мистер Лузак.

Ее голос звучал дуновением ветерка по весеннему цветку.

- Рад познакомиться с вами, мисс..., э-э-э... Бхарати.

Я тупо заморгал и посмотрел на Амриту. Я всегда считал, что Амрита с ее бесхитростными глазами и простыми чертами лица, близка к истинной красоте, но рядом с этой юной женщиной я видел лишь признаки надвигающегося среднего возраста на теле Амриты, намечающийся двойной подбородок и шишечку у нее на переносице. Остаточное изображение молодой женщины запечатлелось на сетчатке моих глаз, как оптическое эхо электрической лампочки.

Ее черные как смоль волосы опускались до плеч. Лицо ее имело форму вытянутого овала с совершенными чертами, среди которых выделялись нежные, слегка подрагивающие губы, созданные, казалось, для смеха и высших проявлений чувственности. Глаза у нее были потрясающие - невероятно большие, подчеркнутые тенями и тяжелыми ресницами, с такими черными, проникающими зрачками, что взгляд

ее пронзал подобно темным звездам. Было в этих глазах что-то неуловимо восточное, причем в то же время в них отражалось присущее Западу, почти подсознательное ощущение внутренней борьбы бесплотного и земного.

Камахья Бхарати была молода - не больше двадцати пяти, - и шелковое сари на ней было таким легким, что казалось, будто оно парит в дюйме над ее телом, поддерживаемое неким неуловимым импульсом женственности, исходившим от нее подобно благоухающему ветерку.

.Слово "сладострастие" у меня всегда отождествлялось с рубенсовской весомостью, - массой соблазнительной плоти, но почти видимое под движущимися слоями шелка тонкое тело этой женщины окатило меня такой волной сладострастия, что во рту пересохло, а из головы вылетели все мысли.

- Камахья - племянница М. Даса, Бобби. Она пришла узнать насчет твоей статьи, и мы проговорили с ней целый час.

- Что?

Я посмотрел на Амриту, а затем снова перевел взгляд на девушку. Больше я не нашел, что сказать.

- Да, мистер Лузак. До меня дошли слухи, что мой дядя общался с некоторыми из своих старых коллег. Мне захотелось узнать, не видели ли вы моего дядю..., все ли с ним в порядке...

Глаза ее опустились, а голос затих.

Я присел на край кресла.

- Нет, - сказал я, - то есть я его не видел, но с ним все в порядке. Мне бы тоже этого хотелось. Повидать его. Я собираюсь написать статью...

- Да. - Камахья Бхарати улыбнулась и вернула Викторию на середину кровати, где лежали ее одеяло и медвежонок Винни-Пух. Изящные коричневые пальцы провели по щечке ребенка ласковым жестом. - Больше не стану вас беспокоить. Я только хотела узнать о здоровье дяди.

- Конечно! - сказал я. - Очень хорошо. Думаю, что нам стоит с вами поговорить, мисс Бхарати. Я хочу сказать, если бы вы хорошо знали вашего дядю..., это помогло бы мне в работе над статьей. Если бы вы задержались на несколько минут...

- Я должна идти. Отец ожидает меня увидеть, когда вернется домой.

Улыбнувшись, она обратилась к Амрите:

- Возможно, мы сможем поговорить, когда встретимся завтра, как условились.

- Чудесно! - ответила Амрита. После Лондона я впервые увидел ее в таком расслабленном состоянии. Она повернулась ко мне:

- Камахья знает хорошего торговца сари неподалеку отсюда, возле кинотеатра "Элита". Мне очень хотелось бы купить немного ткани, пока мы здесь. Так и сделаем, если завтра я тебе не нужна, Бобби.

- М-м-м, трудно сказать, - ответил я. - Ладно, планируй сама. Я еще не знаю, на сколько мне завтра назначат встречу.

- Тогда я позвоню вам утром, - пообещала девушка. Она улыбнулась Амрите, и я почувствовал укол ревности из-за того, что эта милость дарована не мне. Она встала и подала Амрите руку, одновременно поправив сари грациозным движением, столь характерным для индийских женщин.

- Прекрасно, - сказала Амрита.

Камахья Бхарати слегка поклонилась мне и направилась к двери. Я тоже кивнул ей, а потом она вышла. В воздухе остался легкий, дразнящий аромат.

- Боже милостивый, - произнес я.

- Расслабься, Роберт, - сказала Амрита. В ее безупречном британском произношении угадывались веселые нотки. - Ей всего двадцать два года, но она уже одиннадцать лет помолвлена. В октябре она выходит замуж.

- Ужасная потеря, - сказал я, упав на кровать рядом с ребенком.

Виктория повернула ко мне голову и замахала ручонками, готовая начать игру. Я подбросил ее вверх. Она издавала довольные звуки и болтала ножками.

- Она действительно племянница Даса?

- Она помогала ему с рукописями. Точила карандаши, ходила для него в библиотеку. Так она говорит, по крайней мере.

- Да? Ей было, должно быть, лет десять. Виктория взвизгнула, когда я качнул ее, перевернул и качнул в обратную сторону.

- Ей было тринадцать, когда он исчез. У ее отца, очевидно, случилась размолвка с Дасом незадолго до смерти их отца.

- Их отца? А разве у Даса...

- Да. В любом случае его имя много лет не упоминалось в этой семье. У меня создалось впечатление, что она слишком застенчива, чтобы связаться с Чаттерджи или Союзом писателей.

- Но на нас она вышла.

- Это другое, - сказала Амрита. - Мы иностранцы. Мы не в счет. Мы все-таки будем ужинать?

Я опустил Викторину к себе на живот. Лицо у нее покраснело от удовольствия, а теперь он решала, плакать или не плакать. Упершись коленками в мой живот, она начала елозить у меня на груди. Толстенькая ручонка мертвой хваткой вцепилась в воротник моей рубашки.

- Где поедим? - спросил я. Я рассказал Амрите о назначенной на девять тридцать встрече с Таинственным Незнакомцем Кришны. - Сейчас уже поздно выходить в город. Закажем в номер или спустимся в "Комнату Принца"? Я слышал, там выступает Фатима - экзотическая танцовщица.

- Виктория наверняка будет шуметь, - сказала Амрита. - Но мне кажется, что Фатиму она предпочтет ужину в номере?

- Верно, - сказал я.

- Я буду готова через минуту.

Экзотическая танцовщица Фатима оказалась полноватой индианкой средних лет, танец которой не боясь скандала вполне могли смотреть бойскауты из Младшей эксетерской дружины. Тем не менее толпа состояла из тучных парочек, преимущественно мужских, среднего возраста и должным образом возбужденных ее выступлением. На Викторину же танец впечатления не произвел. Она расплакалась, и нам троим пришлось ретироваться посреди второго сеанса вращений Фатимы.

Вместо того чтобы вернуться в номер, мы с Амритой прошли по неосвещенному дворику отеля. Почти весь вечер шел дождь, но сейчас мы уже могли разглядеть несколько звезд в просветах между зеленовато-желтыми облаками. Большинство выходящих во двор окон было задернуто тяжелыми шторами, и виднелось лишь несколько тонких полосок света. Мы по очереди несли хныкающую Викторину, пока всхлипы не стали реже, а потом и вовсе прекратились. Остановившись у бассейна, мы присели на низенькую скамеечку рядом с темным кафе. Отсветы от подводных

прожекторов плясали по густой листве и опущенным бамбуковым шторам. Я заметил темное пятно на воде в мелкой части бассейна и обнаружил, что это утонувшая крыса.

- Виктория уснула, - сказала Амрита.

Бросив взгляд, я увидел сжатые кулачки и закрытые глаза ребенка. Такой умиротворенный вид обычно бывает у детей, уснувших после надрывного плача.

Вытянув ноги, я откинул голову назад. Только сейчас я осознал, как устал, возможно, еще не отойдя от перелета. Я выпрямился и посмотрел на Амриту. Она легонько покачивала ребенка, а у нее самой взгляд стал отсутствующим и задумчивым, как это часто бывало, когда она работала над какой-нибудь сложной математической проблемой.

- Ну, каковы ощущения? - поинтересовался я. Амрита перевела на меня взгляд и заморгала.

- Что, Бобби?

- В Индию. Каково возвращаться?

Она потрепала хохолок на головке у Виктории и передала ее мне. Я пристроил ребенка на сгибе локтя и стал смотреть, как Амрита подходит к краю бассейна и разглаживает свою светло-коричневую юбку. Свет от бассейна освещал снизу ее острые скулы. Моя жена красавица, подумал я уже, наверное, в тысячный раз после нашей свадьбы.

- Это немного напоминает déjà vu, - ответила она очень тихо. - Нет, не совсем верное выражение. Скорее, это напоминает повторение уже не раз виденного сна. Жара, шум, язык, запах - все знакомое и чужое одновременно.

- Извини, если расстроил. Амрита покачала головой.

- Нет, Бобби, это меня не расстраивает. Это пугает меня, но не расстраивает. Я нахожу это очень соблазнительным.

- Соблазнительным? - Я уставился на нее. - Что же, скажи ради Бога, мы увидели здесь такого соблазнительного?

Не в привычке Амриты было бездумно бросаться словами. Она часто выражала свои мысли гораздо точнее, чем я.

Она улыбнулась.

- Ты хочешь сказать, не считая ламахьи Бхарати?

Она сбросила босоножку и побултыхала ногой в воде. Я не мог разглядеть дохлую крысу в другом конце бассейна.

- Серьезно, Бобби, все это кажется мне каким-то странным образом соблазнительным. Как если бы все эти годы я использовала лишь часть своего рассудка, а теперь другая моя часть приходит в движение.

- Тебе хотелось бы остаться здесь подольше? - спросил я. - Я имею в виду, когда все дела будут закончены. Я смешался.

- Нет, - сказала Амрита, и ее голос не оставлял сомнений в окончательности ответа. - Я покачал головой.

- Извини, что оставил тебя одну после обеда и согласился на эту встречу вечером. Думаю, что мы не правильно сделали, приехав сюда втроем. Я недооценил, насколько трудно тебе будет с Викторией.

Откуда-то сверху послышалась серия резких приказаний на языке, напоминавшем арабский, после чего последовал поток носового бенгальского. Хлопнула дверь.

Амрита снова подошла ко мне и села рядом. Она взяла Викторию и положила ее к себе на колени.

- Ничего, Бобби, - сказала она. - Я знала, как все это будет. Подозревала, что скорее всего не понадобится тебе в качестве переводчика, пока ты не получишь рукопись.

- Извини, - повторил я.

Амрита снова посмотрела на бассейн.

- Когда мне было семь лет, - сказала она, - летом, накануне переезда в Лондон, я видела призрак.

Я посмотрел на нее. Большого удивления или недоверия я не испытал бы, если бы Амрита сообщила мне, что влюбилась в немолодого посыльного и собирается от меня уходить. Амрита была - по крайней мере до настоящего момента - наиболее рациональным человеком из всех, кого я знал. Ее интерес к сверхъестественному и вера в потустороннее до сих пор никак не проявлялись. Мне никогда не удавалось заинтересовать ее даже дрянными романами Стивена Кинга, которые я каждое лето таскал с собой на пляж.

- Призрак? - только и смог выговорить я наконец.

- Мы ехали поездом из дома в Нью-Дели к нашему дяде в Бомбей, - заговорила она. - Ежегодная поездка с сестрами и матерью в Бомбей в июле всегда была волнующей. Но в том году заболела моя сестра Сантха. Мы сошли с поезда к западу от Бхопала и два дня прожили в железнодорожной гостинице, пока местный врач лечил ее.

- С ней ничего не случилось? - спросил я.

- Нет, у нее была всего лишь корь, - ответила Амрита. - Но я оставалась единственной, кто еще не болел корью, поэтому я спала не в номере, а на маленьком балкончике, выходившем на лес. Прейти на балкон можно было только через ту комнату, где спали мои сестры и мать. Сезон дождей в то лето еще не наступил, и было очень жарко.

- И ты увидела призрак? Амрита слегка улыбнулась.

- Я проснулась среди ночи от звука плача. Сначала я решила, что плачет мать или сестра, но потом увидела пожилую женщину в сари, которая сидела на краю моей кровати и всхлипывала. Помню, страха я не ощутила, лишь удивление из-за того, что моя мать позволила этой женщине пройти через комнату и устроиться на балконе рядом со мной.

Ее плач был очень тихим, но почему-то очень пугающим. Я протянула руку, чтобы утешить ее, но не успела я прикоснуться к ней, как она перестала плакать и посмотрела на меня. Я обнаружила, что она, оказывается, не такая уж и старая, просто ее состарило какое-то ужасное горе.

- А что потом? - не выдержал я. - Откуда ты узнала, что это призрак? Она растаяла, ушла по воздуху, превратилась в кучу грязи и тряпья или что?

Амрита покачала головой.

- Луна на несколько секунд скрылась за облаками, а когда снова стало светло, этой женщины уже не было. Я закричала, и когда мать и сестры вышли на балкон, они заверили меня, что никто не проходил через комнату.

- Гм, - пробормотал я. - Звучит не слишком убедительно. Тебе было семь лет и ты, наверное, спала. А даже если и не спала, то откуда ты знаешь, что это не была какая-нибудь горничная, взбравшаяся по пожарной лестнице, или еще кто-нибудь в этом роде?

Амрита взяла Викторию на руки.

- Согласна, что это не самая страшная история про призраков. Но она напугала меня на многие годы. Видишь ли, прямо перед тем, как луна скрылась, я посмотрела прямо в лицо этой женщине и очень хорошо знала, кто она такая.

Амрита хлопнула девочку по спинке и посмотрела на меня.

- Это была я.

- Ты?

- Тогда я и решила, что хочу жить в стране, где я не увижу призраков.

- Неприятно тебе об этом говорить, маленькая, - сказал я, - но Великобритания и Новая Англия по привидениям занимают не последнее место.

- Возможно, - сказала Амрита и поднялась, крепко держа Викторию. - Но я их не вижу.

В девять тридцать я сидел в вестибюле, мучаясь все нарастающей головной болью из-за жары и усталости, испытывая тошноту из-за чрезмерного количества выпитого за ужином плохого вина и перебирая разнообразные отговорки для Кришны, когда тот появится. К девяти пятидесяти я решил сказать ему, что заболела Амрита или ребенок. В десять я понял, что мне уже ничего не надо ему говорить, и поднялся, чтобы пойти наверх, но тут внезапно появился он, расстроенный и возбужденный. Глаза у него покраснели и опухли, будто он плакал. Он подошел и пожал мне руку с таким мрачным видом, словно вестибюль был траурным залом, я потерял ближайшего родственника.

- Что случилось? - спросил я.

- Очень, очень прискорбно, - сказал он. Его высокий голос пресекался. - Очень страшная новость.

- Что-то с вашим другом? - спросил я, ощутив облегчение при неожиданной мысли о том, что его таинственный информатор сломал ногу, попал под троллейбус или лежит с инфарктом.

- Нет-нет. Вы, должно быть, уже знаете. Мистер Набоков скончался. Великая трагедия.

- Кто? - Из-за его акцента мне послышалось очередное дребезжащее бенгальское имя.

- Набоков! Набоков! Владимир Набоков! "Бледный огонь". "Ада". Величайший стилист среди прозаиков, пишущих на вашем родном языке. Огромная потеря для всех нас. Всех деятелей литературы.

- О, - только и промычал я.

Я так и не раскачался прочитать "Лолиту". А когда я вспомнил, что решил не идти с Кришной, мы уже оказались на улице, во влажной темноте, и он вел меня к коляске, в которой на красном сиденье подремывал тощий, иссохший рикша. При мысли о том, что меня потащит по грязным улицам это человекообразное чучело, внутри меня все запротестовало.

- Давайте возьмем такси, - сказал я.

- Нет-нет. Это ждет нас. Поездка короткая. Наш друг ждет.

Сиденье отсырело от вечернего дождя, но неудобным его нельзя было назвать. Человечек соскочил с коляски, шлепнув босыми ногами, ухватился за оглобли сноровисто подпрыгнул в воздух и опустился, держа руки прямо, со знанием дела уравновесив нашу тяжесть.

У коляски не было габаритных огней, за исключением керосинового фонаря, висевшего на железном крюке. Не слишком успокаивало меня и то, что машины, которые, сигналив, объезжали нас, тоже ехали без габаритов. Трамваи еще ходили, и в нездоровой, желтой пелене освещения салонов виднелись потные лица, теснившиеся за окнами, забранными проволочной сеткой. Несмотря на поздний час, весь общественный транспорт был заполнен: автобусы кренились под тяжестью висевших на зарешеченных окнах и наружных поручнях людей, а из черных вагонов проезжавших поездов торчали бесчисленные головы и туловища.

Улицы почти не освещались, но переулки и мелькающие дворы флуоресцировали тем бледным, гнилостным светом, который я заметил еще из самолета. Темнота не приносила никакого облегчения от жары. Если сейчас не было даже еще жарче, чем днем. Тяжелые тучи виднелись прямо над нависшими зданиями, и казалось, будто их сырая масса отражает уличное тепло прямо на нас.

Мне снова становилось тревожно. Даже теперь мне было трудно объяснить природу этого напряжения. Оно почти не имело отношения к ощущению физической опасности, хотя я чувствовал себя нелепым образом незащищенным, когда наша повозка дребезжала по незакрепленным камням мостовой, кучам мусора и трамвайным рельсам. Я вспомнил, что у меня в бумажнике еще оставались дорожные чеки долларов на двести. Но не это было истинной причиной моей нервозности, желчью подступавшей к горлу.

Было нечто в самой калькуттской ночи, что напрямую воздействовало на самые темные закоулки моего рассудка. Короткие приступы почти детского страха когтями цеплялись в мое сознание, но тут же подавлялись рассудком взрослого человека. Ночные звуки сами по себе не несли никакой угрозы - отдаленные крики, шипящее царпанье, случайные обрывки приглушенных разговоров, когда мы проезжали мимо закутанных фигур, - но все эти звуки оказывали то же переворачивающее потроха, невольное привлекающее внимание воздействие, что и звук чьего-то дыхания рядом с твоей постелью ночью.

- Каликсетра, - произнес Кришна.

Голос его прозвучал тихо, почти неслышно за тяжелым дыханием рикши и шлепаньем его босых подошв по мостовой.

- Простите?

- Каликсетра. Это означает "место Кали". Вы, конечно, знали, что именно отсюда пошло имя нашего города?

- Э-э-э, нет. То есть, может быть, и знал. Должно быть, забыл.

Кришна повернулся ко мне. В темноте я не мог достаточно хорошо разглядеть его лицо, но ощущал тяжесть его взгляда.

- Вы должны это знать, - ровно сказал он. - Каликсетра стала деревней Каликата. Каликата была местом великого Калигхат, самого священного из храмов Кали. Он до сих пор стоит. Меньше чем в двух милях от вашего отеля. Вы наверняка должны это знать.

- Гм, - произнес я.

Из-за угла на скорости выскочил трамвай. Наш рикша внезапно резко свернул с рельсов, чудом избежав столкновения с вагоном. По широкой пустынной улице вслед нам понеслись сердитые крики.

- Кали была богиней, если не ошибаюсь? - сказал я. - Одной из супруг Шивы?

Несмотря на весь мой интерес к Тагору, прошло немало лет с тех пор, как я читал что-нибудь из Вед.

Кришна издал невероятный звук. Поначалу я решил, что был взрыв насмешливого хохота, но потом повернулся посмотреть. Зажав одну ноздрю пальцем, он громко сморкался в левую руку.

- Да-да, - подтвердил он. - Кали - священная сакти Шивы.

Он изучил содержимое ладони, почти удовлетворенно кивнул и потряс пальцами за боковиной повозки.

- Вы, конечно, представляете себе ее внешность? - спросил он.

От одного из темных, полуразвалившихся домов, мимо которых мы проезжали, донеслись вопли нескольких ссорившихся женщин.

- Ее внешность? Кажется, нет. Она..., статуи..., у них по четыре руки, верно?

Я огляделся вокруг, пытаюсь определить, насколько мы близки к месту назначения. Здесь было мало лавок. Мне с трудом верилось, что среди этих развалин может оказаться кофейня.

- Конечно! Конечно! Она - богиня; общеизвестно, что у нее четыре руки! Вы должны посмотреть большого идола в Калигхат. Это "жаграта", "очень бдительная" Кали. Очень страшная. Восхитительно страшная, мистер Лузак. Ее руки изображают abhaya и vara

mudras - избавляющие от страха и дарящие благоденствие мудры. Но очень страшная. Очень высокая. Очень худая. У нее раскрыт рот. У нее длинный язык. У нее два..., как это..., зубы у вампира?

- Клыки?

Я схватился за мокрый тент над сиденьем и попытался понять, к чему ведет Кришна. Мы повернули на еще более темную, узкую улицу.

- Ах да, да. Она единственная из богов покорила время. Она, естественно, пожирает всех живых существ. Pumsam, asvam, gam, avim, ajam. Она не одета. Ее прекрасные ноги попирают труп. В руках у нее rasa..., аркан, khatvanga..., как это?.. Палка, нет, шест с черепом, khadga..., меч и отрубленная голова.

- Отрубленная голова?

- Конечно, вы должны это знать.

- Послушайте, Кришна, черт возьми, что все это...

- Ага, приехали, мистер Лузак. Сходите. Быстрее, пожалуйста. Мы опаздываем.

Кофейня закрывается в одиннадцать.

Небольшая улица, почти переулок, была залита нечистотами и дождевой водой. Не было ни малейшего признака какой-нибудь лавки, не то что кафе. Стены не освещались, если не считать тусклого отблеска фонаря, горевшего в одном из окон наверху. Рикша опустил оглобли и раскуривал маленькую трубочку. Я остался сидеть.

- Быстрее, пожалуйста, - повторил Кришна и щелкнул мне пальцами. Такой жест я видел у него, когда он общался с носильщиками. Он остановился над спавшим на тротуаре человеком и открыл дверь, которой я не заметил. Одинокая лампочка освещала крутую узкую лестницу. Сверху до нас донеслись приглушенные звуки разговора.

Я спрыгнул и ступил за ним в свет. Еще одна дверь на площадке второго этажа выходила и широкий коридор.

- Вы видели университет дальше по улице? - спросил Кришна через плечо.

Я кивнул, хотя не заметил ни одного здания, более внушительного, чем универмаг.

- Это, конечно, университетская кофейня. Нет, не правильно. Кофейный домик. Точно как в Гринвич-Виллидж. Да.

Кришна повернул налево и провел меня в комнату, очень похожую на пещеру. Высокий потолок, тяжелые колонны и глухие стены напомнили мне один гараж возле Чикаго-Луп. При тусклом свете виднелось не меньше пятидесяти - шестидесяти столиков, но лишь немногие из них были заняты. В нескольких местах за грубыми, выкрашенными в темно-зеленый цвет столиками группками сидели серьезного вида юноши в свободных белых рубашках. С двадцатифутового потолка свисали медленно вращающиеся вентиляторы; ощутимого движения воздуха не наблюдалось, но, несмотря на это, редко расположенные лампочки слегка помигивали, придавая всей сцене характер немого фильма.

- Кофейный домик, - тупо повторил я.

- Пройдите сюда.

Кришна шел впереди мимо плотно составленных столиков в самый дальний угол. На заделанной в стену скамье сидел молодой человек лет двадцати. Когда мы приблизились, он поднялся.

- Мистер Лузак, это Джайяпракеш Муктанандаджи, - представил его Кришна и добавил что-то по-бенгальски для юноши. Глубокие тени не позволяли мне отчетливо разглядеть черты лица молодого человека; но во время влажного, неуверенного рукопожатия я отметил худошавое лицо, очки с толстыми стеклами и такие прыщи, что гнойнички едва ли не светились.

Мы молча постояли. Молодой человек потер руки и украдкой взглянул на студентов за другими столиками. Некоторые из них обернулись при нашем появлении, но сейчас уже никто не смотрел в нашу сторону.

Как только мы уселись, старик с обозначающей седую бороду щетиной принес кофе. Чашки были сильно выщерблены и покрыты трещинами, расхолодившимися по эмали бледными разветвлениями. Кофе оказался крепким и на удивление неплохим, если не считать, что кто-то добавил в него изрядную дозу сахара и свернувшегося молока. И Кришна, и Муктанандаджи смотрели на меня, пока старик безмолвно стоял у столика, и я, покопавшись в бумажнике, извлек оттуда банкноту в пять рупий. Старик повернулся и ушел, и не подумав дать сдачу.

- Мистер Муктанандаджи, - заговорил я, гордый тем, что сумел запомнить его имя, - вы располагаете какой-то информацией насчет калькуттского поэта М. Даса?

Склонив голову, юноша сказал что-то Кришне. Кришна резко ответил и обратился ко мне, сверкнув острозубой улыбкой:

- Мистер Муктанандаджи, к моему сожалению, не говорит так бегло по-английски. На самом деле он вообще не говорит по-английски. Он попросил меня переводить для него. Если вы готовы, мистер Лузак, он теперь расскажет вам свою историю.

- Я думал, что это будет интервью, - сказал я. Кришна выставил перед собой правую ладонь.

- Да-да. Вы должны понимать, мистер Лузак, что мистер Джайяпракеш Муктанандаджи разговаривает с вами лишь в качестве личного одолжения мне, его бывшему преподавателю. Он делает это с большой неохотой. Если позволите, он начнет свой рассказ, а я буду переводить, насколько смогу, хорошо; а потом, если у вас будут вопросы, я передам их мистеру Муктанандаджи.

Дьявол, подумал я. Вот уже второй раз за день я делаю ошибку, не взяв с собой Амриту. Я прикинул, не отказаться ли от этой встречи или договориться на другое время, но отбросил эту мысль. Лучше с этим закончить. Завтра я получу рукопись Даса, а вечером, при любом раскладе, мы уже будем лететь домой.

- Очень хорошо, - сказал я.

Молодой человек кашлянул и поправил очки. Голос у него был еще выше, чем у Кришны. Через каждые несколько предложений он замолкал и машинально потирал лицо, пока Кришна переводил. Поначалу эта задержка раздражала меня, но мелодичное течение бенгальского языка, певучий акцент Кришны воздействовали на меня как мантра, оказывая гипнотический эффект. Это напоминало состояние повышенной концентрации и вовлеченности на просмотре иностранного фильма из-за усилий, затрачиваемых на чтение субтитров.

Несколько раз я прерывал их, чтобы задать вопросы; но это, судя по всему, сбивало Муктанандаджи, поэтому уже через несколько минут я довольствовался тем, что попивал остывающий кофе и слушал. Несколько раз Кришна обращался к юноше по-бенгальски, тот отвечал, а я сидел, проклиная себя за то, что так и остался одноязыким балбесом. Я сомневался, что даже Амрите удалось бы вникнуть в эти молниеносные разговоры на бенгальском.

Когда рассказ начался, я поймал себя на том, что мысленно исправляю часто корявый синтаксис Кришны или подбираю замену для его нередко забавных оборотов. Иногда я делал пометки в блокноте, но вскоре обнаружил, что даже это отвлекает рассказчика, и отложил ручку. Над головой медленно вращались вентиляторы, свет мигал как отдаленные зарницы летней ночью, а я со всем вниманием следил за развитием событий в рассказе Джайяпракеша Муктанандаджи, переданном голосом Кришны.

Глава 6

ПРОСЬБА

Когда я умру

Не выбрасывайте мясо и кости

Но сложите их в кучу

И

Пусть они скажут

Своим запахом

Чего стоит жизнь

На этой земле

Чего стоит любовь

В конце.

Камела Дас

"Я бедный человек из касты шудр. Я один из одиннадцати сыновей Джагдисварана Бибхути Муктанандаджи, который был вместе с Ганди во время его похода к морю.

Мой дом в деревне Ангуда, неподалеку от Дургалапура, что находится на железной дороге между Калькуттой и Джамшедпуром. Это бедная деревня, и никто извне не проявлял к ней ни малейшего интереса, кроме того случая, когда тигр съел двух сыновей Субхоранджана Венкатесварани, а из бхубанешварской газеты появился человек, чтобы спросить Субхоранджана Венкатесварани, что тот чувствует по этому поводу. Я помню этот случай не очень хорошо, поскольку случилось это во время войны, то есть лет за пятнадцать до моего рождения.

Наша семья не всегда была бедной. Мой дед, С. Мокеши Муктанандаджи, когда-то ссужал деньгами деревенского ростовщика. К тому времени, когда я появился на свет, будучи восьмым из одиннадцати сыновей, нам уже давно с лихвой возместили все деньги деда. Чтобы оплатить часть процентов по его долгам, отцу пришлось продать шесть акров своей самой плодородной земли - что была ближе всего к деревне. После этого на одиннадцать сыновей осталось пятнадцать акров, разбросанных на многие мили. На таком клочке земли невозможно вырастить даже достаточное количество тростника, чтобы прокормить пару буйволов.

Положение немного улучшилось, когда в 1971 году мой старший брат Мармадешвар отправился выполнять патриотический долг и был сразу же убит пакистанцами. Тем не менее перспективы для нас, оставшихся, были не слишком хорошими.

Тогда у отца появилась идея. Я восемь лет проходил неполный курс обучения при Христианской сельскохозяйственной академии в Дургалпуре. Покровителем школы был очень богатый мистер Деби из Бенгальского племенного центра. Это была маленькая школа. У нас было мало учебников и лишь два учителя, один из которых медленно лишался рассудка из-за сифилиса.

Тем не менее я был единственным из семьи моего отца, кто вообще ходил в школу, и он решил, что я должен поступить в университет. Он хотел, чтобы я стал врачом или - что еще лучше - торговцем и принес в семью много денег. Кроме того, это решало проблему с моей долей земли. Моему отцу было ясно, что врачу или процветающему коммерсанту не понадобится маленький клочок скудной земли.

Что касается меня, то я испытывал неоднозначные чувства по поводу этой затеи. Я никогда не удалялся больше чем на восемь миль от Ангуды. Я ни разу не ездил ни на поезде, ни на автомобиле. Я мог читать очень простые книжки и писать элементарные фразы на бенгальском, но не знал ни английского, ни хинди, а на санскрите мог лишь прочитать наизусть несколько строк из "Рамаяны" и "Махабхараты".

Короче говоря, я не был уверен, готов ли я стать врачом.

Отец одолжил еще денег - на этот раз на мое имя - у деревенского ростовщика. Мой учитель в своем помешательстве написал мне рекомендацию для поступления в Калькуттский университет и отправил ее туда своему старому преподавателю. Даже мистер Деби, который в свои еще дохристианские годы поклялся Ганди, что будет смиренно работать на благо наших деревень, а свой пепел завещает развеять над главной дорогой Ангуды, тоже отослал в университет письмо, в котором просил проявить доброту и принять бедного, невежественного крестьянского мальчика из низшей касты под своды многочтимого храма науки.

В прошлом году появилась вакансия. Большую часть взятых в долг денег я заплатил в качестве бакшиша своему учителю и секретарю мистера Деби, после чего уехал из дому в огромный город. Как же я был напуган!

Не стану описывать, какое впечатление произвели на меня все чудеса Калькутты. Достаточно сказать, что каждый час приносил все новые открытия. Вскоре, однако, я оказался в подавленном состоянии. Моих скудных средств едва хватило, чтобы внести плату за обучение в первом семестре, а оставшихся денег не хватало на дорожную комнату в студенческой гостинице рядом с университетом. Первую неделю в городе я спал под кустами на Майдане, но после того, как начались муссонные дожди и меня дважды поколотили полицейские, я убедился, что нужно искать комнату.

Первые четыре занятия принесли одно разочарование. На занятия по введению в национальную историю собралось больше четырехсот студентов. Учебник для меня был роскошью, и редко удавалось сесть достаточно близко от лектора, чтобы его слышать. Он говорил неразборчиво, да и пользовался только английским, который я не понимал. Поэтому я целыми днями подыскивал жилье и мечтал снова оказаться дома, в Ангуде. Я знал, что если даже ограничу питание рисом и шапати один раз в день, то все равно через несколько недель деньги закончатся. Если повезет и я найду подходящую комнату, то голод ждет меня гораздо раньше.

Затем я ответил на одно объявление в газете "Стьюдент Форум", в котором приглашали соседа по комнате, и все переменялось. Комната располагалась в шести милях от университета на седьмом этаже здания, заселенного преимущественно беженцами из Бангладеш и Бирмы. Студент, изъявивший желание разделить пополам расходы на комнату, учился на предпоследнем курсе. Это был выдающийся человек, на несколько лет старше меня, который изучал фармакологию, но хотел стать когда-нибудь великим писателем, а если не получится, то ядерным физиком. Звали его Санджай, и, когда я впервые увидел его среди гор бумаг и нестиранной одежды, я почему-то понял, что отныне моя жизнь никогда не станет прежней.

За половину комнаты он хотел двести рупий в месяц. Должно быть, мое лицо выражало отчаяние. К этому времени в кармане у меня было меньше сотни рупий. Я понял, что совершил двухчасовую прогулку напрасно. Тогда я спросил, можно ли присесть. Подошвы моих ступней страшно болели после того, как меня в одну из предыдущих ночей отколотили палками-латхи. Потом я обнаружил, что полицейские сломали мне своды ступней, Услышав об этом, Санджай сразу же проникся ко мне жалостью. Он пришел в ярость, когда я рассказал ему о побоях и размерах взяток, которые требуют служащие университетского общежития. Как я вскоре узнал, смена настроений Санджая напоминала муссонные бури. В данную минуту он мог быть спокоен, задумчив, неподвижен как статуя, но уже в следующую - мог распалиться до неистовства из-за какой-нибудь социальной несправедливости, пробить кулаком прогнившие доски стены или спустить по черной лестнице какого-нибудь бирманского ребенка.

Санджай состоял сразу и в Маоистской студенческой коалиции, и в Коммунистической партии Индии. Тот факт, что две эти группировки терпеть не могли друг друга и часто вступали в потасовки, казалось, совершенно его не волнует. Своих родителей он обозвал "загнивающими капиталистическими паразитами", которые владеют в Бомбее небольшой фармацевтической компанией и каждый месяц присылают ему деньги. Поначалу родители отправили его учиться за границу, но он вернулся, чтобы "возобновить контакты с революционным движением в своей стране". Еще большую обиду он нанес им, выбрав для получения диплома скандальный и плебейский калькуттский университет, вместо того, чтобы найти какой-нибудь колледж попрестижнее в Бомбее или Дели.

Рассказав все это о себе и выслушав мою историю, Санджай тут же снизил мою долю до пяти рупий в месяц и предложил одолжить мне денег на первые два месяца. Признаюсь, я плакал от радости.

В течение последовавших недель Санджай показывал мне, как выжить в Калькутте. По утрам, еще до восхода солнца, мы ехали в центр города на грузовиках с водителями из неприкасаемых, отвозивших мертвый скот к топильщикам. Именно Санджай просветил меня в том, что в таком огромном городе, как Калькутта, кастовые различия не имеют никакого значения и вскоре, с приходом грядущей революции, исчезнут. Я соглашался со взглядами Санджая, но воспитание по-прежнему не позволяло мне сесть в автобусе рядом с незнакомцем или взять кусок лепешки у уличного разносчика, не поинтересовавшись инстинктивно, к какой касте тот принадлежит. Как бы там ни было, Санджай показал мне, как бесплатно проехать на поезде, где можно бесплатно побриться у уличного цирюльника, обязанного моему другу какими-то услугами, как проскользнуть в кинотеатр во время перерыва на трехчасовом ночном сеансе.

В это время я вообще перестал посещать занятия в университете, а мои оценки поднялись от четырех F до трех B, а потом и до одного A. Санджай научил меня, как покупать старые билеты и контрольные у студентов старших курсов. Для этого мне пришлось одолжить у моего соседа еще триста рупий, но он не имел ничего против.

Поначалу Санджай брал меня на собрания МСК и КПИ, но нескончаемые политические выступления и бесцельные перепалки вгоняли меня в сон, и через некоторое время он уже не стал настаивать, чтобы я ходил с ним. Гораздо больше пришлось мне по вкусу редкие посещения ночного клуба отеля "Лакшми", где танцевали полураздетые женщины. Такое было почти невыносимо для правоверного индуиста вроде меня, но должен признаться, что это было ужасно волнующее зрелище. Санджай назвал это "буржуазным упадком" и объяснил, что наш долг - засвидетельствовать проявления тошнотворного разложения, которые неминуемо сметет революция.

Мы прожили в одной комнате не меньше трех месяцев, прежде чем Санджай рассказал мне о своих связях с гундами и капаликами. Я и до этого подозревал, что Санджай имеет какое-то отношение к гундам, но о капаликах мне вообще ничего не было известно.

Даже я знал, что в течение нескольких лет банды азиатских тугов и местных калькуттских гундов контролировали целые районы города. Они собирали дань с беженцев из разных мест за въезд и право поселиться в заброшенном жилье; они контролировали потоки наркотиков, проходивших через город и оседавших здесь; они убивали любого, кто вмешивался в их традиционные дела, связанные с защитой, контрабандой и преступностью в городе. Санджай рассказал, что даже жалкие обитатели трущоб, каждый вечер выбиравшиеся на лодках из своих жилищ, чтобы для каких-то целей украсть с реки синие и красные навигационные огни, платили дань гундам. Эта сумма утроилась после того, как зафрахтованный гундами грузовой корабль, направлявшийся в Сингапур с опиумом и контрабандным золотом, сел на мель в Хугли

из-за отсутствия огней в канале. Санджай сказал, что большая часть доходов от этого груза ушла на взятки полицейским и портовому начальству, чтобы вытащить судно из грязи и отправить его по назначению.

В это же время в прошлом году страна проходила последние этапы чрезвычайного положения. Газеты подвергались цензуре, тюрьмы были забиты политическими заключенными, раздражавшими миссис Ганди, и прошел слух, будто молодых людей на юге стерилизуют за безбилетный проезд на поездах. В Калькутте, однако, ее собственное чрезвычайное положение было в самом разгаре. За последнее десятилетие население города неимоверно выросло за счет беженцев. Одни полагали - на десять миллионов. Другие - на пятнадцать. К тому времени, когда я поселился у Санджая, в городе за четыре месяца шесть раз сменилось правительство. В конце концов к власти, конечно, пришла КПИ - просто уже некому было, - но даже и им удалось сделать немного. Настоящие хозяева города оставались в тени.

Даже сейчас полиция Калькутты не станет появляться в основных городских районах. В прошлом году пробовали организовать патрули по два-три человека в дневное время, но после того, как гунды вернули несколько из этих патрулей в виде семи-восьми обрубков, комиссар отказался посылать своих людей в эти районы без солдат. А наша армия заявила, что у нее и без того есть чем заняться.

Санджай признался, что с калькуттскими гундами он связался благодаря своим знакомствам в фармацевтических кругах. Но к концу первого курса, как он сказал, его обязанности расширились и стали включать сбор денег с однокурсников за защиту, а также функции связного между гундами и Союзом нищих в северной части города. Эти занятия не давали ему больших доходов, но зато повысили его положение. Именно Санджай передал приказ Союзу временно уменьшить количество похищений детей, когда газета "Тайме оф Индия" затеяла очередную, недолговечную кампанию по обличению подобной практики. А потом, когда газета обратила взыскующий взгляд на убийства из-за приданого, именно Санджай передал нищим разрешение восполнить истощившиеся запасы за счет увеличения числа похищений и случаев нанесения увечий.

А через нищих Санджай получил возможность присоединиться к капаликам. Общество капаликов было гораздо старше Братства гундов, старше даже самого города.

Они, естественно, поклоняются Кали. Многие годы они открыто проводили свои церемонии в храме Калигхат, но их обычай приносить в жертву мальчика каждую пятницу стал причиной того, что в 1831 году британцы запретили общество. Они ушли в подполье и с тех пор процветали. Национально-освободительная борьба за последнее столетие многих заставила искать возможности присоединиться к ним. Но цена посвящения была высока, как вскоре нам с Санджаем пришлось убедиться.

В течение нескольких месяцев Санджай пытался установить с ними контакт. Несколько месяцев его близко не подпускали. Потом, прошлой осенью, ему предоставили такую возможность. Тогда мы уже крепко подружились с Санджаем. Мы вместе принесли клятву Братству, и я выполнил несколько мелких поручений, передав послания разным людям, а однажды собирал деньги, когда Санджай заболел.

Я удивился, когда Санджай предложил мне вступить в общество капаликов вместе с ним. Это меня удивило и испугало. В моей деревне стоял храм Дурги, богини-матери, поэтому даже такое ужасное ее воплощение, как Кали, было мне знакомо. И все же я колебался. Дурга была символом материнства, а Кали имела репутацию распутницы. Изображения Дурги были скромными, в то время как Кали изображалась голой - не обнаженной, но бесстыдно голой, - и одеждой ей служил лишь покров тьмы. Тьма и ожерелье из человеческих черепов. Исполнять культ Кили вне ее праздника означало

следовать Vamachara - извращенной, сомнительной тантре. Я вспоминаю, как в детстве один из моих двоюродных братьев показывал всем типографскую картинку с изображением женщины, богини, совершавшей бесстыдное совокупление с двумя мужчинами. Мой дядя застал нас, когда мы ее рассматривали, забрал и ударил брата по лицу. На следующий день к нам привели одного старого брахмана, прочитавшего лекцию об опасности такой тантрической чепухи. Он назвал это "ошибкой пяти "М" - мадя, мамса, матсия, мудра, майтхун. Это были, конечно, панча макары, которые вполне могли потребовать капалики, - алкоголь, мясо, рыба, жесты и совокупление. По правде говоря, совокупление немало занимало мой ум в то время, но впервые испытать его в качестве составной части культовой службы было по-настоящему пугающей мыслью.

Однако я многим был обязан Санджаю. Собственно говоря, я уже начал понимать, что, возможно, никогда не смогу вернуть ему долг. Потому я и пошел с ним на первую встречу с капаликами.

Они встретили нас вечером на пустой рыночной площади возле Калигхат. Не знаю, чего я ждал - в основе моих представлений о капаликах были истории, которыми пугают непослушных детей, - но те двое мужчин, что поджидали нас, не имели ничего общего с моими представлениями и предчувствиями. Одеты они были как бизнесмены - у одного даже был в руках портфель, - говорили негромко, изысканы в одеждах и манерах и вежливы с нами обоими, несмотря на классовые и кастовые различия.

Церемонии производили очень величественное впечатление. В торжествах в честь Дурги был день новолуния, и перед статуей Кали на железную пику насадили голову быка. Кровь еще капала в мраморный бассейн внизу.

Поскольку я верой и правдой поклонялся Дурге с самого раннего детства, мне не составило труда присоединиться к службе, посвященной Кали и Дурге. Запомнить некоторые отличия было несложно, хотя несколько раз я взывал к Парвати и Дурге, а не к Кали и Дурге. Оба встречавшие нас господина улыбались. Лишь один отрывок отличался от известного мне настолько, что мне пришлось, выучить его заново:

*Мир есть боль,
О ужасная супруга Шивы,
Ты пожираешь плоть;
О ужасная супруга Шивы,
Твой язык пьет кровь,
О темная Мать! О обнаженная-Мать,
О возлюбленная Шивы
Мир есть боль.*

Через Калигхат вереницей пронесли большие глиняные фигуры. Все они были окроплены кровью жертвы. Некоторые из них изображали Кали в воплощении Чанди, Ужасной; или Чинамасты, "той, что обезглавлена" из десяти Махавидьяс, когда Кали обезглавила себя, чтобы напиться собственной крови.

Мы последовали за процессией на берег реки Хугхли, по которой, естественно, текут воды Священного Ганга. Здесь идолов бросили в воду с твердой верой в то, что они восстанут вновь. Мы пропели вместе со всей толпой:

*Кали, Кали бало бхаи
Кали баи аре гате паи,
О братья, возьмите имя Кали.
Нет утешения, кроме как в ней.*

Я был тронут до слез. Вся церемония была гораздо величественнее и прекраснее, чем скромные деревенские жертвоприношения в Ангуде. Оба господина одобрили наше

поведение, как, очевидно, и жаграта Калигхата, поскольку нас пригласили на настоящее собрание капаликов в первый день полнолуния на следующий месяц".

Кришна прервал перевод. Голос у него заметно охрип.

- У вас еще не возникли какие-нибудь вопросы, мистер Лузак?

- Нет, - ответил я. - Продолжайте.

"Санджай очень волновался весь этот месяц. Я выяснил, что он не получил того религиозного воспитания, которое, по счастью, досталось мне. Как и все члены Коммунистической партии Индии, Санджай имел дело с политическими верованиями, непримиримыми по отношению к его более глубоким индуистским корням. Вы должны понимать, что для нас религия - не более абстрактное "верование", требующее "акта веры", чем дыхательный процесс. Воистину проще заставить чье-то сердце не биться, чем отнять у кого-то самоощущение индуиста. Быть индуистом, особенно в Бенгалии, - значит воспринимать все предметы как воплощения божественного и никогда не отделять по искусственным признакам священное от мирского. Санджай разделял это знание, но тонкий слой западного мышления, пересаженный на его индийскую душу, отказывался это принять.

Однажды, в течение того месяца, я спросил у него, почему он решил добиваться вступления в капалики, если не способен по-настоящему молиться богине. Он очень на меня тогда рассердился и обругал всякими словами. Он даже пригрозил поднять мне плату за комнату или взыскать долги. Затем, вероятно, вспомнив о нашей клятве Братству и увидев печаль в моем лице, он извинился.

"Власть, - сказал он, - мне это нужно ради власти, Джайяпракеш. Мне уже в течение некоторого времени известно, что капалики обладают могуществом, значительно превосходящим их численность. Гунды ничего не боятся..., ничего, кроме капаликов. Туги, как бы глупы и жестоки ни были, никогда не встанут поперек дороги человека, о котором известно, что он капалика. Обыватели ненавидят капаликов или делают вид, что это общество больше не существует, но эта ненависть замешана на зависти. Они страшатся одного имени капалика".

"Уважают", пожалуй, лучшее слово", - заметил я. "Нет, - возразил Санджай, - страшатся". В первую ночь новолуния, последовавшую за праздником Дурги, в первую ночь обряда в честь Кали, на заброшенной рыночной площади нас встретил человек в черном, чтобы проводить нас на встречу общества капаликов. По пути мы миновали улицу Глиняных Идолов, и сотни воплощений Кали - соломенные кости, пронизывавшие незавершенную глиняную плоть, - наблюдали за нами.

Храм находился в большом складе, часть которого нависала над рекой. Храм был зданием в здании. Путь обозначался свечами. По холодному полу свободно ползало несколько змей, но в темноте я не мог определить, кобры это, гадюки или более безобидные пресмыкающиеся. Я счел это мелодраматическим штрихом.

Изображение Кали здесь было меньше, чем в храме Калигхат, но и мрачнее, темнее, с более пронзительным взглядом и вообще гораздо ужаснее. В тусклом неровном свете казалось, что рот то приоткрывался пошире, то смыкался в жестокой усмешке. Статуя была недавно окрашена. Груды ее увенчивались красными сосками, промежность была темной, а язык - темно-алым. Длинные зубы казались во мраке очень-очень белыми, а узкие глаза наблюдали за нашим приближением.

Здесь было еще два явных различия. Во-первых, труп, на котором танцевал идол, был настоящим. Мы ощутили это по запаху, как только вошли в сам храм. Вонь от трупа смешивалась с густым ароматом благовоний. Тело было мужским - с белой плотью, с проступающими под пергаментной кожей костями, в позе, которой с мастерством ваятеля были приданы все признаки смерти. Один глаз был приоткрыт.

Присутствие покойника не слишком меня удивило. В обычае капаликов было носить ожерелья из черепов, а перед каждой церемонией они насиловали девственницу и приносили ее в жертву. Лишь за несколько дней до этого Санджай пошутил, что в качестве девственницы вполне могли бы выбрать меня. Но сейчас, в темноте этого храма под сводами универмага, ощущая запах разложения, я был весьма рад тому, что не вижу ни малейших признаков соблюдения такой традиции.

Второе отличия статуи не так бросалось в глаза, но было еще более пугающим. Кали по-прежнему в ярости вздымала своя четыре руки: с одной руки свисала петля, с другой - череп, третья занесла меч. Но четвертая рука оказалась свободна. На месте скульптурного изображения отрубленной головы был лишь воздух. Пальцы идола сжимали пустоту. Сердце у меня застучало сильнее, а при взгляде на Санджая я понял, что он тоже старается скрыть страх. Запах нашего пота смешивался со священными ароматами благовоний и мертвой плоти.

Вошли капалики. На них не было ни мантий, ни каких-либо особых одежд. Большинство было одето в простые белые дхотти, столь распространенные в сельской местности. Одни мужчины. Тьма не позволяла разглядеть какие-нибудь кастовые отметки брахманов, но я предположил, что несколько священников среди них было. Всего собралось около пятидесяти человек. Люди в черном, которые привели нас в универмаг, отступили в тень, занимавшую большую часть пространства храма, и я не сомневался, что там еще много невидимых фигур.

Кроме нас с Санджаем было еще шесть посвящаемых. Я не узнал никого из них. Мы образовали перед статуей неровный полукруг. Капалики встали за нами и запели. Мой бесполезный язык едва успевал произносить ответные слова, и я все время на мгновение запаздывал. Санджай оставил попытки влиться в общий хор и весь молебен простоял с легкой улыбкой. Лишь побелевшие губы выдавали его напряжение. То и дело мы оба невольно посматривали на пустую руку Кали.

Эту песню я помнил с детства. Ее сентиментальные слова ассоциировались у меня с солнечным светом на камнях храма, с предвкушением праздничных торжеств, с ароматом разбросанных цветочных лепестков. Теперь же, когда я пел ее ночью и запах разлагающегося мяса наполнял влажный воздух, слова приобретали другое значение:

*О Мать моя,
Дочь Горы!
Мир есть боль,
Его бремя - нести прошлое;
Я никогда не голодаю, не испытываю жажды,
Поскольку царство его тщетно.
Розами усыпаны ноги ее,
Убежище, свободное от страха;
Смерть может прошептать: Я рядом;
Она и я встретимся, улыбаясь.*

Служба закончилась неожиданно. Процессии не было. Один из капаликов взошел на невысокий помост у подножия статуи. Сейчас, когда мои глаза привыкли к темноте, я решил, что узнал этого человека. Он был важной персоной в Калькутте. Во всяком случае,

раз уж лишь после нескольких месяцев жизни в Калькутте его лицо показалось мне знакомым, он не мог не быть важной персоной.

Священник говорил тихо. Шум воды почти полностью заглушал его голос. Говорил он о тайном обществе капаликов. "Многих призывают, - подчеркнул он, - но немногих избирают". Он сказал, что наше посвящение займет три года. При этих словах у меня дух перехватило, но Санджай лишь кивнул. Тогда я понял, что Санджай знал гораздо больше о процедуре посвящения, чем счел нужным мне рассказать.

"Многое попросят вас сделать, чтобы доказать вашу пригодность и веру в Кали, - мягко сказал священник. - Сейчас вы можете уйти, но стоит только ступить на Путь, как обратной дороги уже не будет".

Тогда наступила тишина. Я посмотрел на остальных посвящаемых. Ни один не шелохнулся. Я бы и ушел тогда..., ушел бы..., если бы Санджай не остался неподвижно стоять на месте, растянув плотно сжатые губы в бескровной улыбке. Ноги у меня налились тяжестью, и я не мог двинуться. Гулкие удары сердца отдавались в моих ребрах. Я едва дышал. Но я не ушел.

"Очень хорошо, - сказал священнослужитель Кали. - От вас потребуется исполнить две обязанности, прежде чем мы встретимся завтра в полночь. Первую вы можете завершить сейчас". С этими словами священник извлек из складок своего дхотти небольшой кинжал. Я услышал слабый вздох Санджая одновременно со своим. Мы все восьмером еще больше подтянулись, насторожились, встревожились. Но капалика лишь улыбнулся и провел лезвием по мягкой плоти своей ладони. Узкая полоска крови медленно набухла и казалась черной при свете свечей. Священник убрал нож и взял что-то, напоминавшее несколько травинок, из сжатого кулака трупа, лежавшего под ногами идола. Одну из этих травинок он поднял к свету. Затем он повернул пораненную руку ладонью вниз над травинкой. Отчетливо слышался звук капающей на каменный пол крови. На один конец этой трехдюймовой былинки упали несколько темно-красных слезинок. Тут же из темноты вышел еще один из капаликов, поднял все травинки и, повернувшись к нам спиной, приблизился к статуе.

Когда он отошел, тонкие былинки торчали из сжатого кулака богини Кали. Невозможно было определить, которая из одинаковых былинки помечена кровью священника.

"Можешь выйти, - сказал священник. Он указал на Санджая. - Подойди к богине. Получи свой дар от яграта".

К чести Санджая надо сказать, что колебался он лишь долю секунды. Он шагнул вперед. Казалось, богиня стала выше, когда Санджай задержался под простертой дланью. Как только Санджай протянул руку, распространился отвратительный запах, словно именно этой секунды дожидался повергнутый труп, чтобы выпустить газ разложения.

Санджай дотянулся, вытащил травинку и тут же зажал ее в ладонях. И лишь вернувшись в наш круг, он раскрыл сложенные чашечкой ладони и посмотрел на былинку. Она была чистой.

Следующим указали на тучного человека, стоявшего на противоположной стороне линии. У него заметно тряслись ноги, когда он подходил к богине. Он инстинктивно спрятал взятую им травинку точно так же, как и Санджай; точно так же, как делали все мы. Затем он поднял девственно чистую травинку. Облегчение читалось в каждой складке его жирного лица.

То же было и с третьим, который не смог подавить тихий судорожный вздох, когда заглянул в сложенные ладони и увидел там чистый стебель. То же и с четвертым, не удержавшимся от произвольного всхлипа, когда потянулся за четвертой травинкой.

Глаза богини смотрели вниз. Красный язык, казалось, стал длиннее на несколько дюймов с того времени, как мы пришли сюда. Четвертая травинка оказалась чистой.

Меня выбрали пятым. Мне казалось, что я смотрю на себя откуда-то издалека, когда подходил к богине. Невозможно было не взглянуть ей в лицо, прежде чем потянуться вверх. Петля покачивалась. Пустые глазницы смотрели из хатванги. Стальное лезвие меча выглядело острым как бритва. Пока я там стоял, мне казалось, что от трупа исходит бульканье. Но скорее всего это была всего лишь вода, протекавшая прямо под нашими ногами.

Холодные каменные пальцы богини неохотно выпускали выбранную мной травинку. По-моему, ее хватка стала крепче, когда я потянул. Потом былинка вышла, и я без раздумий захлопнул на ней ладони. При тусклом освещении я даже не заметил ее поверхности. Помню охватившее меня веселое возбуждение, когда я вернулся в круг. Я ощутил необъяснимое разочарование, когда поднял ладонь, повернул пальцами тонкую травинку и не обнаружил никаких меток. Откинув голову, я посмотрел прямо в глаза богине. Ее улыбка теперь казалась еще шире, зубы еще белее.

Шестой был моложе меня, почти мальчик. Тем не менее он мужественно прошагал к жаграте и без тени сомнения выбрал свою травинку. Вернувшись в круг, он быстро поднял ее, и все мы сразу же увидели красные пятна. Последняя капля и в самом деле упала на темный пол.

Тогда мы затаили дыхание, ожидая..., чего? Ничего не произошло. Священник сделал жест, и седьмой из нас забрал свою травинку-пустышку. Последний забрал последнюю травинку у богини. Мы молча, выжидательно стояли полукругом, как нам казалось, очень долго, пытаясь представить, о чем думает юноша, что будет дальше. Почему он не убегает? Потом у меня пронеслась мысль, что хоть я и уверен в том, что юноша каким-то образом отмечен Кали, но что, если он лишь тот, кто избавлен от некоего рока, а не избран для него? Многих призывают, но немногих избирают, сказал священник, и я принял его слова за нарочитую пародию на вызывающую скуку болтовню христианских миссионеров, бродивших по площадям возле Майдана. А если это означает, что юноша стал единственным, к кому обращена улыбка жаграваты, что именно его избрали для посвящения в капалики? В сумятице мыслей и догадок у меня в голове разочарование смешивалось с облегчением.

Священник вернулся на возвышение. "Ваша первая обязанность исполнена, - сказал он негромко. - Вторая должна быть закончена к тому времени, когда вы завтра в полночь явитесь сюда. Ступайте и услышьте повеление Кали, невесты Шивы".

Вперед вышли люди в черном и жестом призвали нас следовать за ними к дальней стене храма, где были небольшие ниши, завешенные черным. Капалики напоминали свадебных распорядителей, указывая одному из нас его кабинку, а затем проходя на несколько шагов, чтобы указать место следующему. - Санджай вошел в черную нишу, а я невольно задержался на секунду, после того как человек в черном махнул мне.

Кабинка была тесной и, насколько я мог определить в почти абсолютной темноте, не имела ни мебели, ни украшений на трех каменных стенах. "На колени", - шепнул человек в черном и закрыл тяжелый занавес. Стало совершенно темно. Я опустился на колени.

Наступила мертвая тишина. Даже шум воды не нарушал это раскаленное безмолвие. Решив извлечь пользу из биения своего сердца, я начал отсчитывать удары, и на двадцать седьмом услышал голос, нашептывавший мне прямо в ухо.

Это был женский голос. Или, скорее, нежный бесполой голос. Я вскочил и вытянул руки, но никого рядом не было.

"Ты принесешь мне жертву", - прошептал голос.

Я снова опустился на колени, дрожа, ожидая, что будут еще какие-нибудь звуки или что-то коснется меня. Мгновение спустя штора отодвинулась, я поднялся и вышел из ниши.

Когда мы снова встали полукругом перед статуей, я заметил, что нас уже семеро. Хорошо, подумал я, он убежал. Но тут Санджай коснулся моей руки и кивком показал на богиню. Обнаженный труп, на котором она плясала, был моложе, свежее. И без головы.

Ее четвертая рука уже не пустовала. То, что она держала за волосы, слегка покачивалось. Выражение юного лица было слегка удивленным. Падающие капли производили негромкий звук начинающегося дождя.

Я не услышал ни единого вскрика. "Кали, Кали, бало бхай, - запели мы. - Кали баи аре гате наи".

Капалики вышли. Человек в черном проводил нас до двери, выходящей в темноту. В вестибюле мы надели сандалии и покинули здание. По лабиринту переулков мы с Санджаем выбрались на Стренд-роуд. Здесь мы подозвали рикшу и вернулись в свое жилище. Было очень поздно.

"Что она имела в виду? - спросил я, когда оба фонаря были зажжены, а мы уже лежали под одеялами. - Какую жертву?"

"Болван, - ответил Санджай. Его трясло не меньше, чем меня. Кровать его подрагивала. - Завтра в полночь мы должны принести ей тело. Человеческое тело. Мертвое тело".

Глава 7

*Калькутта, Калькутта, ты - ухваченное ночью поле,
Беспредельная жестокость,
Подобный змее разнородный поток, по которому я плыву,
Неизвестно куда.*

Сунилкумар Нанди

Кришна замолчал. Он хрипел все сильнее, пока его квакающий голос не стал идеально сочетаться с лягушачьими глазами. Мне потребовалось усилие, чтобы отвести взгляд от Муктананджая. Оказывается, я настолько увлекся, что совершенно забыл о присутствии Кришны. Теперь он вызвал у меня такое же раздражение, какое может появиться из-за неисправного магнитофона или забарахлившего в самый неподходящий момент телевизора.

- В чем дело? - спросил я.

Кришна мотнул головой, и я оглянулся. К нам подходил хозяин с седой щетиной. Незаметно для меня, огромное помещение невероятным образом опустело. На всех остальных столах были расставлены неуклюжие стулья. Вентиляторы остановили свое медленное вращение. Я посмотрел на часы. Было 11:35.

Владелец заведения - если это был он - что-то пробурчал Кришне и Муктананджаю. Кришна устало махнул рукой, и старик повторил фразу уже громче, раздраженнее.

- В чем дело? - снова спросил я.

- Он должен закрывать, - проквакал Кришна. - Он платит за электричество.

Я посмотрел на несколько еще горящих тусклых лампочек и чуть не расхохотался.

- Мы можем закончить завтра, - сказал Кришна. Муктананджай снял очки и устало потирал глаза.

- К черту, - сказал я.

Я перебрал несколько индийских купюр, которые имел с собой, и подал старику бумажку в двадцать рупий. Он остался стоять, бормоча что-то про себя. Я дал ему еще десять рупий. Он поскреб свою щетину и шаркающей походкой направился к стойке. Я расстался с суммой меньше трех долларов.

- Продолжайте, - сказал я.

"Санджай не сомневался, что до полуночи нам удастся найти два трупа. Ведь это в конце концов Калькутта.

Утром, по пути в центр города, мы спросили у перевозчиков мертвых животных, не приходилось ли им когда-нибудь перевозить в своих грузовичках тела людей. Нет, ответили они, для этого городская муниципальная корпорация нанимает других людей - бедняков, но людей из касты - выходить по утрам на улицы и подбирать тела, неизбежно разбросанные по тротуарам. Но это делалось только в деловой и центральной частях города. В более отдаленных районах, где начались большие трущобы, тела оставляли семьям и псам.

"А куда свозят тела, собранные в центре?" - спросил Санджай. В морг Сассун, ответили ему. В половине одиннадцатого утра, позавтракав лепешками на Майдане, мы с Санджаем пришли в морг Сассун.

Морг занимал первый и два подвальных этажа в одном здании в старом английском квартале города. Входные ступени все еще охраняли каменные львы, но дверь была заперта и забита досками. Ею явно не пользовались уже много лет. Для всех надобностей служил черный ход, к которому подъезжали и от которого отъезжали грузовики.

Морг был переполнен. Закрытые простынями тела лежали на тележках в коридорах и даже перед служебными помещениями. Стоял очень сильный запах. Это меня удивило.

Человек в белой форменной одежде, с блокнотом в руках, вышел из комнаты, улыбнулся и спросил:

"Чем могу помочь?"

Я не знал, что ответить, но Санджай заговорил сразу же, причем довольно убедительно:

"Мы из Варанаси. Приехали в Калькутту, потому что двое наших родственников, к несчастью лишившихся земли в Западной Бенгалии, недавно перебрались в город, чтобы найти работу. Как ни печально, но, по всей видимости, они заболели и умерли на улице, так и не найдя приличной работы. Жена моего бедного двоюродного брата написала нам об этом, прежде чем сама вернулась к своей семье в Тамил Наду. Эта шлюха даже не попыталась отыскать тело мужа, но теперь приехали мы, хоть это и дорого обошлось, чтобы отвезти их в Варанаси для достойного сожжения".

"А, - смотритель скривился. - У этих проклятых южанок нет ни малейшего представления о приличиях. Животные".

Я согласно кивнул. Все так просто!

"Мужчина или женщина? Старый, молодой или ребенок?" - спросил служитель морга утомленным голосом.

"Извините?"

"Другой родственник. Я догадываюсь, что уехавшая жена была замужем за мужчиной, но какого пола другой родственник? А каков возраст каждого из них? А еще, в какой день их могли подобрать? Прежде всего какого пола?"

"Мужчина", - ответил Санджай.

"Женщина", - в один голос с ним ответил я.

Служитель остановился по дороге в другое помещение. Санджай окинул меня испепеляющим взглядом.

"Прошу прощения, - ровно сказал Санджай. - Конечно же, Камила, несчастная двоюродная сестра Джайяпракеша, женщина. У меня в мыслях только мой собственный брат, Самар. Я и Джайяпракеш не кровные родственники".

"Ага, - произнес служитель, но прищурился, переводя взгляд с меня на Санджая. - А вы, случайно, не студенты университета?"

"Нет, - улыбнулся Санджай. - Я работаю в ковровой лавке у отца в Варанаси. Джайяпракеш помогает своему дяде по крестьянской части. Я имею некоторое образование. Джайяпракеш нигде не учился. А почему вы спросили?"

"Просто так, просто так", - сказал служитель.

Он посмотрел на меня, и я испугался, как бы он не услышал стук моего сердца.

"Иногда случается, что студенты-медики из нашего университета..., м-м-м., теряют своих возлюбленных на улице. Сюда, пожалуйста".

Просторные и сырые подвальные помещения охлаждались пульсирующими кондиционерами. Вода струилась по стенам и полу. На каталках и столах лежали обнаженные трупы. В их размещении не было никакого порядка, за исключением грубого деления по возрасту и полу. Детское помещение, которое мы миновали, было переполнено.

В качестве даты смерти наших родственников Санджай назвал день неделей раньше. Нашему брату Самару было, кажется, за сорок.

В первой комнате, в которую мы вошли, было примерно двадцать покойников. Все они находились на разных стадиях разложения. В комнате было не слишком прохладно. Вода капала прямо на трупы, безуспешно пытаясь охладить их. Мы с Санджаем закрыли носы и рты рубашками. Глаза у нас слезились.

"Черт бы побрал эти перебои с электричеством, - буркнул служитель. - За последние дни отключают по несколько раз в день. Ну что?"

Он прошел дальше, сдернул простыни с нескольких накрытых фигур и развел руки, словно предлагая купить вола.

"Нет, - произнес Санджай, угрюмо вглядываясь в лицо первого покойника, и подошел к другому. - Нет. Нет. Подождите..., нет. Трудно сказать".

"М-м-м".

Санджай переходил от тележки к тележке, от стола к столу. Ужасные лица смотрели на него: подернутые пленкой глаза, отвисшие челюсти с выступающими кое-где распухшими языками. Несколько трупов непристойно ухмылялись, как бы поощряя наш выбор.

"Нет, - сказал Санджай. - Нет".

"Здесь все, что поступили за последнюю неделю. Вы уверены, что не ошиблись с датой?"

Служитель морга и не пытался скрыть скучающе-скептические нотки в своем голосе.

Санджай кивнул, и я попытался понять, какую игру он затеял. Узнай кого-нибудь и дай нам уйти!

"Подождите, - сказал он. - А вон тот в углу?"

Покойник одиноко лежал на стальном столе, будто его швырнули туда не глядя. Колени и предплечья у него были слегка приподняты, кулаки сжаты. Почти лысый труп был повернут лицом к мокрой стене, будто стыдился своей уродливой наготы.

"Слишком старый", - буркнул служитель, но мой друг сделал несколько быстрых шагов в угол. Он наклонился, чтобы взглянуть в лицо. Поднятый белый кулак трупа скользнул по задранной рубашке и голому животу Санджая.

"Брат Самар!" - воскликнул Санджай, почти всхлипнув. Он сжал застывшую руку.

"Нет-нет, - возразил служитель морга и высморкался в полу своей грязной куртки. - Он поступил только вчера. Слишком свежий".

"Тем не менее это мой бедный брат Самар", - сказал Санджай сдавленным голосом. В его глазах я увидел неподдельные слезы.

Служитель пожал плечами и полистал блокнот. Ему пришлось просмотреть несколько бланков.

"Не опознан. Привезли во вторник утром. Найден голым на Саддер-стрит..., сходится, а? Предполагаемая причина смерти - перелом шеи в результате падения или удушья. Вероятно, ограблен из-за одежды. Предполагаемый возраст - шестьдесят пять лет".

"Брату Самару было сорок девять лет", - сказал Санджай. Он вытер глаза и снова закрыл нос рубашкой. Служитель опять пожал плечами.

"Джайяпракеш, почему ты не ищешь сестру Камилу? - обратился ко мне Санджай. - Я договорюсь насчет перевозки брата Самара".

"Нет-нет", - возразил служитель.

"Нет?" - переспросили мы с Санджаем в один голос.

"Нет. - Человек, нахмурившись, заглянул в свой блокнот. - Вы не можете увозить тело, пока оно не будет опознано".

"Но я же только что его опознал. Это мой двоюродный брат Самар", - возразил Санджай, по-прежнему сжимая шишковатый кулак трупа.

"Нет-нет. Я имею в виду официально опознано. Это нужно сделать на почте".

"На почте?" - переспросил я.

"Да-да. Там у городской администрации Бюро по розыску пропавших без вести и неопознанным телам. Третий этаж. После того как будет подтверждено опознание, нужно заплатить в городскую казну двести рупий. То есть по двести рупий за каждого опознанного любимого человека".

"Ого! - воскликнул Санджай. - За что это двести рупий?"

"За официальное опознание и его оформление, естественно. Затем вам надо сходить в управление муниципальной корпорации на Ватерлоо-стрит. Для посетителей они открыты только по субботам".

"Но это же целых три дня!" - воскликнул я.

"А зачем нам туда идти?" - поинтересовался Санджай.

"Чтобы заплатить сбор в пятьсот рупий, естественно. За их транспортные услуги. - Служитель вздохнул. - Итак, прежде чем выдать тело, я должен получить справку об опознании, квитанцию об уплате за опознание, квитанцию об уплате сбора и, естественно, копию вашей лицензии на перевозку усопших".

"А-а-а, - произнес Санджай. Он отпустил руку брата Самара. - А где мы возьмем такую лицензию?"

"В Бюро лицензий при администрации штата неподалеку от Радж-Бхава".

"Естественно, - сказал Санджай. - И стоит это..."

"Восемьсот рупий за каждого усопшего, которого вы желаете перевезти. Существует и ставка за групповую перевозку, если количество превышает пять единиц".

"И это все, что нам нужно?" - спросил Санджай, и в его голосе я услышал нотку, знакомую мне по тем случаям, когда он бросался на стенку или лупил бирманских детишек, устраивавших беспорядок во дворе и на лестнице.

"Да-да, - подтвердил служитель. - Не считая свидетельства о смерти. Это я сам могу сделать".

"Ага, - выдохнул Санджай. - По какой цене?"

"Всего лишь пятьдесят рупий, - улыбнулся служитель. - А потом еще плата за хранение".

"Хранение?" - переспросил я сквозь рубашку.

"Да-да. У нас все переполнено, как видите. Плата составляет пятнадцать рупий за место в сутки. - Он заглянул в блокнот. - Хранение вашего брата Самара обойдется в сто пять рупий".

"Но ведь он пробыл здесь всего один день!" - воскликнул я.

"Верно, верно. Но, боюсь, нам придется считать за всю неделю, поскольку для него использовалось специальное оборудование, так как он.., м-м-м., находится уже не на первой стадии. А теперь поищем вашу кузину Камилу?"

"Это же будет нам стоить почти две тысячи рупий! - взорвался Санджай. - За каждое тело!"

"Да-да, - с улыбкой подтвердил служитель. - Надеюсь, что торговля коврами в Варанаси в наше время дает неплохой доход?"

"Пошли, Джайяпракеш", - сказал Санджай, повернувшись к выходу.

"А как же сестра Камила?" - воскликнул я.

"Пошли!" - сказал Санджай и потащил меня из комнаты.

Возле морга стоял белый грузовик. Санджай подошел к водителю.

"Покойники, - сказал он. - Куда они идут?"

"Что?"

"Куда деваются невостребованные покойники, когда их отсюда увозят?"

Водитель сел прямо и нахмурился.

"В инфекционную больницу Найду. Большинство. Там от них избавляются".

"Где это?"

"По Аппер-Читпур-роуд".

Нам целый час пришлось добираться туда на трамвае по запруженным машинами улицам. Старая больница была переполнена людьми, надеявшимися на выздоровление или ожидавшими смерти. Длинные коридоры, заставленные кроватями, напомнили мне морг. Сквозь оконные решетки залетали птицы и прыгали среди смятых простыней в надежде найти завалившиеся крошки. По обшарпанным стенам ползали ящерицы, и я увидел какого-то грызуна, скрывшегося под кроватью, когда мы проходили.

Усатый врач-интерн преградил нам путь.

"Вы кто?"

Санджай, застигнутый врасплох, назвал наши имена. Я видел, что он лихорадочно думает, пытаясь сострять какую-нибудь подходящую историю.

"Вы ведь насчет трупов?" - требовательно спросил врач.

Мы моргнули.

"Ведь вы репортеры?" - допытывался врач.

"Да", - согласился Санджай.

"Черт. Мы знали, что это выплывет, - буркнул врач. - Но это не наша вина!"

"Почему же?" - поинтересовался Санджай.

Он достал из кармана рубашки старый потрепанный блокнот, в котором вел учет выплат Союза нищих, записывал наши счета за прачечную и делал списки покупок.

"Не хотели бы вы сделать заявление?"

Он лизнул кончик сломанного карандаша.

"Пойдемте сюда", - бросил врач.

Он провел нас через тифозное отделение в примыкающую к нему кухню и вывел на улицу мимо мусорных куч. За больницей на несколько акров раскинулось пустое поле,

поросшее сорняками. Вдалеке виднелись джутовые навесы и крытые железом крыши расплзающихся трупоб. В зарослях сорняков стоял ржавеющий бульдозер, к которому прислонился старик в мешковатых шортах со старинным шомпольным ружьем.

"Эй!" - крикнул врач.

Старик подскочил и вскинул ружье.

"Вон там! Там!" - закричал врач и показал рукой на сорняки. Старик выстрелил, и звук выстрела эхом отразился от высокого здания позади нас.

"Дерьмо! Дерьмо!" - завопил врач и быстро наклонился за большим камнем. Из травы на звук выстрела подняла голову серая собака с выступающими ребрами и посмотрела в нашу сторону. Тощее животное развернулось и, поджав хвост, пустилось наутек, держа в зубах что-то розовое. Врач швырнул камень, который пролетел половину расстояния, отделявшего нас от собаки. Старик возле бульдозера возился с затвором ружья.

Врач выругался и повел нас через поле. Повсюду были рытвины и кучи земли, будто бульдозер многие годы скреб здесь почву, как огромная кошка. Мы остановились на краю неглубокой выемки, в которой только что видели собаку.

"Ой!" - вырвалось у меня, и я попятился. Разлагавшаяся человеческая рука, торчавшая из земли, скользнула по моей сандали и коснулась голый ноги. Виднелись и другие останки. Затем я заметил и другие ямы, и еще собак в отдалении.

"Десять лет назад все было хорошо, - сказал врач, - но сейчас, когда эти промышленные районы подошли так, близко..."

Он прервался, чтобы швырнуть еще один камень в стаю собак. Животные спокойно потрусили в кусты. Старику, стоявшему позади нас, удалось извлечь стреляную гильзу, и теперь он снова заряжал ружье.

"Это были мусульмане или христиане?" - спросил Санджай, держа карандаш наготове.

"Скорее всего индусы. Кто знает? - бросил врач. - Крематории не хотят заниматься ими бесплатно. Но проклятые собаки уже несколько месяцев здесь роются. Мы хотели платить, пока... Подождите. Так вы слышали, что случилось сегодня? Ведь вы здесь именно поэтому?"

"Конечно, - вкрадливо подтвердил Санджай. - Но, может быть, вы хотели бы рассказать, как все было с вашей точки зрения".

Я почти не слушал, оглядываясь вокруг. Куски и клочья поднимались из перекопанной земли, как дохлая рыба всплывает на поверхность пруда. Судя по тому, что я здесь видел, нам с Санджаем трудно надеяться найти здесь целую жертву. Над головами кружили вороны. Старик присел на гусеницу трактора и вроде задремал.

"Насчет сегодняшнего дела пришло много жалоб, - сказал интерн. - Но нам надо было что-то делать. Обязательно сообщите, что кремацию готова оплатить больница-".

"Да", - сказал Санджай и что-то записал.

Мы повернули обратно в здание больницы. Семьи пациентов размещались во временных палатках и хижинах возле гор мусора.

"Мы должны были что-то делать, - повторил интерн. - Перебои с электричеством, сами знаете. А с этими собаками уже не получается делать так, как делалось многие годы. Вот мы и заплатили муниципальной корпорации за транспортировку и сегодня утром загрузили тридцать семь свеженьких из холодильника, чтобы отвезти в крематорий Ашуттош. Откуда мы знали, что они пришлют открытый грузовик, а он застрянет в пробке на несколько часов?"

"И вправду!" - поддакнул Санджай и застрочил в блокноте.

"А потом, после того как груз был свален на территории крематория, там вдобавок оказалась праздничная толпа".

"Да-да, - вмешался я. - Сегодня начинается Кали-Луджа".

"Но откуда мы могли знать, что церемония соберет десять тысяч человек именно в этом месте сожжения?" - раздраженно спросил интерн.

Я не стал напоминать ему, что Кали - богиня всех мест сожжения и мест смерти, включая даже поля битв и неиндуистские кладбища.

"Вы знаете, сколько времени занимает полное и пристойное сожжение, даже на новых электропечах, что появились в городе?" - спросил интерн.

"Два часа, - ответил он сам себе. - Два часа на каждого".

"И что же случилось с этими телами?" - спросил Санджай с таким видом, будто данный предмет его не очень интересовал. День был уже в самом разгаре. До полуночи оставалось десять часов.

"Ох уж эти жалобы! - простонал врач. - Несколько богомольцев упали в обморок. Сегодня утром было очень жарко. Но нам пришлось так и оставить большую часть.

Водители отказались возвращаться сюда или в морг Сассун с полным грузом в дневном потоке машин".

"Благодарю вас, - сказал Санджай и пожал врачу руку. - Наши читатели будут рады узнать точку зрения больницы. Да, кстати, а сторож останется здесь с наступлением темноты"

Санджай кивком показал на дремавшего старика.

"Да-да, - торопливо ответил вспотевший интерн. - Что бы ни случилось. Эй!"

Он закричал и нагнулся за камнем, чтобы бросить в слюнявую собаку, тащившую что-то большое в кусты.

На территорию крематория Ашутос мы приехали в десять вечера. Санджай договорился насчет фургончика "премьер", который нищие использовали, чтобы развозить и собирать своих изувеченных подопечных. Тесный отсек сзади не имел окон, и из него очень дурно пахло.

Я и не знал раньше, что Санджай умеет водить. После поездки без всяких правил, с неумолкающим клаксоном, мигающими фарами, перескакиваниями из ряда в ряд я продолжал в этом сомневаться.

Ворота на территорию крематория были заперты, но мы пробрались туда через прилегавшую к ней прачечную зону. Вода уже не текла по открытым трубам, бетонные плиты и корыта были свободны от стирки, а работники из касты стиральщиков разошлись с наступлением темноты. Крематорий отделялся от прачечной каменной стеной, но, в отличие от многих стен в городе, на этой не было ни битого стекла, ни бритвенных лезвий, что позволило преодолеть ее без особого труда.

Оказавшись на той стороне, мы почувствовали некоторую неуверенность. Звезд не было, но луна еще не взошла. Было очень темно. Покрытые жестью павильоны крематория смотрелись серыми силуэтами на фоне ночного неба. Ближе к основным воротам виднелась еще одна тень: высокая, огромная платформа со сводом, установленная на гигантских деревянных колесах.

"Колесница ботов для Кали-Пудмса", - прошептал Санджай.

Наружную раму закрыли жестяными заслонками, но мы оба знали, что внутри прячется нечто огромное, злое, четырехрукое. Подобная праздничная статуя редко считалась жагратой, но кто знал, какую мощь она могла приобретать ночью, в одиночестве, в обители смерти?

"Сюда", - прошептал Санджай и направился к самому большому павильону, ближайшему от кругового проезда. Мы миновали поленицы дров - топливо для денежных семей - и кучки сушеных коровьих лепешек, - предназначавшихся для более

скромной кремации. Павильон без крыши для похоронного оркестра выглядел при свете звезд пустой серой пластиной. Мне показалось, что это плита из морга, поджидающая труп какого-то огромного божества. Я нервно оглянулся на закрытую колесницу богов.

"Здесь", - сказал Санджай.

Они лежали неровными рядами. Если бы светила луна, то тень от колесницы падала бы прямо на них. Я шагнул в их сторону и отвернулся.

"Ох, - произнес я. - Завтра я сожгу свою одежду".

Можно себе представить, каково пришлось толпе при дневной жаре.

"Молись, чтобы завтра вообще наступило", - прошипел Санджай и стал перешагивать через разбросанные фигуры. Некоторые из них были прикрыты брезентом или одеялами. Большинство лежали под открытым небом. Глаза у меня привыкли к слабому свету звезд, и я смог различать бледные отсветы и белое свечение костей, освободившихся от плоти. То здесь, то там над не имевшей четких очертаний кучей торчала скрюченная конечность. Я вспомнил руку, которая, казалось, схватила меня за ногу возле больницы, и содрогнулся.

"Быстрее!" - Санджай выбрал тело во втором ряду и поволок его к задней стене.

"Подожди меня!" - отчаянным шепотом окликнул я его, но он уже растворился в тени, и я остался один, с темными препонами под ногами. Я двинулся в середину третьего ряда, но тут же пожалел об этом. Невозможно было поставить ногу, чтобы не наступить на что-нибудь, тошнотворно размазывающееся от прикосновения. Подул легкий ветерок, и в нескольких футах от меня затрепетали обрывки какой-то одежды.

Вдруг в ближнем от смутно вырисовывавшейся колесницы ряду что-то зашевелилось и послышался какой-то звук. Я стоял навтыжку, сжав немощные кулаки. Это была птица - огромная, слишком тяжелая, чтобы летать, с хлопающими черными крыльями. Она запрыгала по трупам и исчезла в темноте под убежищем богини. Грохочущие звуки эхом отдались из-за незакрепленных жестяных заслонок. Я представил, как огромный идол пришел в движение, протянул четыре руки к деревянной раме, в которую заключен, как он открывает слепые белесые глаза, чтобы осмотреть свои владения.

Вокруг моей лодыжки сомкнулась чья-то хватка.

Я издал вопль, отскочил в сторону, споткнулся и упал в сплетение холодных конечностей. Рукой я уперся в ногу трупа, уткнувшись лицом в траву. Хватка на моей ноге не ослабевала. Более того, что-то тянуло меня назад.

Я с усилием поднялся на колени и изо всех сил дернул правую ногу. При этом у меня вырвался такой крик, что я ожидал появления сторожей от главных ворот. Я надеялся, что кто-нибудь прибежит. Но сторожей не было. Я позвал Санджая, но ответа не последовало. В том месте, где кто-то сжимал мою лодыжку, у меня все горело.

Я заставил себя не дергаться, встал. Хватка ослабла. Я опустил на колени и посмотрел, что меня держит.

Тело было накрыто гладким брезентом со множеством привязанных к нему нейлоновых веревок. В одну из свободных петель я и наступил, а со следующим шагом затянул ее. Мне потребовалось всего несколько секунд, чтобы распутать веревку.

Я улыбнулся. Лишь бледная рука, белая как личинка при свете звезд, торчала из блестящего савана. Носком сандалии я запихнул руку обратно под покров. Отлично. Пускай Санджай возится с мертвой плотью, как какой-то там топильщик из неприкасаемых. Не дотрагиваясь до фигуры под саваном, я закатал ее получше в шелковистые складки, увязал свободными веревками, взвалил мягкую массу на плечо и пошел, быстро минув темные павильоны. Шум в колеснице прекратился, когда я отошел от нее подальше.

Санджай ждал меня в тени стены.

"Торопись!" - прошипел он.

Шел двенадцатый час. Мы находились в нескольких милях от храма капаликов.

Общими усилиями мы перевалили трупы через стену.

Поездка от крематория к храму капаликов была кошмаром - нелепым кошмаром. Наш груз перекатывался сзади, пока Санджай выскакивал из потока машин и нырял обратно, заставлял съезжать с дороги запряженные буйволами повозки, вынуждал пешеходов отпрыгивать в кучи отбросов по обочинам, иначе они были бы раздавлены, отчаянно мигал фарами, предупреждая ехавшие навстречу грузовики, что не собирается уступать им дорогу. Дважды мы тряслись по тротуарам, когда он забирал влево. Наш путь по Калькутте в ту ночь был отмечен потоком льющихся нам вслед ругательств.

В конце концов случилось неизбежное. Возле Майдана на перекрестке Санджай попытался пересечь три ряда встречного движения. С огромной тракторной шины, с которой он регулировал движение, соскочил полицейский и поднял руку, приказывая нам остановиться. В течение какого-то сумасшедшего мгновения я был уверен, что Санджай хочет на него наехать. Потом он ударил обеими ногами по тормозу и потянул на себя руль, словно пытался удержать вожжами убегающего вола. Наш фургончик развернуло боком, он чуть не перевернулся и застыл в фуле от вытянутой руки полицейского. Двигатель заглох. Один из трупов швырнуло вперед, и его босая нога вылезла между мной и водительским сиденьем. К счастью, саван по-прежнему закрывал оба тела. Я торопливо натянул покров на ногу как раз в тот момент, когда разъяренный регулировщик, подошел к фургончику со стороны Санджая. Он наклонился к правому окну, и лицо его чуть ли не лопалось от злости.

"Какого дьявола вы, долбаные ублюдки, тут вытворяете?"

Широкий шлем полицейского подпрыгивал, пока он орал. Я возблагодарил всех богов, что нам попался не сикх. Он кричал на нас на западно-бенгальском диалекте. Свои вопли он подкреплял ударами тяжелой палки-лотхм по двери Санджая. Сикх - а большинство государственных полицейских были сикхами - прошелся бы дубинкой по нашим головам. Странные они люди, эти сикхи.

Не успел Санджай выдумать ответ или завести мотор, как полицейский отступил и прикрыл лицо ладонью.

"Фу! - заорал он. - Какого дьявола вы там везете?"

Я вжался в сиденье. Все потеряно. Полиция нас л арестует. Нас засадят пожизненно в ужасную тюрьму Хугли, но просидим мы всего несколько дней, потому что капалики нас убьют.

Но Санджай широко осклабился и высунулся из окна. "О, высокочтимый сэр, вы ведь наверняка узнаете эту машину, сэр?"

Он похлопал по мятой дверце.

Полицейский сильно нахмурился, но отступил еще на шаг.

"Гм-м", - произнес он, не отнимая руки от лица.

"Да-да, - воскликнул Санджай, все так же глупо ухмыляясь. - Это личная собственность Гопалакришны Нирендренатха Г. С. Махапатры, Главного Нищего Союза Читпура и Верхнего Читтаранджана! А сзади в машине шесть его самых доходных и жалких прокаженных. Очень доходные нищие, уважаемый сэр!"

Санджай завел машину левой рукой и широким жестом правой обвел грузовое отделение машины.

"Я уже на час опаздываю с возвращением имущества Мастера Махапатры к месту их кормления и ночлега, высокочтимый сэр. Он оторвет мне голову. Но если вы нас

арестуете, почтенный констебль, у меня по крайней мере будет оправдание за мою недостойную медлительность. Пожалуйста, если желаете нас арестовать, я открою для вас заднюю дверь. Эти прокаженные, сэр, хоть и приносят хороший доход, ходить уже не могут, так что помогите мне вынести их оттуда".

Санджай принялся нащупывать снаружи ручку на дверце, будто собрался выходить.

"Нет! - воскликнул полицейский. Он затряс дубинкой прямо над рукой Санджая, шарившей по дверце. - Убирайтесь! Немедленно!"

С этими словами он повернулся к нам спиной и быстро зашагал к центру перекрестка. Здесь он принялся размахивать руками и дуть в свисток на сигнализирующую массу образовавшихся пробку машин, которые блокировали три улицы за то короткое время, что его не было на шине.

Санджай воткнул передачу, объехал затор по газону Плаца-арка и повернул навстречу движению на Стренд-роуд-саут.

Мы остановились как можно ближе от универмага. На улице было очень темно, но в машине сзади имелся фонарь. Санджаю пришлось зажечь его, чтобы мы могли распутать веревки от савана моего трупа на наших приношениях. По моим часам, подаренным Санджаем, было без десяти двенадцать. Часы мои часто отставали.

При внезапно вспыхнувшем свете фонаря я увидел, что Санджай притащил из крематория жалкие останки старика. У трупа отсутствовали зубы, торчала лишь одна прядь волос, а на обоих глазах была катаракта. Его опутывала паутина веревок от покрова моего покойника.

"Проклятие! - пробормотал Санджай. - Прямо как вонючий парашют. Нет, это долбанная сетка, спутанная с брезентом".

В конце концов Санджаю пришлось перекусывать веревку зубами.

"Быстрее, - сказал он мне. - Снимай тряпку со своего. Они не захотят, чтобы он был закрытым".

"Но я не думаю..."

"Шевелись, тебе говорят", - рявкнул Санджай, дав волю ярости. Казалось, глаза выскочат из орбит на его побагровевшем лице. Фонарь шипел и брызгался.

"Дерьмо! Дерьмо! - взорвался он. - Надо было тебя использовать, как я и собирался сначала. Это было бы так чертовски просто. Дерьмо!"

Санджай злобно поднял свой труп под мышки и потащил его из разорванных веревок.

Я застыл как вкопанный, лишившись дара речи. Даже когда я начал медленно развязывать последние узлы и стягивать оставшиеся веревки, я не соображал, что делают мои руки. Вот что я тебе скажу, Джайяпра-кеш. Ты - жертва социальной несправедливости. Твое положение трогает меня. Я уменьшу плату за комнату с двухсот до пяти рупий в месяц. Если тебе нужно взять в долг на первые два-три месяца, я буду рад оказать тебе эту услугу.

Слезы стекали по моим щекам и падали на саван. Откуда-то издалека доносился крик Санджая, подгонявшего меня, но мои руки двигались медленно и методично, развязывая последние из запутанных веревок. - Я вспомнил, как проливал слезы благодарности, когда Санджай пригласил меня жить к себе в комнату, мое удивление и чувство признательности за то, что он предложил мне вступить вместе с ним к капаликам.

Надо было тебя использовать, как я и собирался сначала.

Я порывисто вытер глаза, сердито сорвал саван и отшвырнул его в дальний угол фургона.

"А-а-а-а!"

Крик рвался из меня. Я отшатнулся назад и ударился о стенку фургона, чуть не повалившись вперед на то, что открылось передо мной. Фонарь перевернулся и покатился по металлическому полу. Я снова закричал.

"Что такое?"

Санджай снова подбежал к фургону, остановился и схватился за дверь.

"Ох..."

То, что я как невесту тащил из крематория, возможно, и было когда-то человеком. Но сейчас - нет. Ничего похожего. Раздувшееся тело было раза в два больше человеческого - оно скорее напоминало гигантскую, разложившуюся морскую звезду, а не человека. Бесформенное лицо представляло собой белую массу со сморщенными дырками и распухшими щелочками там, где когда-то могли быть глаза, рот и нос. Этот предмет представлял собой слабое подобие человеческой фигуры, грубо слепленное из гниющих грибков и мертвого, бесформенного мяса.

Оно было белым - совершенно белым, - белым как брюхо дохлого сазана, выброшенного на берег водами Хугли. Кожа имела строение выцветшей, трухлявой резины, чего-то, содранного и скроенного из нижней поверхности шляпки ядовитой поганки. Тело было плотно вздуто: его распирало ужасное внутреннее давление от накопившихся газов и раздувшихся так, что вот-вот лопнут, внутренних органов. То здесь, то там виднелись осколки костей и ребер, торчавших из распухшей массы наподобие палочек, воткнутых в поднимающееся тесто.

"А, - выдохнул Санджай. - Утопленник". Как бы в подтверждение слов Санджая, до нас донесся мерзкий запах речной тины, а в одной из черных глазниц появилось нечто, напоминающее слизня. Блестящие щупальца потрогали ночной воздух и спрятались в тень. Я почувствовал шевеление множества других существ в этой разбухшей массе.

Прижавшись спиной к стенке фургона, я заскользил к задней двери. Я бы протиснулся мимо Санджая и убежал в гостеприимную темноту, но он загородил мне дорогу, впихнул обратно в тесный кузов, где лежало тело.

"Возьми его", - велел Санджай.

Я смотрел на него. Упавший фонарь отбрасывал между нами невообразимые тени. Я мог только смотреть.

"Возьми его, Джайяпракеш. До начала церемонии осталось меньше двух минут. Возьми его".

Я мог бы наброситься тогда на Санджая. Я бы с радостью душил его, пока остатки жизни не вылетели бы с хрипом из его лживой глотки. Но тут я увидел пистолет. Он появился у него в руке, как пальма внезапно появляется из цветка лотоса у искусного бродячего фокусника. Пистолет был небольшим. Он выглядел совсем маленьким, чтобы быть настоящим. Но он был. Я в этом не сомневался. А черное отверстие ствола метило прямо между моих глаз.

"Возьми его".

Ничто на свете не могло заставить меня взять то, что лежало на полу за моей спиной. Ничто, кроме абсолютной уверенности в том, что через три секунды я буду мертвым, если не подчинюсь. Мертвым. Как то, что в фургоне. Лежать с ним. На нем. Вместе с ним.

Опустившись на колени, я поставил фонарь, пока из него все не вылилось или он не поджег саван, и засунул руки под труп. Казалось, он поощряет мои объятия. Одна рука скользнула по моему боку, словно в робком прикосновении застенчивого любовника. Мои пальцы глубоко погрузились в белую ткань. Плоть была прохладной и упругой, и я не сомневался, что в любую секунду мои пальцы прорвут ее. Бескостные существа ползали и шевелились внутри, пока я пятился из фургона и нащупывал ногой землю. Моя ноша

навалилась на меня, и на секунду я почувствовал ужасную уверенность в том, что труп превратится в жидкость и окатит меня как сырая речная глина.

Я поднял лицо к ночному небу и побрел вперед. У меня за спиной Санджай взвалил на плечи свой хладный груз и последовал за мной в храм капаликов.

Глава 8

Sa etan panca pasun apasyat - purusam, asvam, gain, avim, ajam... Purusam prathamam alabhate, puruso hi prathamam pasunamm..."

Мы пели священные слова из "Сатапатха Брахмана". "И последовательность жертв будет такова..., сначала человек, потом лошадь, бык, баран и козел... Человек идет прежде животных и более всего угоден богам..."

Мы опустили в темноте на колени перед жаграта Кали. Нас одели в простые белые дхотти. Наши ноги оставались босыми. Лбы наши были помечены. Мы, семеро посвящаемых, стоя на коленях, плотным полукольцом окружали богиню. За нами дугой стояли свечи и внешний круг капаликов. Перед нами лежали тела, принесенные нами же в качестве жертв. На животе каждого из трупов священник капаликов поместил маленький белый череп. Черепа были человеческими, слишком маленькими, чтобы принадлежать взрослым. Пустые глазницы смотрели на нас так же пристально, как и голодные паза богини.

*Мир есть боль,
О, ужасная супруга Шивы,
Ты поглощаешь плоть.*

Голова восьмого кандидата по-прежнему свисала из руки Кали, но теперь юное лицо было белым как мел, а губы раздвинулись в мертвом оскале. Тело, однако, исчезло со своего места у подножия идола, и нога богини в браслетах поднималась над пустым пространством.

*О, ужасная супруга Шивы,
Твой язык пьет кровь,
О, темная Мать! О, обнаженная Мать!*

Я почти ничего не чувствовал, когда опустился там на колени. У меня в голове эхом отдавались слова Санджая. Надо было использовать тебя. Я был провинциальным глупцом. Хуже того, я был провинциальным глупцом, который уже никогда не сможет вернуться к себе домой, в провинцию. Чем бы ни закончилась эта ночь, я знал, что простые радости жизни в ан гуде навсегда остались в прошлом.

*О, возлюбленная Шивы,
Мир есть боль.*

Храм погрузился в тишину. Мы закрыли глаза в дхьяна, глубочайшем сосредоточении, возможном лишь в присутствии жаграта. Вторглись звуки. Река нашептывала полуразличимые слоги. Что-то скользнуло по полу рядом с моей босой ступней. Я не чувствовал ничего. Я не думал ни о чем. Открыв глаза, я увидел, что темно-красный язык статуи высунулся еще дальше из разверстого рта. Ничто не удивляло меня.

Другие капалики вышли вперед, и перед каждым из нас очутилось по священнику. Они опустили перед нами на колени, глядя на нас поверх принесенных нами кошунственных алтарей. Моим Брахманом оказался человек с добрым лицом. Наверное, какой-нибудь банкир. Кто-то из тех, кто привык улыбаться людям ради денег.

*О, Кали,
О, Ужасная,
О, Чиннамаста,
Ты, которая обезглавлена,*

*О, Ганди,
Неистовейший из Воплощений,
О, Камаски,
Пожиратель Душ,
Услышь нашу молитву,
О, Ужасная Супруга Шивы.*

Мой священник поднял мою правую руку и повернул ее ладонью вверх, словно собирался предсказывать мне судьбу. Другой рукой он забрался в свободные складки своего дхотти. Когда он вынул оттуда руку, в ней блеснула острая сталь.

Главный священник приложился лбом к поднятой ступне богини. Голос его звучал очень тихо:

"Богине будет приятно получить вашу плоть с кровью".

Все остальные священники двигались синхронно.. По нашим; ладоням скользнули клинки, словно капли, строгали бамбук. Толстый кусок мясистой части моей ладони ровно отделился и скользнул по лезвию. Мы все судорожно вздохнули, но лишь толстяк закричал от боли.

"Ты, которая радуется жертвенному мясу, о, Великая Богиня. Прими кровь этого человека и плоть его".

Эти слова не были новыми для меня. Каждый год в октябре я слышал их во время скромного празднования Кали Пуджи в нашей деревне. Каждый бенгальский ребенок знает эту молитву. Но жертвоприношение всегда было лишь символическим. Ни разу не видел я, чтобы брахман поднимал в руке розовый кусок моего мяса, а затем наклонялся, чтобы вложить его в зияющий рот трупа.

Затем примирительно улыбающийся человек напротив меня взял мою пораненную руку и повернул ее ладонью вниз. Капли в темноте позади нас начали абсолютно слаженно распевать священнейшие из мантр Гайатри, в то время как темные капли медленно и увесисто падали на белую кожу утопленника перед моими коленями.

Мантра закончилась, и мой банкир-священник ловко достал из своих одежд белую тряпку и перевязал мне руку. Я молился богине о скорейшем завершении церемонии. Внезапно нахлынули тошнота и слабость. Руки у меня, затряслись, и я испугался потерять сознание. Толстяк через три человека от меня лишился чувств и повалился на холодную грудь беззубой старухи, которую он принес. Священник, не обратив на него внимания, удалился в темноту вместе с остальными.

Прошу тебя, богиня, пусть это закончится, молился я.

Но оно не заканчивалось. Пока.

Первый брахман поднял голову от ступни жаграта и повернулся к нам. Он медленно обошел наш полукруг, словно осматривая тела, принесенные нами в качестве жертв. Передо мной он задержался. Я не мог поднять глаз чтобы встретиться с ним взглядом. Я не сомневался, что труп утопленника будет сочтен негодным. Даже сейчас я ощущал вонь речного ила и гниения, словно из его утробы исходило дурное дыхание. Но через секунду священник в тишине двинулся дальше. Осмотрев жертву Санджая, он пошел дальше, вдоль линии.

Я украдкой скосил глаза, чтобы увидеть, как священник босой ногой грубо сталкивает тушу толстяка с его холодной подушки. Выскочил другой капалика и торопливо поставил детский череп обратно на ввалившийся живот трупа. Толстяк лежал без сознания рядом со своей каргой. Они напоминали невероятных любовников, вырванных из объятий друг дружки. Мало кто из нас сомневался в том, чья голова будет свисать следующей в руке темной богини.

Справиться со своей дрожью мне удалось лишь к тому моменту, когда передо мной снова возник священник. На этот раз он щелкнул пальцами, и к нему подошли трое капаликов. Я ощутил почти отчаянное желание Санджая отодвинуться от меня подальше. Сам я мало что чувствовал. Великий холод растекался по моему телу; охлаждая мои трепещущие руки, уничтожая мой страх и опустошая мой рассудок. Я мог бы громко рассмеяться, когда капалики наклонились ко мне. Но предпочел этого не делать.

Нежно, почти с любовью, они подняли раздувшуюся кучу, которая была трупом, и отнесли ее к плите у ног идола. Затем они жестом пригласили меня присоединиться к ним.

Последующие несколько минут остались в моей памяти точно обрывки снов. Я помню, как вместе с капаликами опустился на колени перед бесформенным мертвецом. Кажется, мы декламировали Пуруша-Сукту из десятой мандалы "Ригведы". Остальные вышли из теней, неся ведра с водой, чтобы обмыть разлагающуюся плоть моего приношения. Помню, мне показалась смешной мысль обмыть того, который уже и так столько времени пролежал в воде. Я не смеялся.

Главный священник вынул травинку, все еще помеченную запекшейся кровью, решившей накануне судьбу юного кандидата. Священник макнул былинку в чашу с черной сажей и нарисовал полуокружности над отверстиями, которые когда-то были глазами трупа, смотревшими на мир. Мне приходилось видеть схожие священные знаки, и снова я поборол в себе желание хихикнуть, сообразив, что так, должно быть, обозначаются веки. Во время церемоний в нашей деревне глаза традиционно рисовались глиной.

Подошли другие, чтобы положить на лоб траву и цветы. Высокая и страшная статуя Кали смотрела вниз, пока мы 108 раз читали основные мула-мантри. И снова вперед вышел священник, на этот раз, чтобы дотронуться до каждой из конечностей и поместить свой большой палец на распухшей белой плоти в том месте, где когда-то билось сердце. Затем мы хором произнесли разновидность ведической мантры, заканчивавшейся словами: "Ом, да наделит тебя Вишну детородными органами, да придаст Тваста тебе форму, пусть Праджапати даст тебе семя, да получит Кали твое семя".

Снова в темноте прозвучал хор, распевавший священнейшую из Вед, "Гайатри Мантру". И тогда могучий шум и мощный ветер заполнили храм. На краткий миг я почти уверился, что это поднимаются воды реки, чтобы поглотить всех нас.

Ветер был по-настоящему холодным. Он с шумом пронесся по храму, растрепал нам волосы, раздул белую ткань наших доходилов и загасил большинство свечей, стоявших рядами позади нас. Насколько я помню, абсолютной темноты в храме не было. Некоторые свечи, язычки которых заплясали от этого сверхъестественного дуновения, продолжали гореть. Но даже если свет и оставался - каким бы он ни был, - я не могу объяснить случившееся потом.

Я не шевелился. Так и стоял на коленях меньше чем в четырех футах от божества и его помазанной жертвы. Не уловил я и никакого другого движения, кроме нескольких капаликов у нас за спиной, чиркавших спичками, чтобы снова зажечь погасшие свечи. Это заняло всего несколько секунд. Затем ветер стих, звук пропал, а жаграта Кали вновь осветилась снизу.

Труп изменился.

Плоть по-прежнему оставалась мертвенно-бледной, но теперь ступня Кали опустилась на тело, принадлежавшее, как стало очевидно, мужчине. Оно было обнаженным, как и раньше - с цветами, разбросанными по лбу, сажей, размазанной над глазами, но на том месте, где за несколько секунд до этого виднелась лишь гнойная пустота, теперь лежал дряблый член. Лицо еще не обрело формы - на нем по-прежнему не было ни губ, ни век,

ни носа, - но в его разложенном выражении угадывалось нечто человеческое. Выемки на лице теперь заполнились глазами. Открытые язвы покрывали белую кожу, но осколки костей уже не торчали.

Я зажмурился и вознес молитву без слов - какому божеству, не помню. Судорожный вздох Санджая заставил меня снова открыть глаза.

Труп дышал. Воздух со свистом прошел через открытый рот, и грудь мертвеца поднялась раз, другой, а потом с хрипом заколыхалась в стесненном ритме. Вдруг тело одним плавным движением приняло сидячее положение. Медленно, в высшей степени благоговейно, оно поцеловало безгубым ртом подошву ступни Кали. Затем оно вытащило ноги из-под основания статуи и, пошатываясь, встало. Лицо повернулось прямо на меня, и я разглядел щели влажной плоти там, где когда-то был нос. Оно шагнуло вперед.

Я не мог отвести взгляда, пока высокая фигура деревянной походкой преодолевала три шага, разделявшие нас. Оно нависло надо мной, закрыв богиню, кроме ее удлиненного лица, выглядывавшего из-за его плеча. Дышало оно с трудом, словно его легкие по-прежнему были заполнены водой. И действительно, когда при ходьбе челюсть этого создания чуть отвисла, вода хлынула из открытого рта и потекла струйками по вздымающейся груди.

Лишь когда оно встало не дальше чем в футах от меня, я смог опустить глаза. Речная вонь, исходившая от него, окутывала меня как туман. Ожившее создание медленно протянуло вперед свою белую руку и коснулось моего лба. Плоть была холодной, мягкой, слегка влажной. Даже после того, как оно убрало руку и двинулось к следующему кандидату, я продолжал ощущать прожигавший холодным пламенем мою воспаленную кожу отпечаток его руки.

Капалики завели последний распев. Мои губы помимо моей воли вместе со всеми произносили слова молитвы.

Кали, Кали, бало бхаи

Кали баи аре гате наи.

О, братья, возьмите имя Кали.

Нет убежища, кроме как в иен.

Гимн закончился. Два священника помогли первому брахману отвести вновь пробужденного в тень, в заднюю часть храма. Остальные капалики стали гуськом выходить с другой стороны. Я обвел взглядом наш внутренний круг и обнаружил, что толстяка с нами больше нет. Мы шестером стояли в полумраке и смотрели друг на друга. Прошла примерно минута, прежде чем появился главный священник. Одет он был так же, выглядел, как раньше, но сам он стал другим. В его походке наблюдалась какая-то расслабленность, в позе - непринужденность. Он напоминал мне, удачно сыгравшего в пьесе актера, который, проходя среди зрителей, сменяет один характер на другой.

Он улыбнулся, с радостным видом приблизился к нам, пожал руки всем по очереди и сказал каждому:

"Намаете. Теперь ты капалика. Ожидай следующего зова нашей возлюбленной богини".

Когда он говорил это мне, прикосновение его руки к моей было менее реально, чем еще зудящий отпечаток у меня на лбу.

Человек в черном проводил нас в переднюю комнату, где мы в молчании оделись. Остальные четверо попрощались и вместе ушли, оживленно болтая, словно школьники, отпущенные после занятий. Мы с Санджаем вдвоем остались возле двери.

"Мы - капалики", - прошептал Санджай.

Лучезарно улыбнувшись, он протянул руку. Я посмотрел на него, на его открытую ладонь и сплюнул на пол. Затем я повернулся к нему спиной и покинул храм, так ничего и не сказав.

С тех пор я его не видел. Несколько месяцев я скитался по городу, спал в укромных местах, не доверяя никому. И все время со страхом ожидал "зова моей возлюбленной богини". Но зов не последовал. Поначалу я чувствовал облегчение. Потом я испытывал больший страх, чем поначалу. Теперь мне все равно. Недавно я не таясь вернулся в университет, на знакомые улицы, в места, где когда-то часто бывал. Как здесь.

Кажется, люди знают, что я изменился. Если меня видят знакомые, они сторонятся. Прохожие на улице смотрят на меня и уступают дорогу. Наверное, я стал Неприкасаемым. Возможно, я капалика, несмотря на свое паническое бегство. Не знаю. Я ни разу не возвращался в храм или в Калигхат. Возможно, я отмечен не как капалика, а как жертва капаликов. Я жду, когда найду ответ.

Я хотел бы навсегда покинуть Калькутту, но у меня нет денег. Я всего лишь бедняк касты шудр из деревни Ангуда, но я и тот, кто, вероятно, никогда не сможет вернуться к тому, чем он был.

Один лишь мистер Кришна остался моим другом. Это он призвал меня, чтобы я рассказал вам свою историю. Я закончил рассказ".

Голос Кришны с трудом проквакал перевод последней фразы. Я моргнул и огляделся по сторонам. Ноги хозяина торчали из-под стойки, где он спал на полу. В помещении было тихо. С улицы не доносилось ни единого звука. Мои часы показывали 2:20.

Я резко поднялся, нечаянно свалив стул. Спина у меня ныла, и я чувствовал слабость из-за смены часового пояса и утомительного перелета. Я потянулся и размял болевшие мышцы в районе позвоночника.

Муктанандаджи имел измотанный вид. Сняв свои толстые очки, он устало потирал глаза и переносицу. Кришна протянул руку за остатками холодного кофе Муктанандаджи, допил и сделал несколько попыток прокашляться.

- У вас..., кхе-кхе..., у вас есть вопросы, мистер Лузак?

Я посмотрел на них обоих. Я не доверял собственному голосу. Кришна шумно сморкнулся, сплюнул на пол и снова заговорил:

- Есть ли у вас какие-нибудь вопросы, сэр? Прежде чем ответить, я еще несколько секунд безразлично смотрел на них.

- Только один вопрос, - сказал я.

Кришна с вежливым вниманием поднял брови.

- Какого черта... - начал я., какого дьявола это..., эта байка..., какое отношение она имеет к поэту М. Дасу?

Мой кулак, казалось, сам по себе грохнул по столу. Кофейные чашки подпрыгнули.

Теперь уже Кришна вперился в меня взглядом. Таким взглядом, по-моему, смотрела на меня воспитательница в детском саду, когда мне было пять лет, и я однажды намочил трусики во время тихого часа. Обратившись к Муктанандаджи, Кришна произнес пять слов. Юноша устало водрузил очки на место и ответил еще лаконичнее.

Кришна поднял глаза на меня:

- Вы наверняка должны знать, что именно об М. Дасе мы и говорили.

- Который? - тупо спросил я. - Кто? Что вы хотите сказать, черт возьми? Вы имеете в виду, что священник и был великим поэтом М. Дасом? Вы шутите?

- Нет, - ровно ответил Кришна. - Не священник.
 - Тогда кто...
 - Жертва, - медленно, будто глуповатому ребенку, сказал Кришна. - Жертва. Мистер М. Дас был тем, кого мистер Муктанандаджи принес в качестве жертвы.

Глава 9

*Калькутта, ты продаешь на рынке
 Веревки, чтобы затянуть на шее.*

Тушар Рой

Той ночью мне снились коридоры и пещеры. Потом место действия сна переместилось в оптовый мебельный магазин в ближнем Саутсайде в Чикаго, где я работал летом после второго курса в колледже. Магазин был закрыт, но я все ходил по бесконечным анфиладам демонстрационных помещений, полностью заставленных мебелью. Воздух пропитался запахами обивочной ткани и дешевого лака. Я побежал, протискиваясь между почти впритык расставленными гарнитурами. Я вдруг только что вспомнил, что Амрита с Викторией еще где-то в магазине, и если я их не смогу быстро найти, то тогда нас здесь запрут на ночь. Я не хотел оставлять их там одних, ожидающих меня, запертых в темноте. Я бежал, выкрикивал их имена, перемещался из комнаты в комнату, звал.

Раздался звонок. Я дотянулся до дорожного будильника, стоявшего на тумбочке рядом с кроватью, но звук не затихал. Было пять минут девятого. И когда я уже сообразил, что этот шум исходит от телефона, из ванной вышла Амрита и сняла трубку. Пока она разговаривала, я дремал. Звук включенного душа снова вырвал меня из сна.

- Кто это был?

- Мистер Чаттерджи, - отозвалась Амрита, перекрикивая шум воды. - Ты не сможешь получить рукопись Даса до завтра. Он извинился за задержку. Все, кроме этого, решено.

- М-м-м. Черт. Еще один день.

- В четыре мы приглашены на чай.

- Да? Куда?

- К мистеру Майклу Леонарду Чаттерджи. Он пришлет свою машину. Ты не хочешь спуститься на завтрак со мной и со своей дочерью?

Я что-то промычал, накрылся еще одной подушкой и опять заснул.

Мне показалось, что прошло минут пять, когда в комнату вошла Амрита с Викторией на руках. За ней шел с подносом официант в белом. Будильник показывал 10:28.

- Благодарю вас, - сказала Амрита.

Она опустила ребенка на ковер и дала официанту несколько рупий. Виктория захлопала в ладошки и откинула головку, чтобы посмотреть, как официант уходит. Амрита взяла поднос, поставила его на руку, поднесла кончик пальца к подбородку, одновременно грациозно присев в реверансе.

- Намасти и с добрым утром, сахиб. Руководство отеля желает вам чудесного и приятного дня, хотя, к сожалению, большая его часть уже прошла. Да-да-да.

Я уселся в кровати, а она обмахнула мои колени салфеткой и аккуратно поставила поднос. Затем она снова сделала реверанс и протянула руку ладонью вверх. Я бросил в ладонь веточку петрушки.

- Сдачу оставьте себе, - сказал я.

- О, благодарю вас, благодарю, великодушный сахиб, - пропела Амрита, одновременно пятясь с подобострастными поклонами. Засунув три пальца в рот, Виктория подозрительно смотрела на нас.

- По-моему, сегодня ты собиралась поохотиться на сари, - сказал я.

Амрита раздвинула тяжелые шторы, и я прищурился от серого света.

- Господи, - произнес я, - неужели это солнце? В Калькутте?
- Мы с Камахьей уже сходили за покупками. Очень неплохой магазин. И совсем недорогой.
- Что-нибудь подыскала?
- Да, конечно. Ткань принесут позже. Мы накупили много-много ярдов. Я истратила, наверное, весь твой аванс.
- Черт. - Я опустил глаза и скривился.
- Что такое, Бобби? Кофе холодный?
- Нет, кофе нормальный. Очень даже неплохой. Просто я сообразил, что упустил возможность снова увидеть Камахью. Черт возьми.
- Переживешь, - сказала Амрита, укладывая Викторину на кровать, чтобы переодеть. Кофе действительно был хорошим, а в маленьком металлическом кофейнике оставалось еще. Открыв тарелку, я обнаружил на ней два яйца, гренки с маслом и..., о, чудо из чудес..., три кусочка настоящей грудинки.
- Фантастика, - сказал я. - Спасибо, маленькая.
- А, пустяки, - откликнулась Амрита. - Кухню, конечно, и не собирались открывать, но я сказала им, что это для знаменитого поэта из шестьсот двенадцатого номера. Поэт почти всю ночь обменивается байками с какими-то ребятами, а потом возвращается и при этом хихикает достаточно громко, чтобы разбудить жену и ребенка.
- Прости.
- О чем вы там говорили ночью? Ты что-то бормотал во сне, пока я тебя не пихнула.
- Прости, прости, прости.
- Приладив Викторине новый подгузник, Амрита выбросила старый, снова подошла ко мне и присела на краешек кровати.
- А если серьезно, Бобби, с какими откровениями выступил Таинственный Незнакомец Кришны? Это реально существующий человек?
- Я предложил ей ломтик гренки. Она отрицательно покачала головой, а потом взяла его у меня из пальцев и откусила кусочек.
- Ты точно хочешь услышать эту историю? - спросил я.
- Амрита кивнула. Глотнув кофе, я решил опустить детали и начал рассказывать легким, слегка саркастическим тоном. Иногда прерывая рассказ, чтобы выразить свое отношение к некоторым местам повествования покачиванием головы или коротким замечанием, я умудрился уложить трехчасовой монолог Муктанандаджи меньше чем в десять минут.
- О Господи, - произнесла Амрита, когда я закончил. Она казалась расстроенной, даже встревоженной.
- В общем, в любом случае это было неплохим завершением моего первого дня в прекрасном городе Калькутте, - сказал я.
- Ты не испугался, Бобби?
- Помилуй Бог, нет. А почему я должен был испугаться, малышка? Волновался я лишь о том, чтобы вернуться в отель, сохранив при себе бумажник.
- Да, но...
- Амрита умолкла, подошла к Викторине, сунула ей обратно в руку оброненную пустышку и вернулась к кровати.
- Я хочу сказать, что если за этим больше ничего нет, то тогда, Роберт, ты провел вечер с сумасшедшим. Жаль..., жаль, что я не была там, чтобы переводить.
- Я тоже жалею, - искренне признался я. - Насколько я понимаю, Муктанандаджи декламировал снова и снова Геттисбергскую речь Линкольна по-бенгальски, а Кришна тем временем сочинял страшилку.

- Значит, ты думаешь, что юноша рассказывал не правду?

- Не правду? - повторил я, хмуро уставившись на нее. - Что ты хочешь этим сказать? Оживающие трупы? Мертвые поэты, извлекаемые из речного ила? Но ведь М. Дас, дорогая, исчез восемь лет назад. Из него получился бы весьма несвежий зомби, верно?

- Нет, я не об этом, - сказала Амрита. Она улыбнулась, но улыбка получилась усталая. Я понял, что не надо было брать ее с собой. Я так волновался, что мне понадобится переводчик, кто-нибудь, кто поможет разобраться с местной культурой. Дубина.

- Я просто подумала, что юноше, возможно, казалось, что он рассказывает правду, - сказала она. - Вполне вероятно, что он пытался присоединиться к капаликам, или как они там называются. Он мог увидеть нечто, чего не понял.

- Да, возможно, - согласился я. - Не знаю. Парень был в ужасном виде - красные глаза, плохая кожа, весь дерганый. Наркотиками накачался, насколько я могу судить. У меня сложилось впечатление, что Кришна многое добавлял или менял. Это вроде той старой шутки из комедии, когда иностранец что-нибудь буркнет, а переводчик десять минут распинается. Понимаешь, что я хочу сказать? Как бы там ни было, вполне возможно, что он пытался вступить в это тайное общество, а они разыграли эти штучки с призраками. Но, по-моему, зачинщик здесь - Кришна.

Амрита взяла поднос и поставила на туалетный столик. Не глядя на меня, она принялась переставлять местами чашку и серебряный прибор.

- А зачем? Они просили денег?

Отбросив простыню, я встал и подошел к окну. По середине улицы двигался трамвай, на ходу подбиравший и высаживавший пассажиров. Небо все еще было усеяно низкими тучами, но солнечного света хватало, чтобы отбрасывать тени на разбитую мостовую.

- Нет, - сказал я. - Не напрямую. Но Кришна завершил вечер остроумным маленьким эпилогом - совсем sotto voce - объясняя, как его другу нужно выбраться из города, попасть в Дели или еще куда-нибудь, возможно, даже в Южную Африку. Он не оставил никаких сомнений в том, что несколько сотен долларов были бы приняты с благодарностью.

- Он просил денег? - Тяжеловесные британские гласные звучали у Амриты гораздо резче, чем обычно.

- Нет. Напрямую - нет...

- И сколько же ты им дал? - Она не проявляла ни тени раздражения, лишь любопытство.

Я подошел к своему чемодану и начал вытаскивать оттуда чистое белье и носки. Я в очередной раз получил подтверждение того, что самым сильным аргументом против брака, абсолютно неопровержимым аргументом против многолетней жизни с одним человеком, является разрушение иллюзии свободы воли постоянным осознанием своей полной предсказуемости для супруга.

- Двадцать долларов, - ответил я. - Самый мелкий дорожный чек, что у меня был. Большую часть индийских денег я оставил тебе.

- Двадцать долларов, - задумчиво пробормотала Амрита. - По нынешнему курсу это примерно сто восемьдесят рупий. Ты вписал имя Муктанандаджи?

- Нет, оставил незаполненным.

- Непросто ему будет добраться до Южной Африки на сто восемьдесят рупий, - мягко сказала она.

- Черт побери, да мне все равно, даже если эти двое купят себе кокаину на эти деньги. Или пустят на благотворительность - Фонд Спасения Муктанандаджи от Клятвы Капаликам. Налоговые льготы. Деньги вперед.

Амрита промолчала.

- Взгляни на это с другой стороны, - сказал я. - Мы в любом случае не можем за двадцать долларов нанять няню, отправиться в Эксетер на паршивый фильм, а после этого еще и заглянуть в "Макдоналдс". Его рассказ был гораздо интереснее, чем некоторые из фильмов, на которые мы ездили в Бостон. Как назывался этот дурацкий детский фильм, на который мы спустили пять долларов, когда перед самым отъездом ходили с Дэном и Барб?

- "Звездные войны", - ответила Амрита. - Как ты думаешь, можно из этой истории что-нибудь взять для статьи в "Харперс"?

Я завязал пояс на банном халате.

- Саму встречу и кафе можно. Я попробую показать, насколько сюрреалистичны и нелепы некоторые персонажи в моих..., как это назвал Морроу?., в моих поисках М. Даса. Но бредовые излияния Муктанандаджи я не смогу использовать. Разве что малую часть. Упомяну, конечно, но все эти штуки с капаликами уж больно потусторонни. Подобные рассказы про богиню-убийцу канули в Лету с последними киносериалами. Я еще проверю то, что касается шайки, - возможно, кадалики представляют собой разновидность калькуттской мафии - но остальное слишком сверхъестественно, чтобы вставлять в серьезную статью о превосходном поэте. Это даже патологией не назовешь, это...

- Извращение?

- Нет, никто не будет возражать, если я напишу о небольшом здоровом извращении. Я имел в виду слово "банальность".

- Избави нас Господь от штампов, так?

- Правильно понимаешь, малышка.

- Ладно, Бобби. Что мы будем делать теперь?

- Гм-м-м, хороший вопрос, - сказал я. Я играл в прятки с Викторией. Мы оба использовали край простыни в качестве укрытия. Вместе хихикали, когда я поднимал ее, как занавес, между нами. Потом Виктория закрывала глазки пальчиками, а я с растерянным видом озирался по сторонам, пытаюсь ее найти. Ей это нравилось.

- Пожалуй, для начала я приму душ, - сказал я. - Потом мы посадим тебя и нашу Крошку на дневной рейс до Лондона. Пока у меня еще ни разу не было необходимости привлекать тебя в качестве переводчицы, разве что для того, чтобы понять бормотания носильщика. Я устал платить за прокорм этих лишних ртов. Тебе нет нужды просиживать здесь лишний день, даже если мне придется дожидаться, чтобы вместе с Чаттерджи все оформить. Сегодня суббота. Можешь на некоторое время остановиться в Лондоне, навестить сегодня вечером родителей, а в Нью-Йорк мы прилетим почти одновременно..., скажем, во вторник вечером.

- Извини, Бобби. Невозможно по нескольким причинам.

- Чепуха, - возразил я. - Нет ничего невозможного.

Мы с Викторией нашли друг дружку и захихикали.

- Перечисли свои возражения, а я их отмечу.

- Во-первых, на четыре мы приглашены к Чаттерджи на чай...

- Я передам твои извинения. Дальше.

- Во-вторых, ткань на сари из лавки еще не принесли.

- Я сам привезу. Что еще?

- В-третьих, мы с Викторией будем по тебе скучать. Будем, Бесценная?

Виктория оторвалась от игры ровно настолько, чтобы вежливо зевнуть матери. Затем она, поменяла правила и стала натягивать край простыни себе на голову.

- Мне жаль, но счет - три-ноль, - сказал я Амрите. - Ты вышла из игры. Мне вас тоже будет не хватать, ребята, но, может быть, если вы уедете, я смогу провести время с твоей

подругой Камахьей. По-моему, сегодня в два часа есть рейс на Лондон. Если нет, то я останусь с вами до более позднего рейса.

Амрита собрала некоторые из игрушек ребенка и положила их в ящик.

- Есть еще и четвертая проблема, - сказала она.

- Какая же?

- "БОАК" и "Пан Ам" отменили все полеты из Калькутты, кроме транзитного рейса "БОАК" из Таиланда в 6:45 утра. С погрузкой багажа трудности, как мне сказали. Я звонила вчера вечером, когда затосковала.

- Дьявол. Ты шутишь. Проклятие. Виктория почувствовала перемену тона и уронила простыню. Она сморщила личико, готовая расплакаться.

- Должна же быть хоть какая-то возможность выбраться из этой вонючей задницы,.., прости, маленькая.., из этого города.

- Да, конечно. Все внутренние рейсы "Эйр Индия" имеют выход за границу. Мы могли бы пересечь в Дели на "Пан Амо или еще на чей-нибудь трансатлантический маршрут там же или в Бомбее. Но мы пропустили сегодня утренний рейс на Нью-Дели, а все остальные имеют жутко длинные посадки. Лучше подожду тебя, Бобби. Не хочу без тебя развезжать по этой стране. Мне ее в детстве хватило.

- Ладно, сладкая моя, - сказал я, обнимая ее одной рукой. - Что ж, тогда попробуем попасть на утренний рейс "БОАК" в понедельник. Господи Иисусе, полседьмого утра. Ничего, зато это будет полет с завтраком. Не возражаешь, если я все-таки выполню свой план насчет душа?

- Да, - сказала Амрита, беря ребенка на руки. - Я все узнала у работников <"БОАК", и с твоим душем нет никаких проблем.

В тот день нас потянуло на осмотр достопримечательностей. Я засунул Викторию в рюкзак, и мы вышли в жару, шум и суматоху. И температура, и влажность болтались где-то в районе отметки 100. Мы более чем прилично позавтракали в заведении, именованном "Шахиншах", после чего доехали на такси по Чоурингхи до Индийского музея.

У входа висело небольшое объявление: "КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ЗАНИМАТЬСЯ ЙОГОЙ В ПАРКЕ!". Внутри стояла страшная жара, витрины покрывал толстый слой пыли, а в самом здании было на удивление безлюдно, если не считать шумной и противной группы немецких туристов. Меня мало интересовали антропологические залы на первом этаже, но в конце концов мое внимание привлекла археологическая экспозиция.

- Что там? - спросила Амрита, увидев, что я склонился над стеклянной витриной.

На этикетке рядом с маленькой черной статуэткой было написано: "Изображение богини Дурги в воплощении Кали. Ок. 80 г. до н.э.". Ничего особо пугающего в ней не наблюдалось. Я не увидел никаких признаков петли, черепа или отрубленной головы. Одна рука держала нечто, напоминающее сучок, другая - опрокинутую рюмку для яйца, в третьей руке - предмет, который мог бы быть трезубцем, но больше напоминал открытый складной ножик, а последнюю руку она протягивала вперед, вверх ладонью, на которой лежал маленький желтый пирожок. Как и все скульптурные изображения богини, что я видел в музее, это имело высокую талию, твердые груди и продолговатые уши. Лицо у нее было нахмуренным, многочисленные зубы острыми, но я не разглядел ни вампирских клыков, ни высунутого языка. Ее головной убор составляли языки пламени. На мой

взгляд, скульптура, обозначенная как "Дурга", выставленная в другой витрине неподалеку, имела куда более свирепый вид. У этого, по всеобщему мнению более добродушного воплощения Парвати, было десять рук, каждая из которых сжимала оружие, одно страшнее другого.

- Твоя подруга Кали не кажется такой уж ужасной, - сказала Амрита. Даже Виктория высунулась из-за плеча, чтобы взглянуть на витрину.

- Этой штуковине две тысячи лет, - сказал я. - Возможно, с тех пор она стала более злобной и кровожадной.

- Некоторым женщинам возраст не идет на пользу, - согласилась Амрита и двинулась к следующей витрине. Виктории, судя по всему, приглянулся бронзовый идол Ганеша, веселый бог благосостояния со слоновьей головой; и в оставшееся время в музее мы занимались игрой, которая заключалась в том, чтобы найти как можно больше изображений Ганеши.

Амрита хотела бы посетить мемориальный зал Виктория, чтобы посмотреть реликвии колониальных времен, но времени уже не оставалось, и мы довольствовались тем, что проехали мимо на такси и показали ребенку впечатляющее белое сооружение, названное, как мы ей сказали, в ее честь.

В гостиницу мы бежали под проливным дождем, быстро переоделись, а когда вышли, то обнаружили, что нас ожидает машина Чаттерджи, а ливень закончился.

Впервые за несколько дней я надел галстук, и когда машина влилась в транспортный поток, я чувствовал себя неуютно, дергал за узел и мечтал о том, чтобы воротник был посвободнее или шея потоньше. Моя белая рубашка с короткими рукавами уже взмокла на спине, и я вдруг обратил внимание, какими потертыми и замызганными выглядели мои старые добрые туфли. В общем, я чувствовал себя помятым, растрепанным и пропотевшим. Я взглянул искоса на Амриту. Она имела - как и всегда - вид хладнокровный и сдержанный. На ней было белое хлопчатобумажное платье, которое она купила в Лондоне, и ожерелье из ляпис-лазури, подаренное мной еще до свадьбы. Волосы у нее, по всем правилам, должны были свисать безвольными прядями, но вместо этого пышно и глянцево ниспадали ей на плечи.

Мы ехали около часа, и эта поездка напомнила мне, что Калькутта по площади больше Нью-Йорка. Движение было диким и суматошным, как всегда, но молчаливый водитель Чаттерджи выбрал кратчайший маршрут среди этой сумятицы'. Мои тревоги по поводу движения не слишком-то успокаивали Большие белые щиты с надписями на бенгали, хинди и английском, установленные в центре нескольких хаотических круговых развязок, которые мы проезжали: "БУДЬТЕ ВНИМАТЕЛЬНЕЕ ЗА РУЛЕМ! НА ЭТОМ УЧАСТКЕ ЗА ПРОШЛЫЙ ГОД ПОГИБЛО... ЧЕЛОВЕК!". Пропуски были заполнены съемными табличками с цифрами, подобные которым можно увидеть на старых бейсбольных площадках. Самым большим числом, что мы видели по пути, было 28. У меня невольно возник вопрос, включает ли эта цифра целый участок дороги или лишь несколько квадратных футов мостовой.

Кое-где мы проезжали по шоссе, зажатому с обеих сторон огромными кольями - невероятными трущобами с жестяными крышами, стенами из джутовых мешков и немощеными грязными улицами, - которые прерывались лишь серыми монолитами заводов, извергающих пламя и сажу в сторону муссонных облаков. Я обнаружил, что распространяющиеся философские мировоззрения, вроде экологии и контроля за загрязнением окружающей среды, являются роскошью, доступной лишь для наших передовых промышленных стран. Воздух Калькутты, и без того насыщенный запахами нечистот, сжигаемых кизяков, миллионов тонн отходов и постоянно горящих

бесчисленных костров, становился почти непереносимым из-за примеси неочищенных автомобильных выхлопов и промышленных выбросов.

Сами заводы представляли собой гигантские скопления выветренного кирпича, ржавяющей стали, разросшихся сорняков и выбитых окон - картинки мрачного будущего, когда индустриальную эру постигнет судьба динозавров, но от нее останутся раскиданные окрест разрушающиеся остовы. Однако от большинства этих развалин поднимался дым, а из черных утроб выходили людские фигуры в лохмотьях. Я почти не мог представить себя живущим в одной из тех лачуг с земляным полом, работающим на каком-нибудь из этих зловещих заводов.

Амрита, должно быть, думала о том же, поскольку ехали мы молча, разглядывая пронсящую мимо окон машины панораму человеческой безысходности.

Затем, в течение всего нескольких минут, мы проехали по мосту над многочисленными железнодорожными путями, миновали ряд небольших лавчонок и вдруг оказались в старом, обжитом районе с усаженными деревьями улицами и большими домами, обнесенными стенами с решетчатыми воротами. Неяркий солнечный свет отражался от бесчисленных осколков битого стекла, заделанного в плоские гребни стен. В одном месте на верху высокой стены был очищен проход примерно в ярд шириной, но каменная кладка грязного цвета была запачкана темными полосками. В конце длинных подъездных дорожек возле домов стояли сверкающие автомобили. На увенчанных железными пиками воротах виднелись небольшие таблички с надписью "Осторожно, собака" не меньше чем на трех языках.

Не требовалось особой проницательности, чтобы сообразить, что когда-то здесь был жилой квартал англичан, отделенный от адской городской сутолоки настолько, насколько мог себе позволить правящий класс. Запустение оставило следы даже здесь - часто попадались обшарпанные стены, крыши без кровли, грубо заколоченные досками окна, - но это было контролируемое заустение, арьергардные бои с неистовой энтропией, царившей, казалось, по всей Калькутте; ощущение распада слегка смягчалось яркими цветами и другими очевидными усилиями обиходить дворы, что проглядывалось через высокие ворота.

Мы свернули к одним из таких ворот. Шофер вышел и открыл висячий замок ключом, болтавшимся на цепочке у него на поясе. Круговую подъездную дорожку окаймляли высокие цветущие кусты и склоненные ветки деревьев.

Нас приветствовал Майкл Леонард Чаттерджи. - О, мистер и миссис Лузак! Добро пожаловать! Его жена тоже стояла у двери вместе с малышом, которого я сначала принял за их сына, но потом сообразил, что это, должно быть, их внук. Миссис Чаттерджи было шестьдесят с небольшим, в результате чего я пересмотрел возраст ее супруга в сторону увеличения. Мистер Чаттерджи был одним из тех гладколицых, постоянно лысеющих джентльменов, которые по достижении пятидесяти застывают в этом возрасте лет на двадцать.

Мы перекинулись несколькими словами на крыльце. Виктория получила должные комплименты, а мы похвалили их внука. Нам быстро показали дом, прежде чем проводить на широкую террасу, выходящую на переулок.

Их дом меня заинтересовал. Мне впервые представилась возможность посмотреть, как живет индийская семья из высших слоев. Сразу бросились в глаза несоответствия: просторные, высокие парадные помещения, в которых краска отслаивалась от грязноватых стен; прекрасный ореховый буфет, испещренный царапинами, а на нем - чучело мангусты с покрытыми пылью стеклянными глазами и вытертым мехом; дорогой кашмирский ковер ручной работы положен на обшарпанный линолеум; большая, некогда

современная, кухня заставлена запыленными бутылками, старыми ящиками, нечищенными кастрюлями, а прямо посередине - угольный очаг. Следы копоти покрывали когда-то белый потолок.

- На свежем воздухе будет гораздо удобнее, - сказал Чаттерджи, открывая для Амриты дверь.

Каменный пол еще оставался мокрым после недавнего ливня, но мягкие стулья были сухими, а стол накрыт к чаю. Взрослая дочь Чаттерджи, полная молодая женщина с чудесными глазами, присоединилась к нам лишь для того, чтобы несколько минут пощебетать с Амритой на хинди, после чего удалилась вместе с сыном. Чаттерджи, казалось, был поражен лингвистическими способностями Амриты, и спросил ее о чем-то по-французски. Амрита ответила без запинки, и они рассмеялись. Он переключился на другой язык - как я узнал позже, тамильский, - но Амрита отреагировала и на этот раз. Затем они начали, перебрасывая простыми фразами на русском. Я отпил чаю и улыбнулся миссис Чаттерджи. Она улыбнулась в ответ и предложила мне сэндвич с огурцом. Мы улыбались друг дружке в течение еще нескольких минут, - пока продолжалась трехязычная шутовская беседа, а потом Виктория заворочалась. Амрита взяла у меня ребенка, а Чаттерджи заговорил со мной.

- Не хотите еще чаю, мистер Лузак?

- Нет., спасибо, все хороша.

- Может быть, что-нибудь покрепче?

- Э-э-э...

Чаттерджи щелкнул пальцами и тут же появился слуга. Через несколько секунд он принес поднос с графинами и стаканами.

- Вы пьете виски, мистер Лузак? Католик ли Папа Римский? - подумал я.

- Да.

Амрита меня предупреждала, что индийское виски - жуткое пойло, но, судя по первому же глотку, что в графине у Чаттерджи содержалось патентованное виски, почти наверняка двадцатилетней выдержки, почти наверняка импортное.

- Великолепно.

- Это "Гленливет", - сказал он. - Чистое. Я считаю его гораздо более оригинальным., чем смешанные марки.

Несколько минут мы говорили о поэзии и поэтах. Я пытался подвести разговор к М. Дасу, но Чаттерджи не захотел обсуждать без дести пропавшего поэта, не считая упоминания о том, что Гупта уладил все детали завтрашней передачи рукописи. Мы пустились в рассуждения о том, насколько трудно серьезному литератору в обеих наших странах обеспечить себе достойное существование. У меня сложилось впечатление, что деньги Чаттерджи достались по наследству и что у него есть и другие интересы, вложения и доходы.

Беседа неизбежно скатилась к политике. Чаттерджи весьма красноречиво поведал о том, каким облегчением для страны было поражение миссис Ганди на последних выборах. Возрождение демократии в Индии, очень меня интересовало, и кое-что я собирался использовать в статье о Дасе.

- Она была тираном, мистер Лузак. Так называемое чрезвычайное положение было не более чем уловкой для прикрытия уродливого лица тирании.

- Значит, вы считаете, что она никогда не вернется в национальную политику?

- Никогда! Никогда, мистер Лузак.

- Но мне казалось, что у нее по-прежнему остается сильная политическая база, а Национальный конгресс все еще способен составить твердое большинство, если нынешняя коалиция дрогнет.

- Нет-нет. - Чаттерджи отрицательно замахал рукой. - Вы не понимаете. Миссис Ганди и ее сын кончены. В течение ближайшего года они попадут в тюрьму. Помяните мои слова. Ее сын уже находится под следствием из-за разных скандалов и nepотребств; когда же выплывет вся правда, его счастье, если ему удастся избежать смертной казни.

Я кивнул.

- Я читал, что многих людей он оттолкнул радикальными программами по контролю за рождаемостью.

- Он был свиньей, - без признака эмоций произнес Чаттерджи. - Высокомерной, невежественной свиньей с диктаторскими замашками. Его программы немногим отличаются от попыток устроить геноцид. Он обманывал бедных и необразованных людей, хотя сам изрядный невежда. Даже его мать боялась этого чудовища. Появись он сейчас в толпе, его бы разорвали голыми руками. Я сам бы с радостью принял в этом участие. Еще чаю, мистер Лузак?

По тихому переулку за железным забором проехал автомобиль. Несколько дождевых капель упали на широкие листья баньяна у нас над головой.

- Каковы ваши впечатления от Калькутты, мистер Лузак?

Неожиданный вопрос Чаттерджи застиг меня врасплох. Я выпил виски и, прежде чем ответить, подождал секунду, пока разойдется тепло от напитка.

- Калькутта завораживает, мистер Чаттерджи. Это слишком сложный город, чтобы составить за два дня хоть какое-то мнение. Нам должно быть совестно, что мы не сможем провести здесь больше времени, чтобы осмотреть все как следует.

- Вы дипломатичны, мистер Лузак. Вы имеете в виду, что находите Калькутту отвратительной. Она уже успела оскорбить ваши чувства, не так ли?

- "Отвратительна" - неверное слово, - сказал я. - Правда то, что бедность производит на меня ужасное впечатление.

- Ах да, бедность, - произнес Чаттерджи, улыбнувшись, словно это слово имело оттенок глубокой иронии. - Действительно, здесь много бедности. Много нищеты, по западным меркам. Это должно оскорблять американский разум, поскольку Америка неоднократно устремляла свою великую волю на искоренение бедности. Как это выразился ваш бывший президент Джонсон..., объявить войну бедности? Можно подумать, что ему было мало, войны во Вьетнаме:

- Война с бедностью - это еще одна проигранная нами война, - сказал я. - Америка по-прежнему имеет свою долю бедности.

Я поставил пустой стакан, и тут же рядом со мной появился слуга, чтобы подлить виски.

- Да-да, но мы говорим о Калькутте. Один наш неплохой поэт назвал Калькутту "полураздавленным тараканом". Еще один писатель сравнил город с престарелой, умирающей куртизанкой, окруженной кислородными баллонами и гниющими апельсиновыми корками. Вы согласны с этим, мистер Лузак?

- Я бы согласился с тем, что это очень сильные метафоры, мистер Чаттерджи.

- Ваш супруг всегда так осмотрителен, миссис Лузак? - поинтересовался Чаттерджи и с улыбкой посмотрел на нас поверх своего стакана. - Нет-нет, не беспокойтесь, что я могу обидеться. Я уже привык к американцам и к тому, как они реагируют на наш город. Их реакция сводится к двум вариантам: они считают Калькутту "экзотичной" и сосредотачиваются на своих туристических радостях или сразу же пугаются, испытывают

омерзение и стремятся забыть то, что они видели и не поняли. Да-да, американская душа так же предсказуема, как и стерильная и уязвимая американская пищеварительная система при столкновении с Индией.

Я метнул взгляд в сторону миссис Чаттерджи, но она подбрасывала Викторию у себя на коленях и, казалось, не слышала заявлений мужа. В ту же секунду на меня посмотрела Амрита, и я воспринял это как предостережение. Я улыбнулся, чтобы продемонстрировать нежелание ввязываться в спор.

- Возможно, вы правы, - сказал я, - хотя я не взял бы на себя смелость утверждать, что понял "американскую душу" или "индийскую душу" - если таковые вообще существуют. Первые впечатления всегда поверхностны. Я это понимаю. Я давно восхищался индийской культурой, еще даже до встречи с Амритой, а она, конечно, поделилась со мной частицей этой красоты. Но могу признать, что Калькутта немного пугает. Есть, по-видимому, что-то уникальное.., уникальное и вызывающее беспокойство в городских проблемах Калькутты. Возможно, это только из-за ее масштабов. Друзья мне говорили, что Мехико при всей его красоте имеет те же проблемы.

Чаттерджи кивнул, улыбнулся, поставил стакан. Сложив ладони пальцами вверх, он посмотрел на меня взглядом учителя, который никак не может определить, стоит ли тратить на этого ученика время или нет.

- Вы немного путешествовали, мистер Лузак?

- В общем-то немного. Несколько лет назад я прошелся с рюкзаком по Европе.

Некоторое время провел в Танжере.

- Но в Азии не бывали?

- Нет.

Чаттерджи опустил руки с таким видом, словно его точка зрения получила весомое подтверждение. Но урок еще не закончился. Он щелкнул пальцами, отдал распоряжение, и мгновение спустя слуга принес какую-то тонкую голубую книжку. Название я не смог разглядеть.

- Скажите, пожалуйста, мистер Лузак, является ли это описание Калькутты справедливым и обоснованным, - молвил Чаттерджи и начал читать вслух:

"...плотное скопление домов настолько ветхих, что того и гляди упадут, через которое, изгибаясь и виляя, проходят узенькие, кривые переулки. Здесь нет уединения, и кто бы ни отважился явиться в этот район, обнаружит на улицах, названных так и вежливости толпы празднующихся, разглядит сквозь частично застекленные комнаты, до отказа заполненные людьми.., застоявшиеся сточные каналы.., заваленные мусором темные проходы.., покрытые копотью стены и двери, сорванные с петель.., и повсюду кишат дети, облегчающиеся где им угодно".

Он остановился, закрыл книгу и поднял брови, изобразив вежливый вопрос.

Я не возражал против игры в прямолинейность, раз уж это доставляет удовольствие хозяину дома.

- Много сходится, - сказал я.

- Да. - Чаттерджи улыбнулся и поднял в руке книгу. - Это, мистер Лузак, описание Лондона, сделанное современником в 1850 году. Надо принимать во внимание тот факт, что Индия только начинает свою Промышленную Революцию. Беспорядок и сумятица, которые вас так шокируют - нет-нет, не отрицайте, - есть неизбежные побочные продукты такой революции. Вам повезло, мистер Лузак, что ваша культура уже давно миновала эту точку.

Я кивнул, подавив в себе желание признаться ему, что зачитанное описание вполне подошло бы для районов в южной части Чикаго, где я вырос. Мне все-таки казалось, что стоит сделать еще одну попытку прояснить свою точку зрения.

- Это очень верно, мистер Чаттерджи. Я понимаю значение сказанного вами. По дороге сюда я думал примерно о том же, а вы расставили все акценты. Но должен добавить, что за время нашего краткого пребывания здесь я ощутил нечто..., есть в Калькутте нечто иное. Не могу точно определить, что это. Странное ощущение..., насилия, пожалуй. Ощущение насилия, бурлящего прямо у поверхности.

- Или, может быть, безумия? - ровным голосом спросил Чаттерджи. Я ничего не ответил.

- Многие потенциальные интерпретаторы нашего города, мистер Лузак, отмечают это мнимое ощущение всепроникающего насилия. Видите ту улицу? Да, именно ту?

Я проследил за направлением его пальца. Запряженная быками повозка двигалась по пустынному переулку. Если убрать тащившуюся повозку и баньяны с многочисленными стволами, то подобный вид можно было бы отнести к старому, изрядно обветшавшему району любого американского города.

- Да; - сказал я. - Вижу.

- Некоторое время тому назад я сидел здесь за завтраком и наблюдал, как там убивали семью. Нет, "убивали" - не то слово. Их кромсали, мистер Лузак, кромсали. Там. Именно на том месте. Где сейчас проезжает повозка.

- Что же произошло?

- Это было во время столкновений индусов и мусульман. Там, у местного врача жила бедная мусульманская семья. Мы привыкли к ним. Глава семьи был плотником, и мой отец неоднократно пользовался его услугами. Их дети играли с моим младшим братом. Потом, в 1947 году, во время самых ожесточенных столкновений они решили перебраться в Восточный Пакистан.

Я увидел, как они едут по улице в телеге, запряженной лошадей. Их было пятеро, в том числе и самый маленький на руках у матери. Я как раз завтракал, когда услышал шум. Их перехватила толпа. Мусульманин спорил. Напрасно он ударил плеткой жоака того сборища. Толпа подалась вперед. Я сидел на том самом месте, где сейчас сидите вы, мистер Лузак. Мне было очень хорошо видно. Те люди пустили в ход дубинку, булыжники, голые руки. Вполне возможно, и зубы. Когда все закончилось, плотник-мусульманин и его семейство превратились в грязные кучи посреди улицы. Погибла даже их лошадь.

- Боже праведный, - только и произнес я и, нарушив наступившую тишину, спросил:

- Вы хотите сказать, мистер Чаттерджи, что согласны с теми, кто усматривает в этом городе налет безумия?

- Совсем напротив, мистер Лузак. Я упомянул об этом инциденте, поскольку в той толпе были.. И остаются..., мои соседи: мистер Гольвалькар, учитель; мистер Ширшик, пекарь; старый мистер Мухкерджи, что работает на почте рядом с вашей гостиницей. Они были обычными людьми, мистер Лузак, которые вели нормальную жизнь до того прискорбного случая и которые после вернулись к нормальной жизни. Я упомянул об этом, потому что сей факт доказывает глупость любого, кто делает из Калькутты эпицентр бенгальского безумия. Про любой город можно сказать, что в нем есть "насилие, бурлящее прямо у поверхности". Вы видели сегодняшнюю газету на английском?

- Газету? Нет.

Чаттерджи развернул газету, лежавшую возле сахарницы, и подал ее мне.

Местом действия заметки на первой полосе был Нью-Йорк. Накануне вечером там произошла авария в электросетях, самая серьезная авария со времени полного отключения электроэнергии в 1965 году. Как по команд де, по гетто и бедным районам города разлилась волна грабежей. Тысячи людей приняли участие в явно бессмысленных актах вандализма и хищений. Под одобрительные выкрики из толпы целые семьи разбивали витрины магазинов и тащили все, что можно было унести - телевизоры, одежду. Сотни из них были арестованы, но мэрия и полиция признали свое бессилие перед лицом проблемы такого размаха.

Были здесь и перепечатки из американских газет. Либералы видели в этом возрождение социального протеста и поносили спровоцировавшие его дискриминацию, бедность и голод. Консервативные комментаторы ядовито указывали на то, что голодные люди не станут воровать в первую очередь стереосистемы, и призывали к решительной борьбе с правонарушителями. Аргументированные комментарии казались бессмыслицей на фоне извращенной спонтанности самого события. Все выглядело так, будто большие города защищены от повального варварства лишь тонкой стеной электрического света.

Я передал газету Амрите.

- Ужасно, мистер Чаттерджи. Ваша точка зрения хорошо обоснована. Я, конечно, не хотел выставить себя слишком самоуверенным в том, что касается проблем Калькутты.

Чаттерджи улыбнулся и снова сложил ладони вместе. В его очках отражался серый свет и темные очертания моей головы. Он слегка кивнул.

- Насколько вы понимаете, мистер Лузак, это проблема городов. Проблема, усугубляемая уровнем нищеты и нравами иммигрантов, наводнивших город. Калькутта переживает буквально нашествие необразованных чужаков. Наши проблемы вполне реальны, но мы не видим в них ничего уникального.

Я молча кивнул.

- Я не согласна, - вмешалась Амрита.

Мы с Чаттерджи удивленно повернулись к ней.

- Я совершенно не согласна, мистер Чаттерджи, - сказала она. - По-моему, это проблема культуры, во многих отношениях присущая Индии, если не одной Калькутте.

- Неужели? - Чаттерджи забарабанил пальцами сложенных вместе ладоней. Несмотря на самоуверенную улыбку, его явно удивляло и раздражало то, что ему противоречит женщина. - Что вы имеете в виду, миссис Лузак?

- Что ж, поскольку, судя по всему, сейчас вполне уместно иллюстрировать гипотезы случаями из жизни, - тихо сказала она, - позвольте мне рассказать о двух происшествиях, которые я наблюдала вчера.

- Извольте. - В улыбке Чаттерджи появился оттенок гримасы.

- Вчера я завтракала в открытом кафе в "Оберое", - начала она. - Мы с Викторией сидели за столиком одни, но в кафе было много народу. За соседним столиком расположились летчики из "Эйр Индия". В нескольких футах от нас женщина из касты неприкасаемых подстригала траву ручными ножницами...

- Прошу прощения, - перебил Чаттерджи, и теперь уже неприятная гримаса явственно проступила на его гладком лице. - Мы предпочитаем говорить "лицо определенного класса".

Амрита улыбнулась.

- Да, я это знаю, - сказала она. - Определенный класс, или Хариджан, "Возлюбленные Бога". Я выросла при этих условностях. Но это не более чем эвфемизмы, мистер Чаттерджи, и вам это хорошо известно. Она относится к Определенному классу, потому

что появилась на свет в этой касте и в ней же и умрет. Ее дети почти наверняка проведут жизнь за той же холуйской работой, что и она. Она - Неприкасаемая.

От улыбки Чаттерджи повеяло холодом, но он не стал больше перебивать.

- Одним словом, она приседала, подрезала по травинке за раз, передвигаясь по двору походкой, которая показалась мне очень болезненной. Никто не замечал ее. Она была так же невидима, как и трава, которую она подстригала.

Накануне ночью с галереи упал электропровод. Он повис над газоном во дворе, но никто и не подумал починить линию или отключить ток. Официанты просто пригибались, проходя в сторону бассейна. Неприкасаемая женщина наткнулась на него во время работы и хотела убрать с дороги. А провод был неизолированным.

Когда она до него дотронулась, ее сильно тряхнуло, но она не смогла выпустить провод из рук. Боль, наверное, была адская, но она издала лишь один страшный вопль. Она буквально извивалась на земле, убиваемая током прямо на наших глазах.

Я говорю "на наших", мистер Чаттерджи. Официанты стояли сложив руки и смотрели. Рабочие на возвышении рядом с этой женщиной безучастно поглядывали вниз. Один из летчиков рядом со мной отпустил какую-то шутку и снова принялся за кофе.

Я не очень-то быстро соображаю, мистер Чаттерджи. Всю свою жизнь я старалась повернуть так, чтобы другие делали за меня даже самые простые вещи. Я всегда просила сестру покупать для нас билеты на поезд. Даже сейчас, если мы с Бобби заказываем пиццу на дом, я прошу его позвонить по телефону. Но когда прошло с полминуты и стало ясно, что никто во дворе - а там было не меньше дюжины мужчин - не спасет бедняжку от смерти, я сорвалась с места. Особого ума или смелости не потребовалось. Возле двери стояла метла. Я убрала провод с ее руки при помощи деревянной ручки.

Я уставился на свою жену. Амрита мне об этом ничего не сказала. Чаттерджи как-то растерянно кивал, но я первым обрел дар речи.

- Она сильно пострадала?

- По всей видимости, нет, - ответила Амрита. - Был разговор, чтобы послать ее в больницу, но через пятнадцать минут она уже снова подстригала траву.

- Да-да, - заговорил Чаттерджи. - Все это очень интересно, но не должно рассматриваться вне контекста...

- Второй случай произошел примерно через час после этого, - ровным голосом продолжала Амрита. - Мы с одной моей подругой покупали сари возле кинотеатра "Элита". Пробка тянулась на несколько кварталов. Посреди улицы стояла старая корова. Люди кричали и сигналили, но никто не пытался сдвинуть ее с места. Вдруг корова стала мочиться, выпустив на улицу целый поток. На тротуаре возле нас стояла девочка - очень милая девочка лет пятнадцати, в свежей белой блузке, с красной косынкой. Эта девочка тут же выбежала на проезжую часть, погрузила руки в поток мочи и плеснула себе на лоб.

В тишине слышался лишь шелест листьев. Чаттерджи посмотрел на свою жену, перевел взгляд обратно на Амриту. Кончики его пальцев бесшумно барабанили друг о друга.

- Это и есть второй случай? - спросил он.

- Да.

- Миссис Лузак, хоть вы с детства и не были в своей стране - в Индии, - вы наверняка должны помнить то уважение, которое мы питаем к коровам как символам нашей религии?

- Да.

- И вам должно быть известно, что не все люди в Индии разделяют..., э-э-э..., страх западного человека перед идеей классовых различий.

- Да.

- А разве вам неизвестно, что моча..., особенно моча человека..., по мнению многих местных жителей, обладает сильными духовными и медицинскими качествами? Знаете ли вы, что наш нынешний премьер-министр, мистер Мораджи Десаи, каждое утро выпивает по несколько унций своей собственной мочи?

- Да, я это знаю.

- Тогда, признаюсь честно, миссис Лузак, не понимаю, о чем говорят ваши "случаи", кроме как разве что о несовпадении" культур и отвращении к вашим бывшим традициям. Амрита покачала головой.

- Дело не в различии культур, мистер Чаттерджи. Будучи математиком, я стараюсь рассматривать разные культуры достаточно абстрактно, в виде соприкасающихся систем с определенными общими элементами. Или, если угодно, в качестве серии человеческих экспериментов, определяющих, как жить, думать, как вести себя по отношению друг к другу. Возможно, благодаря собственному прошлому, потому что я еще в детстве много путешествовала, я ощущаю некоторую объективность по отношению к различным культурам, с которыми я сталкивалась и в которых жила.

- Да?

- А в индийской системе культурных установок, мистер Чаттерджи, я нахожу некоторые элементы, которые имеют немногие культуры..., а если и имели, то предпочли не сохранять. В своей собственной стране я нахожу укоренившийся расизм, который, вероятно, находится за пределами обычных сравнений. Я нахожу, что та философия ненасилия, на которой я воспитана - и которая мне больше всего по душе, - продолжает разрушаться преднамеренными и бессердечными проявлениями дикости среди ее сторонников. А тот факт, что ваш премьер-министр, мистер Чаттерджи, выпивает несколько стаканов своей мочи в день, не делает подобную практику привлекательной для меня. Как и для большей части остального мира. Мой отец часто напоминал мне, что когда Махатма ходил от деревни к деревне, первое, что он проповедовал, было не братство людей, не антибританские акции или ненасилие, но основы - самые элементарные основы - гигиены человека.

Нет, мистер Чаттерджи, будучи индианкой, я не могу согласиться, что все трудности Калькутты представляют собой миниатюрную копию повсеместных городских проблем.

Чаттерджи смотрел на нее поверх пальцев. Миссис Чаттерджи спокойно ерзала. Виктория подняла взгляд на мать, но не издала ни звука. Не знаю, чем бы продолжился разговор, но именно в эту секунду первые большие капли дождя начали падать вокруг нас.

- Думаю, нам будет гораздо удобнее в доме, - сказала миссис Чаттерджи, когда гроза разошлась в полную силу.

Присутствие шофера Чаттерджи сдерживало нас во время обратной поездки в гостиницу, однако мы все же смогли пообщаться посредством изощренных кодов, известных только супружеским парам.

- Тебе бы в ООН работать, - сказал я.

- Я и работала на ООН, - ответила Амрита. - Ты забываешь, что как-то я проработала там целое лето в качестве переводчика. За два года до нашей встречи.

- Гм, затеяла какую-нибудь войну?

- Нет. Я предоставила это профессиональным дипломатам.

- Ты не говорила мне, что видела во время завтрака женщину, которую чуть не убило током.

- Ты не спрашивал.

Бывают моменты, когда даже муж понимает, что ему следует заткнуться. Сквозь подвижную завесу дождя мы смотрели на проносившиеся мимо трущобы. Некоторые люди на улице даже не пытались спрятаться от ливня, а лишь тупо приседали на корточках в грязь, склонив головы под напором воды.

- Видишь детей? - негромко спросила Амрита. До сих пор не обращал внимания, но теперь увидел. Девочки лет семи-восьми стояли, держа на бедрах детей еще меньше. Сейчас до меня дошло, что это был один из наиболее часто встречающихся за последние пару дней образов - дети, державшие детей. Поскольку лил дождь, они укрылись под навесами, мостками и протекающими полотнами. Их оборванная одежда имела яркую окраску, но даже ослепительный красный цвет или царский голубой не могли скрыть грязи и изношенности. На худеньких запястьях и лодыжках девочки носили золотые браслеты. Их будущее приданое.

- Много здесь детей, - сказал я.

- И почти ни одного ребенка, - произнесла Амрита так тихо, что это прозвучало почти как шепот.

Мне потребовалось лишь несколько секунд, чтобы убедиться, насколько она права. У большинства детей, которых мы видели, детство уже прошло. Нянчить младших сестреночек и братишек, тяжело трудиться, рано выйти замуж и нянчить уже свое потомство - вот их непосредственное будущее. Многие из детей, которые сейчас бегали голыми по грязи, не проживут и несколько последующих лет. Те, кто достигнет нашего возраста, встретят новое столетие среди миллиардного народа, стоящего перед угрозой голода и социального хаоса.

- Бобби, - заговорила Амрита, - я знаю, что в американских школах не очень серьезно относятся к математике, но ведь ты учил Евклидову геометрию в средней школе?

- Да, малышка, этому учат даже в американских средних школах.

- Тогда ты должен знать, что существует и неевклидова геометрия?

- Доходили до меня кой-какие грязные сплетни на этот счет.

- Я серьезно, Бобби. Я пытаюсь кое в чем здесь разобраться.

- Продолжай.

- Так вот, мне в голову пришла одна мысль, когда я упомянула в разговоре с Чаттерджи про альтернативные системы и эксперименты.

- Угу.

- Если индийская культура была экспериментом, то тогда мои западные предрассудки говорят, что он оказался неудачным. Во всяком случае, в том, что касается приспособления людей к жизни и их защиты.

- Бесспорно.

- Но если это - просто другая система, то тогда моя метафора наводит на мысль о гораздо худшей возможности.

- Какой же?

- Если размышлять в рамках теории систем, то тогда я прихожу к убеждению о полной несовместимости двух моих культур. А я есть производная этих двух культур. Общий элемент в системах, общих элементов не имеющих.

- Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись?

- Ты ведь понимаешь мою проблему, Бобби?

- Возможно, хороший семейный консультант смог бы...

- Помолчи, пожалуйста. Эта метафора навела меня на еще более устрашающую аналогию. Что, если различия, на которые мы реагируем в Калькутте, есть результат того, что культура не другая система, а другая геометрия?

- А какая разница?

- Я думала, ты знаешь Евклида.

- Нас представили друг другу, но близко мы так и не сошлись.

Амрита вздохнула и стала смотреть на тот промышленный кошмар, среди которого мы проезжали. У меня мелькнула мысль, что это образ индустриальной пустыни из-"Гэтсби" Фицджеральда, возведенный в десятую степень. А еще мне пришло в голову, что мои личные литературные ассоциации стали испытывать пагубное влияние математических метафор Амриты.

Я видел, как на обочине присел человек, собравшийся испражняться. Он задрал рубаху на голову и приготовил небольшую бронзовую чашечку с водой для пальцев левой руки.

- Системы и теории чисел пересекаются, - сказала Амрита. По ее напряженному голосу, я вдруг понял, насколько она серьезна. - Геометрии не пересекаются. Разные геометрии основываются на разных теоремах, постулируют разные аксиомы и дают начало разным реальностям.

- Разным реальностям? - переспросил я. - Как это реальности могут быть разными?

- Возможно, не могут, - согласилась Амрита. - Возможно, "реальна" лишь одна.

Возможно, лишь одна геометрия истинна. Но тогда возникает вопрос: что будет со мной - с нами всеми, - если мы выбрали ложную?

По возвращении в гостиницу нас ждала полиция.

- Один джентльмен желает вас видеть, сэр, - сообщил помощник управляющего, подавая мне ключ от номера.

Я повернулся, ожидая увидеть Кришну, но с темно-фиолетового дивана поднялся высокий бородатый человек в тюрбане - очевидно, сикх.

- Мистер Лукзак?

- Лузак. Да, это я.

- Я - инспектор Сингх из Калькуттской государственной полиции.

Он показал мне значок и выцветшую фотографию на удостоверении в пожелтевшем пластике.

- Инспектор?

Я не стал протягивать ему руку.

- Мистер Лузак, мне хотелось бы поговорить с вами в связи с делом, которое расследует наш отдел. Кришна втравил меня в какую-то историю.

- О каком деле идет речь, инспектор?

- Об исчезновении М. Даса. - Ага, - произнес я и подал ключ от номера Амрите. Я не испытывал желания приглашать полицейского к себе. - А с моей женой вы не будете разговаривать, инспектор? Нашей малышке пора кушать.

- Нет. Я займу у вас всего минуту, мистер Лузак. Прошу прощения, что побеспокоил вас в этот вечер.

Амрита понесла Викторину к лифту, а я тем временем осмотрелся. За нами с любопытством наблюдали помощник управляющего и несколько портье.

- Не возражаете, инспектор, если мы пройдем в Лицензионное помещение? - Этим эвфемизмом в индийских отелях называли бар.

- Очень хорошо.

В баре было темнее, но, заказав джин с тоником, в то время как инспектор попросил просто тоника, я смог как следует рассмотреть рослого сикха.

Инспектор Сингх держался с беззастенчивой властью человека, привыкшего повелевать. Его голос носил отпечаток лет, проведенных в Англии, не "оксбриджскую" тягучесть, но отрывистую точность Сэндхерста или какой-нибудь другой военной академии. На нем был хорошо подогнанный светло-коричневый костюм, которому не хватало самой малости, чтобы стать униформой. Тюрбан был цвета красного вина.

Его внешность напомнила мне то небольшое, что я знал о сикхах. Будучи религиозным меньшинством, они составляют наиболее агрессивную и производительную часть индийского общества. Как народ в целом, они лучше разбираются в технике, и, хоть большинство сикхов населяет Пенджаб, их можно увидеть водителями такси и операторами тяжелого оборудования по всей стране. Отец Амриты однажды сказал, что девяносто процентов работающих у него бульдозеристов - сикхи. Кроме того, именно из сикхов состоят верхние эшелоны армии и полиции. Судя по тому, что мне говорила Амрита, лишь сикхи смогли извлечь выгоду из Зеленой Революции и совершить прорыв в своих обширных кооперативных хозяйствах на севере Индии.

Но именно сикхи несли ответственность за многие массовые убийства мусульман, во время волнений, связанных с разделом страны.

- Ваше здоровье, - сказал инспектор Сингх и отхлебнул тоника.

О массивные наручные часы звякнул стальной браслет. Браслет был неизменным символом его веры, как борода и небольшой традиционный кинжал, который он должен носить. В четверг в бомбейском аэропорту охранник спросил у сикха, стоявшего в очереди перед нами: "У вас есть другое оружие, кроме вашего клинка?" Мы все прошли личный досмотр, но сикх прошествовал дальше, лишь буркнув на ходу отрицательный ответ.

- Чем могу помочь, инспектор?

- Вы можете поделиться любой имеющейся у вас информацией о местонахождении поэта М. Даса.

- Дас пропал уже очень давно, инспектор. Удивлен, что это вас до сих пор интересует.

- Дело М. Даса все еще не закрыто, сэр. Расследование в 1969 году пришло к выводу, что он скорее всего стал жертвой какой-то грязной игры. А у вас в стране действует срок давности по отношению к убийствам?

- Нет, кажется, нет, - ответил я. - Но в Штатах необходимо предъявить тело, чтобы завести дело об убийстве.

- Совершенно верно. Поэтому для нас имела бы ценность любая информация, которой вы могли бы поделиться. У М. Даса осталось много влиятельных друзей, мистер Лузак. С тех пор многие из этих людей заняли еще более высокое положение, если принять во внимание, что прошло восемь лет после исчезновения поэта. Для всех нас было бы большим облегчением, если бы удалось закончить это дело.

- Хорошо, - сказал я и поведал ему о своих делах с "Харперс" и о договоренности с Бенгальским Союзом писателей. Прикинув, стоит ли рассказывать о Кришне и Муктанандаджи, я решил, что столь фантастическая история способна вызвать лишь осложнения с полицией.

- Значит, вы не имеете доказательств того, что М. Дас жив, если не считать поэмы, которую вы то ли получите, то ли нет от Союза писателей? - спросил Сингх.

- Да, это и еще письмо, которое мне прочитал Майкл Леонард Чаттерджи на встрече с исполнительным советом.

Сингх кивнул, словно был хорошо осведомлен о переписке, и вновь спросил:

- Так вы собираетесь забрать рукопись завтра?

- Да.

- Где это будет?

- Не знаю. Мне еще не сказали.

- В котором часу?

- И этого мне не сказали.

- Вы встретитесь с Дасом в это время?

- Нет. Во всяком случае, не думаю. Нет, уверен, что не встречу.

- Почему же?

- Понимаете, все мои просьбы о том, чтобы встретиться с великим человеком и воочию убедиться в его существовании, наткнулись на каменную стену.

- Каменную стену?

- Отрицательный ответ. Решительный отказ.

- Ага. И вы не планируете встретиться с ним позже?

- Нет. Я надеялся встретиться. Для моей статьи совсем не помешало бы интервью. Но, по правде говоря, инспектор, я буду просто счастлив получить эту проклятую рукопись, улететь завтра утром из Калькутты вместе с женой и ребенком и предоставить литературоведам решать, действительно ли эту поэму написал М. Дас.

Сингх кивнул, словно счел мой подход вполне разумным. Затем он сделал пометки в своем маленьком блокноте на спирали и допил тоник.

- Благодарю вас, мистер Лузак. Вы оказали нам большую услугу. Еще раз прошу прощения за то, что отнял у вас время в субботний вечер.

- Ничего страшного.

- Ах да, - сказал он. - Чуть не забыл.

- Слушаю вас?

- Завтра, когда вы отправитесь забирать упомянутую рукопись Даса, не будете ли вы возражать, если за вами скрытно последуют офицеры полиции? Это могло бы помочь нам в расследовании.

- Хвост? - поинтересовался я, допивая свой джин. Если откажусь, то могу навлечь на себя неприятности, а полицейские все равно наверняка будут следить за нами. Кроме того, наличие поблизости полиции способно ослабить некоторую тревогу, которую я ощущал по поводу предстоящей встречи.

- Ваши партнеры не узнают, - добавил Сингх. Я кивнул. Плевать я хотел, даже если Чаттерджи, Гупта и весь Союз будут вовлечены в это дело.

- Хорошо, - сказал я. - Это было бы неплохо. Если это поможет вашему расследованию. Лично я не имею ни малейшего представления, жив ли Дас на самом деле. Буду рад помочь.

- Ага, отлично. - Инспектор Сингх поднялся и мы в конце концов обменялись рукопожатием. - Хорошей поездки, мистер Лузак. Желаю вам удачи в ваших трудах.

- Благодарю, инспектор.

Дождь продолжался. Остатки нашего с Амритой желания провести субботний вечер где-нибудь в городе, исчезли при виде грязи, муссонного ливня и вопиющей нищеты, когда мы открыли шторы. Тропические сумерки стали кратковременным переходом от

серого дождливого дня к черной дождливой ночи. На другой стороне залитой водой площади под навесами горели несколько фонарей.

Уставшая Виктория раскапризничалась, и поэтому мы рано уложили ее спать. Затем мы сделали по телефону заказ и примерно час дожидались его доставки. Появление ужина послужило мне уроком никогда не заказывать сэндвичи с холодным ростбифом в стране индусов. Я выпросил у Амриты часть ее отличного китайского ужина.

В девять вечера, когда Амрита принимала душ перед сном, раздался стук в дверь. Из лавки явился мальчик с тканью для сари. Подросток промок до нитки, но материал был надежно упакован в пластиковый пакет. Я дал ему на чай десять рупий, но он настоял, чтобы я разменял на две бумажки по пять. Десятирупиевая банкнота была слегка разорвана, а при повреждении индийские деньги, очевидно, выходят из обращения. Этот обмен испортил мне настроение, а когда появилась Амрита в шелковом халате, ей было достаточно одного взгляда на пакет, чтобы заявить о досадной ошибке. В лавке перепутали ее рулон с тканью Камахьи. Потом мы потратили двадцать минут на поиски нужного номера Бхарати в телефонной книге, но это имя было не менее распространенным, чем "Джоунс" в нью-йоркском телефонном справочнике, и Амрита высказала мысль, что семья Камахьи, возможно, вообще не имеет телефона.

- Черт с ней, с этой тканью, - сказал я.
- Легко тебе говорить. Попробовал бы ты целый час выбирать материал.
- Камахья, наверное, принесет твою покупку.
- Тогда лучше бы завтра, если в понедельник утром мы улетаем.

Мы улеглись рано. Один раз Виктория проснулась, слегка всхлипывая из-за какого-то детского сна, заставлявшего ее испуганно подергивать ручками и ножками, но я поносил ее по комнате, пока она крепко не заснула, довольно пустив мне слюни на плечо. В течение следующих двух часов в комнате становилось то жарче, то холоднее. Стены дребезжали от разнообразных механических шумов. Звуки были таковы, что казалось, все здание набито лифтами, которые поднимаются при помощи цепей и лебедок. Через пару номеров по коридору шумела и хохотала компания арабов, у которых и в мыслях не было перенести свое веселье в комнату и закрыть дверь.

Примерно в половине двенадцатого я поднялся с влажных простыней и подошел к окну. Дождь все барабанил по улице. Не было ни одной машины.

Я открыл свой чемодан. С собой я взял лишь две книги: свою последнюю книжку в твердом переплете и купленное мной в одном лондонском книжном магазине пингвиновское издание поэзии Даса в мягкой обложке. Усевшись на стул возле двери, я включил торшер.

Признаюсь, что сначала открыл собственную книгу. Она раскрылась на заглавной поэме "Зимние настроения". Я попытался читать, но казавшийся раньше очень тонким образ старухи, бродящей по своему дому на ферме в Вермонте и общающейся с мирными привидениями, в то время как снег засыпает поля, совсем не стыковался с жаркой калькуттской ночью и звуками безжалостного муссона, сотрясающего оконные стекла. Я взялся за другую книгу.

Поэзия Даса сразу же увлекла меня. Из коротких вещей в начале самое большое удовольствие я получил от "Семейного пикника" с его юмористическим, но ничуть не снисходительным взглядом на необходимость терпеливо сносить чудачества родных. Лишь беглая ссылка на "...голубые, насыщенные акулами воды Бенгальского залива. Незатмеваемые парусом или дымом далекого парохода" и краткое описание "...храма Махабалипурам, песчаник, истертый морем, возрастом и молитвой, ставший теперь

игрушкой со сглаженными углами, для карабкающихся детских коленок и фотографий дядюшки Нани" определяли местом действия Восточную Индию.

На "Песнь матери Терезы" я смотрел уже другими глазами. Теперь я меньше внимания обращал на академичное влияние Тагора в разработке этой многообещающей темы, и гораздо очевиднее казались мне прямые указания на "...смерть на улице, смерть на обочине, безнадежные одиночества, среди которых она шла, теплый детский плач о помощи, на холодной груди не имеющего молока города". И, тогда я попытался представить, будет ли когда-нибудь признано эталоном сострадания, каковым, как я чувствовал, оно и является, - это эпическое произведение Даса о юной монахини, услышавшей зов во время переезда в другую миссию и отправившейся в Калькутту, чтобы помочь бесчисленным страждущим, хотя бы предоставив им место, где бы они могли упокоиться в мире.

Я повернул книгу, чтобы взглянуть на фотографию М. Даса. Она успокоила меня. Высокий лоб и печальные, чистые глаза напомнили мне фотографии Джавахарлала Неру. В лице Даса были те же аристократическое изящество и достоинство. Лишь очертания рта, полноватых губ с приподнятыми уголками наводили на мысль о чувственности и некотором эгоцентризме, столь необходимых поэту. Я вообразил, что вижу, откуда у Камахи Бхарати такая чувственная красота.

Выключив свет и пристроившись рядом с Амритой, я уже гораздо легче смотрел на грядущий день. А дождь на улице продолжал поливать скученный город.

Глава 10

Калькутта, Владычица Нервов,

Зачем хочешь ты уничтожить меня без остатка?

У меня есть конь и вечное убежище

Я еду в свой город.

Пранабенду Дас Гупта

Воскресным утром на встречу в связи с передачей рукописи собралась пестрая компания. Гупта позвонил без пятнадцати девять. К тому времени мы уже два часа были на ногах. За завтраком в открытом кафе Амрита объявила о своем решении на этот раз поехать со мной, и я не мог ее отговорить. В сущности, эта идея вызвала у меня облегчение.

Разговор по телефону Гупта начал в неподражаемом стиле, присущем всем телефонным разговорам в Индии.

- Алло, - сказал я.

- Алло, алло, алло.

Звук был такой, словно мы использовали для связи две консервные банки и несколько миль бечевки. Сплошной скрежет и пощелкивание.

- Мистер Гупта?

- Алло, алло.

- Как поживаете, мистер Гупта?

- Замечательно. Алло, мистер Лузак? Алло!

- Да, слушаю.

- Алло. Все приготовления..., алло! Мистер Лузак? Вы слышите?

- Да, я слушаю.

- Алло! Все приготовления закончены. Вы будете один, когда мы заедем за вами в ваш отель сегодня в десять тридцать утра.

- Прошу прощения, мистер Гупта. Моя жена поедет со мной. Мы решили, что...

- Что? Что? Алло!

- Я говорю, со мной поедут мои жена и ребенок. Куда мы собираемся?

- Нет-нет. Обо всем уже условились. Вы должны быть один.

- Да-да, - возразил я. - Или моя семья будет сегодня вместе со мной, или я вообще не поеду. Честно говоря, мистер Гупта, я немного устал от всего этого шпионского дерьма. Я преодолел двенадцать тысяч миль для того, чтобы получить литературное произведение, а не красться по Калькутте в одиночку. Где должна состояться встреча?

- Нет-нет. Будет лучше, если вы поедете один, мистер Лузак.

- Почему? Если это опасно, я хочу знать...

- Нет! Конечно, это не опасно.

- Где состоится встреча, мистер Гупта? У меня действительно нет времени для этой чепухи. Уехав с пустыми руками, я все равно напишу какую-то статью, но вы, вероятно, получите весточку от юристов журнала. Это было пустой угрозой, но в результате наступила тишина, прерываемая лишь шуршанием, потрескиванием, глухими щелчками, обычными для здешней связи.

- Алло! Алло, мистер Лузак! Вы слушаете?

- Да.

- Очень хорошо. Мы, конечно, будем весьма рады видеть вашу супругу. Мы встретимся с представителем М. Даса в доме Тагора...

- Дом Тагора?

- Да-да. Это музей, как вы знаете.

- Превосходно! - сказал я. - Я надеялся посетить дом Тагора. Отлично.

- Тогда мы с мистером Чаттерджи будем ждать вас в вашем отеле в десять тридцать.

Алло, мистер Лузак, вы слушаете?

- Да?

- Всего доброго, мистер Лузак.

Гупта и Чаттерджи не появились до одиннадцати, но зато, когда мы спустились в вестибюль, там уже крутился Кришна. На нем были все те же грязная рубашка и мятые брюки. При нашем появлении он выразил величайшую радость - поклонился Амрите, потрепал волосенки Виктории, дважды пожал мне руку. По его словам, он пришел, чтобы сообщить мне, что "наш общий друг Муктанандаджи" воспользовался моим в высшей степени великодушным даром, чтобы вернуться в свою деревню Ангуду.

- По-моему, он говорил, что никогда не вернется домой.

- А-а-а, - произнес Кришна и пожал плечами.

- Что ж, тогда, как мне кажется, и он, и Томас Вулф ошиблись, - сказал я.

Кришна непонимающе смотрел на меня примерно секунду, после чего расхохотался так громко, что Виктория заплакала.

- Вы получили рукопись Даса? - поинтересовался он, когда и его смех, и плач Виктории утихли. Ответила Амрита:

- Нет, мы собираемся получить ее прямо сейчас.

- Ага. - Кришна улыбнулся, и я заметил блеск в его глазах.

Под воздействием безотчетного импульса я спросил:

- Не хотели бы проехаться с нами? Возможно, вам будет интересно узнать, что за рукопись способен произвести на свет труп утопленника.

- Бобби! - сказала Амрита.

Кришна лишь кивнул, но его улыбка стала еще больше, чем когда-либо напоминать акулий оскал.

Гупта и Чаттерджи испытали легкое потрясение при виде нашей многочисленной делегации. У меня не было желания говорить им, что за нами следует еще и неизвестное количество калькуттских шпииков.

- Мистер Гупта, - сказал я, - моя жена, Амрита. Последовал обмен любезностями на хинди.

- Джентльмены, это наш..., гид, мистер М. Т. Кришна. Он также будет нас сопровождать.

Джентльмены сухо кивнули, но Кришна просиял.

- Мы уже знакомы! Мистер Чаттерджи, вы меня не помните?

Майкл Леонард Чаттерджи нахмурился и поправил очки.

- А, не помните. А вы, мистер Гупта? Ну хорошо, это было несколько лет тому назад, когда я вернулся из прекрасной страны мистера Лузака. Я тогда подавал заявление о вступлении в Союз писателей.

- Ах да, - сказал Чаттерджи, хотя явно ничего не вспомнил.

- Да-да, - улыбнулся Кришна. - Мне тогда сказали, что моей прозе недостает зрелости, стиля и строгости". Стоит ли говорить, что я не удостоился приема в Союз.

Все почувствовали себя в высшей степени неловко, кроме Кришны. И меня. Я начинал получать от этого удовольствие. Я уже радовался тому, что взял с собой Кришну.

Мы поехали от отеля в восточном направлении на небольшом, битком набитом "премьере". На переднее сиденье втиснулись Гупта, Чаттерджи и водитель Чаттерджи в униформе. Насколько я мог судить, одну руку водитель высунул из окна, другой все время поправлял фуражку, а рулил коленями. Результат не отличался от обычного.

Я сидел сзади, зажатый между Кришной и Амритой, державшей на коленях Викторину. Все мы обильно потели, но Кришна, по-моему, начал раньше, чем остальные. Стояла невероятная жара. После того как мы покинули отель с кондиционером, у фотоаппарата Амриты и на очках Чаттерджи успели запотеть стекла. Было не меньше ста десяти градусов, и моя рубашка почти сразу же прилипла к спине. На захлавленной площади напротив отеля сидели на корточках, задрав колени выше подбородка, сорок или пятьдесят мужчин. Перед ними на мостовой были разложены мастерки, доски для замеса извести, отвесы. Картина напоминала очередь безработных. Я спросил у Кришны, что они здесь делают, но он только пожал плечами и изрек: "Воскресное утро". Такое высказывание, достойное дельфийского оракула, судя по всему, удовлетворило всех, так что я промолчал.

Проехав по Чоурингхи, мы свернули направо перед Радж Бхаван - старым Домом правительства - и дальше проследовали по улице Дхарамтала. Влетающий в открытые окна воздух не приносил прохлады, а царапал кожу, как горячая наждачная бумага. Спутанные волосы Кришны шевелились, точно змеиное гнездо. Возле каждого знака "Стоп" или регулировщика водитель глушил двигатель, и мы сидели в потной тишине, пока машина не трогалась снова.

Мы проехали в восточном направлении на Верхнюю кольцевую трассу, а потом свернули на улицу Раджа Динендра, извилистую дорогу, которая шла параллельно каналу. От стоялой воды несло нечистотами. Голые дети плескались на коричневых отмелях.

- Смотрите туда, - приказал Чаттерджи, показывая направо, где стоял невероятно красивый храм. - Храм Джаин. Очень интересный.

- Священники Джаин ни у кого не отнимают жизнь, - сказала Амрита. - Когда они выходят из храма, то заставляют слуг подметать перед ними дорожку, чтобы не наступить по неосторожности на какое-нибудь насекомое.

- Они носят хирургические маски, - сказал Чаттерджи, - чтобы не проглотить нечаянно какое-нибудь живое существо.

- Они не моются, - добавил Кришна, - из уважения к бактериям, живущим у них на теле.

Я кивнул, подумав про себя, что Кришна, должно быть, особо чтит этот пункт из устава Джаинов. В окружении обычных уличных запахов Калькутты, вони нечистот и Кришны я начинал понемногу шалеть.

- Их религия запрещает им есть все, что является живым или некогда было живым, - радостно сообщил Кришна.

- Минуточку, - не выдержал я. - Тогда им вообще ничего нельзя. Чем же они тогда питаются?

- Ага. - Кришна улыбнулся. - Хороший вопрос! Мы ехали все дальше.

Дом Рабиндраната Тагора находился в Читпуре. Оставив машину в узком переулке, мы вошли через калитку в еще более узкий дворик и перед входом в двухэтажное здание разулись в небольшой прихожей.

- Из уважения к памяти Тагора к этому дому относятся как к храму, - торжественно объявил Гупта.

Кришна скинул сандалии.

- У нас в стране каждый общественный памятник рано или поздно становится храмом, - засмеялся он. - В Варанаси правительство построило здание с рельефной картой Индии внутри, чтобы просвещать невежественных крестьян в области национальной географии. Теперь это священный храм. Я видел, как люди там молятся. Есть даже свой праздник. У рельефной карты.

- Потихе, - сказал Чаттерджи, Он повел нас по темной лестнице. В комнатах Тагора почти отсутствовала мебель, но стены были увешаны фотографиями и заставлены витринами, в которых выставлялось все - от подлинных рукописей, которые должны были стоять целое состояние, до жестянок с любимым нюхательным табаком Мастера.

- Мы, кажется, одни, - заметила Амрита.

- О да, - подтвердил Гупта, еще больше напомилавший грызуна, когда улыбался. - Музей обычно закрыт по воскресеньям. Нам предоставлена честь побывать здесь, лишь благодаря особым договоренностям.

- Великолепно, - бросил я в пространство. Вдруг из динамиков на стене послышались записи высокого и писклявого голоса Тагора, читающего отрывки из своих стихотворений и напевающего некоторые из баллад. - Чудесно.

- Скоро должен появиться представитель М. Даса, - сказал Чаттерджи.

- Спешить некуда, - заметил я. На стене висели большие полотна с написанными маслом картинами Тагора. Его стиль напомнил мне Н. С. Уайета - иллюстраторский вариант импрессионизма.

- Он получил Нобелевскую премию, - сказал Чаттерджи.

- Да.

- Он сочинил наш национальный гимн, - сообщил Гупта.

- Верно. Я просто забыл, - сказал я.

- Он написал много великих пьес, - поведал Гупта.
 - Он основал большой университет, - добавил Чаттерджи.
 - Он умер вон там, - сказал Кришна. Мы все остановились и проследили за направлением пальца Кришны. В углу было пусто, не считая нескольких сгустков пыли.
 - Это было в 1941 году, - продолжал Кришна. - Старик умирал, угасая как часы, в которых кончился завод. Здесь собрались несколько его учеников. Потом еще. И еще. Вскоре все комнаты заполнились людьми. Некоторые из них никогда даже не видели поэта. Проходили дни. Старик умирал медленно. В конце концов началась вечеринка. Кто-то съездил в американский военный штаб., в городе уже были солдаты., и вернулся с кинопроектором и фильмами. Они смотрели Лорела и Харди, мультфильмы с Микки-Маусом. Старик лежал без сознания, всеми забытый в этом углу. Время от времени он выплывал из своего смертного сна, как выплывает на поверхность рыба. Представьте его замешательство! Он смотрел мимо спин своих друзей и голов незнакомцев и видел мелькающие изображения на стене.

- А здесь ручка, которой пользовался Тагор при написании своих знаменитых пьес, - громко сказал Чаттерджи, пытаясь отвлечь нас от Кришны.

- Он написал об этом поэму, - продолжал Кришна. - О том, как умирал под Лорела и Харди. Этими остатками днями он и датировал свои стихотворения, зная, что каждое из них может стать последним. Потом, во время коротких выходов из комы, он стал подписывать и час. Исчез его сентиментальный оптимизм. Ушло его мягкое *bonhomie*, которым отмечены столь многие из его популярных произведений. Поскольку, как вы сами понимаете, теперь, между стихами, он видел перед собой темный лик смерти. Он был напуганным стариком. Но эти стихи., ах, мистер Лузак., эти последние стихи прекрасны. И болезненны. Как его смерть. Тагор всматривался в изображения на стене и задавался вопросами: "Неужели мы все - лишь иллюзии? Недолговечные тени, брошенные на стену ради досужего развлечения скучающих богов? И это все?" А потом он умер. Прямо там. В углу.

- Пойдемте дальше, - бросил Гупта. - Там гораздо больше интересного.

Там и впрямь было на что посмотреть. Фотографии друзей и современников Тагора, в том числе портреты с автографами Эйнштейна, Дж. Б. Шоу и очень молодого Уилла Дюрана.

- Мастер оказал сильное влияние на мистера У. Б. Йетса, - сказал Чаттерджи. - Знаете ли вы, что "грубое животное" из "Второго пришествия" - лев с человеческой головой - был списан с присланного Тагором Йетсу описания пятого воплощения Вишну?

- Нет, - ответил я. - По-моему, я этого не знал.

- Да, - подал голос Кришна. Он провел рукой по пыльной витрине и улыбнулся Чаттерджи. - А когда Тагор прислал Йетсу сборник своей бенгальской поэзии, знаете, что произошло?

Кришна не обращал внимания на нахмурившихся Гупту и Чаттерджи. Он присел на корточки и помахал невидимым оружием, сжимаемым обеими руками.

- А вот что. Йетс метнулся через гостиную своей лондонской квартиры, схватил подаренный ему когда-то самурайский меч и рубанул книгу Тагора, вот так... Йе-е-е!

- Неужели? - спросила Амрита.

- Да, именно так, миссис Лузак. А потом Йетс закричал: "Будь проклят Тагор! Он поет о мире и любви, когда кровь есть ответ!"

Магнитофонная запись музыки Тагора внезапно остановилась. Мы все повернулись к вошедшему в комнату мальчику лет восьми. В руках у него была небольшая холщовая

сумка, слишком маленькая и неровная, чтобы вместить рукопись. Прежде чем подойти ко мне, он обвел взглядом все лица.

- Вы мистер Лузак? - Слова звучали заученно, словно мальчик не говорил по-английски.

- Да.

- Следуйте за мной. Я доставлю вас к М. Дасу.

Во дворе ждал рикша. Места рядом с мальчиком хватило для меня, Амриты и Виктории. Гупта и Чаттерджи поспешили сесть в машину, чтобы последовать за нами. У Кришны был такой вид, словно он потерял ко всему интерес, и он остался у двери.

- Вы не едете? - окликнул я его.

- Сейчас нет, - ответил Кришна. - Увидимся позже.

- Мы улетаем утром, - крикнула Амрита. Кришна пожал плечами. Мальчик сказал что-то рикше, и мы выехали на улицу. "Премьер" Чаттерджи держался за нами. За полквартила позади нас от обочины отъехал еще и небольшой серый седан, а за ним с грохотом тащилась запряженная быками повозка, на которой сидело с полдюжины людей в лохмотьях. Я позабавил себя, представив, что погонщик быков и есть полицейский, приставленный следить за нами. Мальчик выкрикнул фразу по-бенгальски, а рикша проорал что-то в ответ и ускорил шаг.

- Что он сказал? - спросил я у Амриты. - Куда мы едем?

- Мальчик сказал: "Поторопись", - с улыбкой ответила Амрита. - Рикша ответил, что эти американцы - тяжелые свиньи.

- Гм-м.

Мост Хоура мы переезжали в гуще бурлящего движения, по сравнению с которым меркли все пробки, что я видел прежде. Пешеходов было не меньше, чем колесного транспорта, и вся эта масса до отказа заполняла оба уровня моста. Затейливая головоломка серых решеток и стальной сетки тянулась более четверти мили над грязной ширью реки Хугли. Мост представлял собой разновидность детского конструктора, и я взял у Амриты камеру, чтобы сфотографировать его.

- Зачем ты это делаешь?

- Обещал твоему отцу.

Мальчик замахал на меня обеими руками и произнес что-то настойчиво и сердито.

- Что он говорит? Амрита сдвинула брови.

- Не уверена, хорошо ли понимаю его диалект, но это, кажется, насчет того, что фотографировать мост противозаконно.

- Скажи ему, что все в порядке. Она заговорила на хинди, а мальчик нахмурился и ответил на бенгали.

- Он говорит, что не в порядке, - перевела Амрита. - Он говорит, пусть для нас, американцев, шпионят наши спутники.

- О Господи.

Рикша остановился перед бесконечным кирпичным зданием - железнодорожным вокзалом Хоура. В стекающей с моста мешанине не было ни малейших признаков "премьера" Чаттерджи или серого седана.

- Что теперь? - спросил я.

Повернувшись, мальчик подал мне холщовый мешок. Я распустил завязку и заглянул внутрь.

- Боже милостивый, - произнесла Амрита. - Это монеты.

- Не просто монеты, - уточнил я, вынимая одну. - Это полудоллары времен Кеннеди.

Здесь их штук пятьдесят - шестьдесят.

Мальчик показал на вход в здание и затараторил.

- Он говорит, что ты должен войти и отдать их, - перевела Амрита.

- Отдать? Кому?

- Он говорит, кому-то, кто попросит их у тебя. Мальчик кивнул, словно удовлетворившись, сунул руку в мешок, достал оттуда четыре монеты и, выскочив из коляски, скрылся в толпе.

Виктория потянулась к монетам. Я туго затянул завязку и посмотрел на Амриту.

- Ну что, - сказал я. - Теперь, я думаю, все зависит от нас.

- После вас, сэр.

В детстве самым большим зданием, что я только мог себе представить, был крытый рынок в Чикаго. Потом, в конце шестидесятых, я получил возможность побывать в ракетосборочном цехе Центра космических исследований имени Кеннеди. Приятель, который меня туда водил, сказал, что иногда внутри здания появляются облака.

Вокзал Хоура производил куда большее впечатление. Это было сооружение исполинских масштабов. Одновременно можно было видеть десяток железнодорожных путей; пять паровозов стояли неподвижно, несколько - выпускали пар; множество разносчиков торговали с тележек чем-то непонятным, от чего исходили клубы едкого дыма; тысячи потных, толкающих друг друга людей; еще больше - сидящих на корточках, спящих, готовящих еду, живущих здесь; и над всем - какофония звуков, настолько оглушительных, что не слышно было собственного крика, не говоря уж о мыслях. Таким предстал перед нами вокзал Хоура.

- Матерь Божья, - только и вымолвил я. В нескольких футах от моей головы из решетки высовывался самолетный пропеллер и медленно месил густой воздух. Рокот десятков таких же вентиляторов вливался в океан шума.

- Что? - закричала в ответ Амрита. Виктория сильнее прижалась к материнской груди.

- Ничего!

Мы пошли наугад, протискиваясь сквозь толпу, двигаясь в неизвестном направлении. Амрита вцепилась в мой рукав, а я наклонился к ней, чтобы она смогла говорить прямо мне на ухо.

- Не подождать ли нам мистера Чаттерджи и мистера Гупту?

Я покачал головой.

- Пусть они получают свои полудоллары.

- Что?

- Да так.

К нам приблизилась низкорослая женщина. У нее на спине висело нечто, что вполне могло бы быть ее мужем. Позвоночник у него был беспощадно скручен, одно плечо росло из середины горбатой спины, а ноги представляли собой бескостные щупальца, исчезающие в складках сари женщины. Черная, костлявая, почти бесплотная рука с открытой ладонью преградила нам путь.

- Баба, Баба.

После некоторых колебаний я залез в мешок и подал ему монету. Его жена широко раскрыла глаза и протянула к нам обе руки.

- Баба!

- Отдать ему все, что ли? - закричал я Амрите, но не успела она ответить, как к моему лицу потянулись десяток рук.

- Баба! Баба!

Я попытался отступить, но в спину мне уткнулось еще больше протянутых в мольбе ладоней. Я принялся торопливо раздавать монеты. Руки хватали серебро, исчезали в лохмотьях, а потом тянулись снова. Краем глаза я увидел метрах в трех поодаль Амриту с Викторией и порадовался, что они не рядом.

Толпа росла как по волшебству. Только что здесь было десять или пятнадцать вопящих и тянущих руки людей, а через несколько секунд толпа выросла до тридцати, потом до пятидесяти человек. Мне представилось, что это Хэллоуин, а я раздаю сладости ватаге детишек, но эта безобидная иллюзия исчезла, как только из толпы вынырнула изъеденная проказой рука и по моему лицу скользнули шершавые пальцы.

- Эй! - закричал я, но этот слабый звук утонул в шуме толпы. Не меньше сотни людей проталкивались к середине сжимающегося круга со мной в эпицентре.

Давление было ужасающим. Чья-то слепая рука случайно распахнула мою рубашку, оставив у меня на груди параллельные полосы. Чей-то локоть ударил меня сбоку по голове, да так, что я наверняка бы упал, если бы не сдавливавшие меня со всех сторон тела.

- Баба! Баба! Баба!

Толпа сдвигалась к краю платформы. До стальных рельсов внизу было метра два. Женщина с калекой на спине завопила, когда его оторвало от нее и швырнуло в напирющую кучу людей. Мужчина рядом со мной закричал и стал бить другого по лицу.

- К черту все это, - проговорил я и подбросил мешок с монетами. Холщовая сумка лениво перевернулась в воздухе и изрыгнула монеты над толпой и вопящим разносчиком риса. Вопли перешли в визг, и возбужденная толпа отхлынула от края платформы, но перед этим я услышал, как кто-то или что-то тяжелое упало на рельсы. В нескольких сантиметрах от моего лица орала какая-то женщина, брызгая на меня слюной. Получив увесистый удар в спину, я полетел вперед, ухватился за чье-то сари и приземлился на колени.

Толпа все плотнее сжималась вокруг меня, и на какое-то мгновение я запаниковал и прикрыл голову руками. Ноги в грязных штанинах, острые колени ударили меня по лицу. Кто-то упал на меня, и на краткий миг мне на спину навалился груз всей толпы, прижимая меня лицом к полу, расплющивая меня. Сквозь звериный рев толпы до меня доносились отдаленные крики Амриты. Только я раскрыл рот, чтобы заорать самому, как грязная голая нога ударила меня по лицу.

Кто-то наступил мне на икру, и ногу пронзила жгучая боль.

На некоторое время я очутился в темноте среди мечущихся фигур, но уже через секунду увидел над головой свет, льющийся через разбитую стеклянную крышу, и склонившуюся надо мной Амриту. На левой руке она держала Викторию, а правой распихивала последних толкающихся нищих. Потом толпа пропала, и Амрита помогла мне сесть на грязной платформе. Все происшедшее напоминало появившуюся ниоткуда приливную волну, которая отдала свою буйную энергию и откатилась обратно, в бурное море людской толпы и заводи струдившихся семейств. Неподалеку скрючился старик над большим котелком с кипящей водой, чудом не расплескавшейся во всеобщей сумятице.

- Прости, прости, - заладил я, как только сумел перевести дух.

Теперь, когда опасность уже миновала, Амрита начала всхлипывать и смеяться, обнимая меня и помогая подняться на ноги. Мы посмотрели, нет ли у Виктории ушибов или царапин, и именно в этот момент девочка расплакалась так громко, что нам обоим пришлось ее утешивать ласками и поцелуями.

- Прости, - снова сказал я. - Так глупо все получилось.

- Смотри, - произнесла Амрита.

У моих ног лежал плоский коричневый портфель. Я поднял его, и мы принялись прокладывать себе путь в густой толпе гомонящих рикш. Обнаружив сравнительно свободное пространство возле улицы, мы прислонились к кирпичному столбу, в то время как нас обтекал поток людей. Я еще раз осмотрел Викторину. Она осталась невредимой и лишь помаргивала от более яркого света, явно прикидывая, не заплакать ли опять. Амрита схватила меня за руку.

- Давай посмотрим, что в портфеле, и уйдем отсюда.

- Потом открою.

- Открой сейчас, Бобби, - настаивала она. - Довольно глупо, если окажется, что ты прошел через все это только ради того, чтобы умыкнуть завтрак какого-то бизнесмена.

Я кивнул и открыл застёжки. Там был не завтрак. Там лежала рукопись из нескольких сотен страниц. Некоторые из них были отпечатаны на машинке, другие написаны от руки на листах бумаги, не меньше десятка разных размеров и цветов. Я просмотрел достаточное количество страниц, чтобы удостовериться, что это поэзия и написана рукопись по-английски.

- Ладно, - сказал я. - Пойдем отсюда. Я закрыл портфель, и мы уже собрались ловить такси, как вдруг перед нами со скрежетом затормозил "премьер", из которого выскочили возбужденно галдящие Чаттерджи и Гупта.

- Всем привет, - устало сказал я. - Почему вы задержались?

Глава 11

Я думаю своими телом и душой

О женщинах Калькутты...

Ананда Багчи

Образина в зеркале предстала жуткая. Волосы всклокочены, рубашка разодрана, белые штаны испачканы, а на груди царапины от ногтей. Скорчив себе рожу, я сбросил рваную рубашку на пол. Я скривился еще раз, когда Амрита приложила к моим ранам тампон, смоченный перекисью.

- Ты не очень-то обрадовал мистера Чаттерджи и мистера Гупту, - сказала она.

- Не моя вина, что там не оказалось варианта рукописи на бенгали.

- Им хотелось бы иметь больше времени на изучение английской версии, Бобби.

- Ладно. Тогда они могут прочитать отрывки в "Харперс" или дождаться весеннего номера "Других голосов". И то, если эксперты Морроу решат, что это написано Дасом. Я что-то сомневаюсь.

- А ты не будешь читать ее сегодня?

- Нет. Просмотрю завтра в самолете, а подробнее изучу уже дома.

Кивнув, Амрита закончила протирать царапины у меня на груди.

- Пусть доктор Хейнц посмотрит, когда приедем-. - Ладно.

Мы перешли в другую комнату и присели на кровать. Электричество отключили, кондиционер не работал, и в номере было как в парилке. Открыв окна, мы лишь впустили уличный шум и вонь. Виктория сидела на полу на своем одеяле. На ней были только

подгузники и резиновые трусики; она боролась с большим мячом с бубенчиками внутри. Мяч оказался сверху и, судя по всему, побеждал в схватке.

Я сам удивился тому, что не стал сразу же читать рукопись. Я никогда не подавлял свое любопытство и не откладывал на потом любые удовольствия. Но я чувствовал себя уставшим и подавленным и испытывал совершенно необъяснимое отвращение при одной мысли о том, чтобы хотя бы просмотреть рукопись до тех пор, пока мы все трое не выберемся в целостности и сохранности из этой страны.

Так где же была полиция? Серого седана я больше не видел, и теперь сомневался, ехал ли он за нами вообще. Что поделаешь, кажется, в Калькутте ничто не работает как надо. А чем полиция лучше всего прочего?

- Ну, чем мы сегодня займемся? - спросила Амрита.

Развалившись на кровати, я взял туристический путеводитель.

- Так, можем осмотреть впечатляющий Форт-Вильям или обозреть импозантную мечеть Находа - которая, между прочим, сделана по образцу гробницы Акбара, кем бы этот самый Акбар ни был, - или снова перейти реку, чтобы прогуляться по ботаническому саду.

- До чего жарко, - сказала Амрита.

Она переделалась в шорты и в футболку с надписью "МЕСТО ЖЕНЩИНЫ ДОМА - И В СЕНАТЕ". Интересно, что подумал бы Чаттерджи, если бы увидел ее в таком наряде.

- Можно сходить в Музей Виктории.

- Спорить готова, что у них там нет даже вентиляторов, - сказала она. - Где бы найти прохладное место?

- Может, бар?

- Сегодня воскресенье.

- Ну да. Я как раз хотел спросить. Почему в стране индусов все закрывается по...

- Парк! - сказала Амрита. - Можно пройти по Майдану возле ипподрома, что мы видели из такси. Там должен быть ветерок.

Я вздохнул.

- Давай попробуем. Там наверняка гораздо прохладнее, чем здесь.

Прохладнее там не было. Небольшие кучки попрошайек - тягостное напоминание о совершенной утром глупости - приставали к нам повсюду. Даже частые и кратковременные ливни не могли остудить их пыл. Хотя я уже давно освободил свои карманы от мелочи, их настойчивые вопли становились все громче. Мы заплатили две рупии, чтобы нырнуть в находившийся в парке зоосад. В клетках было совсем немного животных, с несчастным видом отмахивавшихся хвостами от туч насекомых. Языки у них висели от жары. Вонь зверинца смешивалась со сладковатым, тяжелым запахом от протекавшего мимо парка притока реки. Мы показали Виктории усталого тигра и несколько угрюмых обезьян, но девочке хотелось лишь поуютнее прижаться к моей влажной рубашке и поспать. Когда снова разразился дождь, мы спрятались в небольшой беседке, в которой, кроме нас, оказался еще и мальчик лет шести-семи, присматривавший за младенцем, лежавшим на треснувшем камне. Время от времени мальчик помахивал рукой, чтобы отогнать вьющихся над лицом ребенка мух. Амрита попробовала заговорить с мальчуганом, но он так и сидел молча на корточках, глядя на нее большими карими глазами. Она сунула ему в руку несколько рупий и шариковую ручку, и мы ушли.

Электричество в гостинице включили, но кондиционер так и не смог сколь-нибудь заметно охладить комнату. Амрита первой пошла в душ, а я только-только стащил пропотевшую рубашку, как раздался громкий стук в дверь.

- А, мистер Лузак! Намасти.

- Намасти, мистер Кришна. - Я остался стоять в дверях, загораживая вход.

- Передача рукописи закончилась успешно?

- Да, спасибо.

Тяжелые брови поднялись.

- Но вы еще не читали поэму мистера Даса?

- Нет, еще не читал. - Я ждал, что он попытается выклянчить у меня на время рукопись.

- Да-да. Не буду вам мешать. Я хочу передать вам это в связи с предстоящей встречей с мистером М. Дасом.

С этими словами Кришна подал мне мятый бумажный пакет.

- Я не планирую встречаться с...

- Да-да. - Кришна выразительно пожал плечами. - Но кто знает? До свидания, мистер Лузак.

Я пожал протянутую руку Кришны. Не успел я заглянуть в пакет, как он уже пошел по коридору в сторону лифта, посвистывая по дороге.

- Кто это был? - спросила Амрита из ванной. Я присел на кровать.

- Кришна, - ответил я, открывая пакет. Там был какой-то предмет, не очень туго завернутый в тряпки.

- Чего он хотел?

Я смотрел на то, что держал в руках. Автоматический пистолет: металлический, хромированный, небольшой. Он был маленьким и легким, как те пистонные пистолеты, с которыми я играл в детстве. Но отверстие ствола выглядело вполне настоящим, а когда я разобрался, как вытаскивается обойма, патроны тоже оказались никак не игрушечными. На рукоятке было выбито мелкими буквами: "GUISSEPPE. 25 CALIBRE".

- Чтоб те пусто было, - тихо пробормотал я.

- Я спрашиваю, чего он хотел? - крикнула Амрита.

- Ничего, - рявкнул я в ответ и оглянулся. Четыре шага - и я возле стенного шкафа. - Просто попрощался.

- Что ты сейчас сказал?

- Ничего.

Я по отдельности засунул в сумку пистолет и обойму, туго замотал их тряпками и запихнул сумку как можно глубже на широкую полку над плечиками.

- Ты что-то бормотал, - сказала Амрита, выходя из ванной.

- Просто хотел тебя поторопить, - сказал я и, достав из шкафа зеленую трикотажную рубашку и коричневые штаны, закрыл дверцы.

Мы заказали такси в аэропорт на 4:45 утра и легли пораньше. Я несколько часов не мог заснуть, разглядывая очертания мебели, медленно материализующейся перед моими глазами, привыкшими к темноте.

Сказать, что я был недоволен собой, прозвучало бы слишком мягко. Я лежал сырой калькуттской ночью, прокручивал в памяти свои действия за время пребывания в этом городе и приходил к выводу, что каждый мой поступок объяснялся нерешительностью или отсутствием конкретной цели, а то и всем сразу. Половину времени я вел себя как

безмозглый турист, а остальное время со мной как с туристом обращались местные жители. Что я смогу написать? Как я дал запугать себя городу без всяких основательных причин? Страх..., безымянный, тупой страх..., управлял моими поступками куда настойчивее, чем любая логика.

Кришна. Ненормальный сукин сын. Для чего пистолетом пытался убедить себя, что этот подарок был просто еще одним бессмысленным, мелодраматическим жестом Кришны, но вдруг это - составная часть какого-нибудь изощренного надувательства? Что, если он заключил сделку с полицией и сообщил, что американец незаконно носит оружие? Я сел в кровати. Кожа у меня покрылась липким потом. Нет. Какая в этом для Кришны выгода? Разве пистолеты в Калькутте запрещены? Насколько я знал, Калькутта была центром Национальной стрелковой ассоциации.

Около полуночи я встал и включил небольшую настольную лампу. Виктория спала кверху попой под тонкой простыней. В тишине негромко щелкнули застёжки портфеля.

Пожелтевшие, истрепанные страницы были беспорядочно разбросаны внутри портфеля, но зато пронумерованы жирно выписанными чернильной ручкой цифрами, и мне потребовалось всего несколько минут, чтобы разложить их по порядку. Здесь было около пятисот страниц, что составляло довольно увесистую стопку поэзии. Я грустно усмехнулся, представив редактора любого американского журнала, перед которым вывалили пятьсот страниц стихов.

Я не нашел ни титульного листа, ни названия, ни сопроводительного письма, ни имени автора на страницах. Если бы я не знал, что эта объемистая работа предположительно написана М. Дасом, то из рукописи об этом никак невозможно было догадаться.

Первая страница имела вид плохой копии, напечатанной через копирку. Придвинувшись поближе к свету, я начал читать.

*И демон Махишасура
Вышел из своего мерзкого убежища,
Призывая к себе свое огромное войско,
И Деви, Бхавани, Катьяяни;
Парвати в бесчисленных одеждах
Попрощалась с Шивой и отправилась
На последнюю битву со своими недругами.*

В нескольких последующих строфах этого шероховатого стихотворения рисовался ужасный образ демона Махишасуры, могущественного, злобного существа, угрожавшего даже богам. Потом, на третьей странице, размер и "голос" резко изменились. Я перевел примечание, нацарапанное на полях: "Калидаса: Кумарамбхава 400 г. н.э. новый пер."

*Ужасающая стая птиц зла,
Готовая с радостью пожрать воинство демонов,
Взлетела над сонмищем богов
И тучей закрыла солнце.
Внезапно чудовищные змеи, черные как сажа,
Со стекающим от поднятых голов ядом,
Жуткие на вид,
Появились на пути Парвати.
Солнце обрядилось в ужасное одеяние
Из огромных, страшных змей, меж собой переплетенных,
Словно знаменуя его радость
При смерти бога или демона.*

Я зевнул. "Ужасающая стая птиц зла". Да поможет мне Бог, когда я отдам это Чету Морроу. Ничто мне не поможет, если я принесу это Эйбу Бронштейну под видом "новой эпопеи Даса". Я пролистал еще несколько страниц напыщенных стихов. Я не бросил читать сразу лишь по одной причине: из чистого любопытства. Мне стало интересно, каким образом Парвати собирается победить, судя по всему, несокрушимого демона Махисасуру. Строфа за строфой описывала начало битвы богов с демонами. Это напоминало архаичного Гомера в переложении Рода Мак-Кьюэна.

*Осветив небеса от края и до края,
Расточая вокруг бушующее пламя,
С ужасным грохотом, раздирающим сердце страхом,
Молния упала с безоблачного неба.
Войско врагов сбилось в кучу,
Громадные слоны споткнулись, лошади пали,
А все пешие воины прижались друг к другу в страхе,
Когда земля задрожала и океан поднялся,
Сотрясая горы.
И перед богами враждебным сонмом
Псы подняли морды, обращая их к солнцу,
И, разом завыв так, что лопались перепонки,
Поджали хвосты и прочь убежали.*

На этом можно было бы и закруглиться. Но я продолжал читать. У богини Парвати дела, похоже, складывались не лучшим образом. Даже с помощью великого бога Шивы она не могла одолеть могучего Махисасуру. Парвати переродилась в воительницу Дургу, десять рук которой размахивали оружием для битвы. Тысячелетия проходили в сражении, но Махисасура никак не поддавался.

*И перед самым солнечным диском
Пронзительно визжали шакалы,
Словно отчаянно желая лакать кровь
Могущественнейших из богов, павших в битве.*

Боги отступили с поля боя, чтобы обзреть свои возможности. Простые смертные умоляли их не оставлять землю на сомнительную милость Махисасуры. Было принято суровое решение. Боги направили свою волю на темные цели. Из лба Дурги выскочила богиня, в которой было больше демонического, чем святого. Она воплощала мощь, олицетворяла жестокость, неподвластная даже путам времени, державшего в узде прочих богов и простых людей. Она шествовала по небесам, закутанная в мрак темнее ночи, вселяя страх в сердца даже тех божеств, что дали ей жизнь.

Ее вызвали на битву. Она приняла вызов. Но прежде чем выступить против Махисасуры и его неистовых полчищ демонов, она потребовала себе жертву. Страшную жертву. Из каждого города и селения юной земли голодной богине доставили мужчин и женщин, детей и взрослых, девственниц и распутниц. Еле разборчивая пометка Даса на полях: "Бхавабхути Малатимадхава".

*А теперь воскресите ужасы места, осажденного
Толпящимися, зловредными злыми духами; огни
От погребальных костров едва отбрасывают злоеций свет,
Придавленные плотью добычи, чтобы растворить
Ужасный мрак, окружающий их. Бледный дух призраков
С негодными гоблинами, и их нечестивое веселье
Разносится вокруг пронзительными воплями.*

Все славят Век Кали.

Век Кали наступил.

Все славят Век Кали.

Теперь звучит Песнь Кали.

Для одной ночи этого было бы достаточно, но следующая строка заставила меня остаться на месте. Я поморгал и стал читать дальше.

"Куда: В Центральное Инженерное Управление.

От кого: "И. А. Топф и Сыновья, Эрфурт

Предмет: Крематории 2 и 3

Подтверждаем получение вашего заказа

На пять тройных печей,

Включая два электроподъемника

Для трупов

И один запасной подъемник.

Также заказаны

Удобные приспособления для перемешивания угля

И для перевозки пепла.

Мы гарантируем эффективность

Упомянутых печей и топок,

А также их долговечность,

Применение лучших материалов

И наше безупречное мастерство.

В ожидании ваших дальнейших сообщений,

Остаемся к вашим услугам,

"И. А. Топф и Сыновья",

Эрфурт"

А потом сразу, без перехода, стиль перешел на самбхаву пятого века.

Небо изливает долу потоки раскаленного докрасна пепла,

С которым смешаны кровь и человечесьи кости,

Пока пылающие края небес не заполняются дымом

И не наносят мрачный цвет на шею осла.

Слава! Слава! Камунде-Кали, Могучей Богине, слава!

Мы прославляем твои забавы, когда в танце,

Наполняющем двор Шивы восторгом,

Твоя опускающаяся ступня пинает шар земной.

Темнота, что прячет и окутывает тебя, раскачивается

В ритм твоих шагов: мелькающие когти образуют

Полумесяц на твоём челе; из разорванной сферы

Каплями сочится нектар, а каждый череп,

Что украшает твоё ожерелье, смеется отвратительно живо;

Век Кали наступил; теперь можно петь Песнь твою.

Все это было лишь прелюдией к раскрывающейся, подобно некоему темному цветку, поэме. Могучий поэтический голос Даса прорезался лишь иногда, лишь для того, чтобы уйти в тень и уступить место классическим Ведам, новостям из газетных архивов или репортерским банальностям. Но песнь оставалась прежней.

В незапамятные времена боги сговорились обуздать созданную ими темную силу. Ее окружили, усмирили и заключили в пантеон, но не смогли искоренить ее основу. Она одна - именно она одна - набирала силы, в то время как прочие божества постепенно угасали в

памяти смертных, поскольку она одна воплощала в себе темную изнанку по большей части милосердной вселенной - вселенной, реальность которой выковывалась тысячелетиями в сознании и богов, и людей.

Но она не была продуктом сознания. Она явилась средоточием и остатком всех первобытных позывов и поступков, которые надеялись оставить позади десять тысячелетий сознательных устремлений.

Поэма разворачивалась среди бесчисленного множества рассказов, эпизодов, народных сказок. Все они обладали неизъяснимым вкусом правды. Каждая история выявляла прореху в заглушающей чувства ткани реальности, прореху, сквозь которую слабо слышалась Песнь Кали. Люди, места, точки во времени становились каналами, дырами, через которые изливалась могучая энергия.

В наше столетие Песнь Кали стала хором. Дым от жертвоприношения поднялся к закрытой облаками обители Кали, и богиня пробудилась, чтобы услышать свою песнь.

Страница за страницей. Временами попадались строки настолько неразборчивые, словно их печатали, ударяя по клавишам кулаками. В иных местах невозможно было расшифровать целые страницы, небрежно исписанные по-английски. Куски на санскрите и бенгали перемежались удобопонятными фрагментами, карабкались вверх по полям. Но случайные образы сохранялись.

Шлюха на Саддер-стрит убила своего любовника и алчно сожрала его тело во имя любви.

Наступил Век Кали.

Вопли вырываются из мертвых утроб миллионов, погубленных в наше время; хор негодования доносится из массовых могил, удобивших наше столетие

Сейчас звучит Песнь Кали.

Силуэты играющих детей навечно остались на разрушенной стене, когда бомба мгновенно дочерна опалила бетон.

Наступил Век Кали.

Отец терпеливо дожидался возвращения из школы последней из четырех дочерей. Он мягко приставил револьвер к ее виску, дважды выстрелил и уложил ее теплое тело рядом с матерью и сестрами. Полиция обнаружила его тихо напевающим нежную колыбельную неподвижным фигурам

Сейчас звучит Песнь Кали.

Я отложил чтение, когда осталось не больше сотни страниц. Глаза у меня закрывались сами собой, и я дважды засыпал, уронив голову на грудь. Кое-как засунув рукопись в портфель, я посмотрел на свои часы на тумбочке.

Без пятнадцати четыре. Через несколько минут зазвонит будильник, и мы будем собираться в аэропорт. Полет, с учетом пересадки в Лондоне, займет двадцать восемь часов.

Я застонал от изнеможения и заполз в кровать рядом с Амритой. Впервые комната казалась приятно прохладной. Натянув простыню, я закрыл глаза всего на несколько минут. Несколько минут вздремнуть, прежде чем зазвонит будильник, а потом будем одеваться.

Всего несколько минут.

Я где-то проснулся. Кто-то принес меня сюда. Здесь темно, но я и так знаю, где я. Это Храм Кали.

Богиня стоит передо мной. Ее нога поднимается над пустым пространством. Все ее четыре руки пусты. Я не вижу ее лица, потому что лежу на полу сбоку от статуи.

Я не испытываю страха.

Я замечаю, что на мне нет одежды. Не имеет значения. Я лежу на тростниковой циновке, которая холодит мне кожу. Несколько свечей освещают статую. В воздухе пахнет мускусом и ладаном. Где-то негромко поют высокие мужские голоса. Возможно, это лишь звук бегущей воды. Не важно.

Идол двигается.

Кали поворачивает голову и смотрит на меня.

Я не чувствую ничего, кроме изумления. Я восхищаюсь ее красотой. У нее овальное, совершенной формы, румяное лицо. Губы у нее полные и влажные. Она улыбается мне.

Я поднимаюсь. Босыми подошвами я ощущаю плетение циновки. От сквозняка по моему обнаженному животу прокатывается дрожь.

Кали шевелится. Двигаются пальцы. Руки у нее сгибаются, удерживая равновесие. Ее ступня опускается на пьедестал, и она легко становится на обе ноги. Ее светящиеся глаза неотрывно смотрят в мои глаза.

Я прикрываю веки, но видение не исчезает. Я вижу слабое свечение, исходящее от ее тела. У нее высокие, полные, тяжелые, соблазнительные груди. Крупные соски выступают над нежными кружочками. Ее высокая, невероятно узкая талия переходит в полные бедра, как бы созданные для того, чтобы принять на себя напор жаждущего мужчины. Нижняя часть ее живота представляет собой рельефный полумесяц, оттеняющий темную промежность внизу. Бедра не трутся друг о друга, но чувственно закругляются внутрь на месте стыка. У нее небольшие ступни с высоким подъемом. На лодыжках - браслеты, позвякивающие при каждом ее движении. Ее ноги раздвигаются, и я вижу складки в треугольнике тени; нежная, с загнутыми внутрь краями расщелина.

Мой член шевелится, твердеет, встает торчком навстречу ночному воздуху. Мошонка у меня сжимается, по мере того, как я ощущаю растекающуюся по мне энергию, берущую там начало.

Кали легко сходит с пьедестала. Ее ожерелье тихо побрякивает, браслеты на щиколотках издают слабый звон, а босые пятки негромко шуршат по каменному полу.

Она в пяти шагах от меня. Движения ее рук напоминают колыхание тростника при неощутимом ветерке. Все ее тело покачивается под пульсирующий ритм плеска речной воды, левое колено поднимается, поднимается, пока не касается локтя ее поднятой руки. От ее благовонного тела исходит обволакивающий меня аромат женщины.

Я хочу подойти к ней, но не могу пошевелиться. Бешено колотящееся сердце наполняет мою грудь барабанным ритмом пения. Бедра у меня начинают двигаться сами по себе, непроизвольно совершая толчки вперед. Все мое сознание сосредоточено в основании пульсирующего члена.

Кали делает левой ногой круговое движение и опускает ее.

Она шагает в мою сторону. Браслеты позвякивают.

Уннала-набхи-памке-руха, поет река, и я отлично ее понимаю.

Четыре руки колышутся в безмолвном танце. Пальцы сгибаются, соприкасаются кончиками, грациозно движутся сквозь сладкий воздух в мою сторону. Ее груди тяжело покачиваются.

Победное выражение на лице Дочери Горы.

Она делает еще один шаг вперед. Ее пальцы извиваются, ласкают мою щеку, легонько касаются моего плеча. Голова у нее откинута назад, глаза полуприкрыты от страсти. Я вижу совершенство ее черт, румянец щек и трепещущий рот.

Камахья?

Ива еनावабхати Самбхур апи

Джавати нурусайитайас тадананам Сайлканьяиах

Еще один шаг, и руки Кали обвиваются вокруг меня. Ее длинные волосы ниспадают по ее плечам, подобно ручейкам на мягком склоне. Ее светящаяся кожа слегка надушена, а в нежной ложбинке между грудей поблескивает пот. Двумя руками она берет меня за плечи, поглаживая третьей мою щеку. Еще одна рука поднимается, чтобы нежно охватить мою мошонку. Ее продолговатые пальцы пробегают по всей длине моего напряженного члена, легонько смыкаясь на головке.

Я - Самбху-Шива в образе Вишну.

Лотос со стеблем вырастает из моего пупка

Я не могу сдержать стон. Мой орган касается выступа ее живота. Она смотрит вниз, потом поднимает на меня свои прекрасные глаза и глядит на меня развратным взглядом сквозь густые ресницы. Упругая нежность бугорка Венеры придвигается ко мне, отходит, снова надвигается.

Наконец, я могу двигаться. Я тут же обхватываю ее, в то время как она обнимает меня. Нежные груди расплющиваются о мою грудь. Ладони скользят вверх и вниз по моей спине. Ее правая нога поднимается, обвивает мое бедро, шевеля пальчиками, и она взбирается на меня. Щиколотки ее смыкаются на моих ягодицах, совершающих поступательные движения.

Кали, Кали, бало, бхаи.

Пение в ритм нашего движения заполняет весь мир. Ее тепло обжигает меня. Она влажно раскрывает губы у меня на шее и скользит вверх, чтобы найти мой язык. Стиснув, я поднимаю ее. Ее груди движутся по моей груди, покрытой потом. Мои ступни изгибаются, икры напрягаются в попытках проникнуть в Кали еще глубже.

Вся вселенная сосредоточилась в круге разгорающегося во мне пламени, которое набирает силу и, наконец, проносится сквозь меня мощным взрывом.

Я - Шива

Кали, Кали бало бхаи

Кали баи аре гате наи

Я - Бог

- Боже милостивый! - Я сел в кровати. Простыни пропитались моим потом, а по штанам пижамы расплывалось мокрое пятно от семяизвержения.

- О Господи.

Голова трещала. Обхватив ее руками, я стал раскачиваться. Амрита ушла. Сильный солнечный свет пробивался сквозь шторы. Часы показывали 10:48.

- Провались оно все, к чертям собачьим. Я пошел в ванную, швырнул пижаму в мешок для грязного белья и встал под тугую струю душа. Когда я вышел через пятнадцать минут, руки и ноги у меня еще подрагивали. Голова так отчаянно болела, что перед глазами, где-то по краям поля зрения, мелькали какие-то точки.

Я быстро оделся и принял четыре таблетки аспирина. Черная щетина покрывала мои щеки, но я решил не бриться. Из ванной я вышел как раз в тот момент, когда вернулась Амрита с Викторией.

- Где ты была, черт бы тебя побрал? - резко спросил я.

Она застыла на месте, с ее лица медленно сошла улыбка. Виктория смотрела на меня как на чужака.

- Ну что?

Амрита выпрямилась. Голос ее звучал ровно.

- Я снова зашла в лавку сари, чтобы взять адрес Камахьи. Я пыталась дозвониться, но линия не работала. Поскольку мы остаемся еще на день, я хотела бы обменять ткань. Ты разве не видел моей записки?

- Мы уже должны подлетать к Лондону. Что случилось, черт возьми?

Я говорил резким тоном, но злость уже стала проходить.

- Что ты имеешь в виду, Бобби? Ну что ты хочешь узнать?

- Я хочу узнать, что случилось с этим проклятым будильником, с такси, которое мы заказывали, с рейсом "БОАК"? Вот что я имею в виду.

Быстрым движением Амрита положила девочку. Подойдя к окну, она открыла шторы и скрестила руки.

- "Проклятый будильник" зазвонил в четыре. Я встала. Ты не захотел просыпаться, даже после того, как я тебя потрясла. В конце концов, когда мне удалось заставить тебя сесть, ты сказал: "Давай подождем еще денек". А все это потому, что ты сидел всю ночь и читал.

- Я так и сказал?

Я потрянул головой и присел на край кровати. Самое жуткое в мире похмелье по-прежнему пульсировало у меня в голове, вызывая желание сблевнуть. Похмелье от чего?

- Именно так я и сказал?

- Ты так сказал.

От голоса Амриты исходил холод. За все годы нашей совместной жизни я лишь несколько раз набрасывался на нее с грубостями.

- Дьявол. Прости. Я и не просыпался. Эта проклятая рукопись.

- Ты же говорил, что будешь читать ее только в самолете.

- Говорил.

Опустив руки, Амрита подошла к зеркалу, чтобы поправить выбившуюся прядь. Ее губы начинали приобретать обычную окраску.

- Ничего страшного, Бобби. Не имею ничего против того, чтобы остаться еще на день.

Тошнота подступала к горлу. Мой голос звучал чужим для меня самого.

- Я имею кое-что против, черт возьми. Вы с Викторией не останетесь еще на день. Во сколько рейс "Эйр Индия" на Дели?

- В девять тридцать и в час дня. Но почему?

- Вы улетите рейсом в час дня и сядете на вечерний рейс "Пан Ам" из Дели.

- Бобби, но это же означает... Почему ты говоришь "вы"? Почему ты не хочешь лететь? Рукопись-то у тебя.

- Вы полетите вдвоем. Сегодня. Мне нужно кое-что закончить в связи с этой поганой статьей. Одного дня мне хватит.

- Ох, Бобби, я не хочу лететь одна с Викторией...

- Знаю, малышка, но ничего не поделаешь. Давай-ка укладываться.

- Все уже уложено.

- Отлично. Тогда собери Викторию и составь вместе все сумки. Я же договорюсь внизу насчет такси и носильщика.

Я поцеловал ее в щеку. Обычно за любой попыткой с моей стороны проявить диктаторские замашки следовала перепалка, но сейчас Амрита уловила что-то в моем голосе.

- Ладно, - сказала она. - Но тебе лучше поторопиться. В Индии невозможно заказать билеты по телефону, как ты знаешь. Просто надо приехать пораньше и встать в очередь.

- Ясно. Я сейчас приду.

- Мистер Гупта?
Телефон в вестибюле работал.
- Алло. Да. Алло, кто это?
- Мистер Гупта, говорит Роберт Лузак.
- Да, мистер Лузак. Слушаю вас.
- Мистер Гупта, я хотел бы, чтобы вы организовали мне встречу с М. Дасом. Личную встречу. Только он и я.
- Что? Что? Это невозможно. Алло?
- Лучше, если это станет возможно, мистер Гупта. Подключите любые связи, которые имеете, и передайте Дасу, что я хочу встретиться с ним сегодня.
- Нет, мистер Лузак. Вы не понимаете. М. Дас никого не допускает...
- Да, я все это уже слышал. Но со мной он встретится, я уверен. Я настаиваю, чтобы вы это ускорили, мистер Гупта.
- Мне очень жаль, но...
- Послушайте, сэр, я объясню ситуацию. Моя жена и ребенок покинут Калькутту через несколько минут. Я вылетаю завтра. Если я уеду, не повидавшись с Дасом, мне все равно придется писать статью для "Харперс". Вам хотелось бы узнать, о чем будет та статья?
- Мистер Лузак, вы должны понять, что мы не в состоянии организовать для вас встречу с М. Дасом. Алло?
- В моей статье будет рассказано о том, что по каким-то, известным лишь им одним, причинам члены Бенгальского Союза писателей попытались осуществить величайшее со времен Клиффорда Ирвинга литературное мошенничество. По каким-то, известным лишь им одним причинам, эти люди приняли деньги в обмен на рукопись, которая, по их утверждениям, принадлежит перу человека, которого уже восемь лет нет в живых. А хуже того, что...
- Полная не правда, мистер Лузак! Не правда, которая даст повод для судебного разбирательства. Мы выдвинем обвинение. Ваши утверждения совершенно бездоказательны.
- А хуже того, что эта группа воспользовалась именем великого поэта, сочинив порнографический гимн в честь местной демонической богини. Авторитетные источники в Калькутте предполагают, что Союз писателей мог это сделать потому, что поддерживает контакты с группой, именуемой капалики, - приверженцами незаконного культа, бытующего в преступном мире города, которых подозревают в человеческих жертвоприношениях своей безумной богине. Как вам это нравится, мистер Гупта? Алло, мистер Гупта, алло, алло!
- Я слушаю, мистер Лузак.
- Что вы скажете на это, мистер Гупта? Я просто уеду или все-таки пообщаюсь с М. Дасом?
- Все будет организовано. Позвоните, пожалуйста, через три часа.
- А.., неужели, мистер Гупта?
- Да.
- Я уже отправил экземпляр моей.., м-м-м.., первой статьи своему издателю в Нью-Йорке с просьбой не открывать ее до моего с возвращением домой. Надеюсь, этот вариант не пригодится. Я предпочел бы написать о Дасе.
- Не пригодится, мистер Лузак.

Водителями всех такси, курсирующих между городом и аэропортом "Дум-Дум", были ветераны индо-пакистанской войны 1971 года. У нашего водителя вея правая щека представляла собой сплошной шрам, а глаз был закрыт широкой черной нащлепкой, заставившей меня невольно задуматься о его монокулярном зрении и оценке расстояний, когда мы крутились в густом потоке машин на шоссе для ОВП.

Снова шел дождь. Все приобрело цвет грязи - облака, дорога, громоздящиеся друг на друга хибары из полотна и жести, отдаленные заводы. Лишь красные и белые полосы, нанесенные на изредка попадавшиеся придорожные баньяны, скрашивали пейзаж хоть какими-то цветовыми пятнами. Ближе к окраине поднимались новые жилые дома. То, что они новые, я смог определить по строительным лесам из бамбука и стоявшим поблизости в грязи бульдозерам, но сами сооружения выглядели такими же запущенными, покрывшимися пятнами от старости, как и самые древние развалины в центре города. За бульдозерами виднелись скопления навесов, населенных сгрудившимися фигурами. Кто это, семьи строителей или новые жильцы, ожидавшие въезда? Скорее всего эти отверженные были ядром новой чольи; растущая окраина двухсот пятидесяти квадратных миль сплошных трущоб.

Слева промелькнул белый щит, который я заметил еще тогда, ночью. С этой стороны были слова:

КАЛЬКУТТА ГОВОРИТ ВАМ:
ДО СВИДАНИЯ
ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ.

Женщина с кастрюлями и большим бронзовым кувшином на голове присела на корточки в грязи за щитом.

В аэропорту былолюдно, но не настолько, как в ту ночь, когда мы прилетели. Все билеты на делийский рейс уже были распроданы, но один только что сдали. Да, самолет "Пан Ам" вылетает из Нью-Дели в семь вечера. Билеты можно будет приобрести.

Пропустив багаж через досмотр, мы прошли по залу. Свободных мест не было, и нам пришлось поискать тихий уголок, чтобы сменить на Виктории подгузник. Затем мы заглянули в небольшое кафе выпить чего-нибудь прохладительного.

Мы почти не разговаривали. Амрита казалась погруженной в свои мысли, а у меня все еще трещала голова. Время от времени у меня перед глазами мелькали обрывки сна, и при этом все сжималось в животе от напряжения и замешательства.

- При худшем раскладе, если вдруг не успеешь на "Пан Ам", - сказал я, - можешь переночевать у своей тетки в Дели.

- Да.

- Или остановиться в какой-нибудь хорошей гостинице рядом с аэропортом.

- Да, конечно.

В кафе ввалилась толпа туристов из Бельгии. Одна из них, невообразимая уродина в открытых сетчатых штанах, тащила здоровенную гипсовую фигуру бога Гапеша со слоновьей головой. Все они оглушительно гоготали.

- Позвони Дэну и Барб, когда доберешься до Бостона.

- Ладно.

- Я должен появиться на следующий день после вас. Кстати, ты будешь звонить родителям из Хитроу?

- Бобби, но я и вправду не прочь остаться еще на день. Тебе может понадобится помощь..., с переводом. Ведь это насчет рукописи, да?

Я покачал головой.

- Слишком поздно, малыш. Багаж уже погружен. Без каких-то нарядов ты обойдешься, но без лишних разовых подгузников здесь нечего делать.

Амрита не улыбнулась.

- Серьезно, - сказал я, взяв ее за руку. - Просто мне нужно кое-что закончить с Гуптой и этими клоунами. Черт возьми, мне все еще не хватает материала на статью. Одного дня будет достаточно.

Амрита постучала по моему кольцу.

- Хорошо, но будь поосторожнее. Не пей сырую воду. А если Камахья придет поменять ткань, постарайся, чтобы она дала тебе только ткань.

Я ухмыльнулся.

- Договорились.

- Бобби, а почему ты не пустил горничную?

- Что?

- Убраться в номере. Перед уходом ты ей велел подождать до завтра.

- Из-за рукописи Даса, - торопливо ответил я. - Не хочется, чтобы там кто-нибудь шнырял.

Амрита кивнула. Я допил остатки "Фанты", посмотрел на маленького геккона, прошмыгнувшего по стене, и постарался отделаться от мысли об автоматическом пистолете двадцать пятого калибра, лежавшем на полке стенного шкафа в гостиничном номере.

Самолет уже подали на посадку, и я поцеловал обеих на прощание, но тут Амрита что-то вспомнила:

- Ой, слушай, а если Камахья вдруг не появится в гостинице, ты не смог бы заскочить к ней домой и забрать ткань?

Она принялась копаться в сумочке.

- Это так важно?

- Нет, но я была бы тебе признательна.

- А почему ты просто не поменяла ткань в лавке?

- Все было разрезано по мерке. И я не сомневалась, что мы еще раз с ней увидимся.

Черт, я же точно положила бумажку сюда. Ничего. Я помню адрес.

Достав книжечку спичек, которые она взяла в "Комнате Принца", она написала адрес на внутренней стороне обложки.

- Только если у тебя будет время, - сказала она.

- Хорошо.

Времени у меня не будет. Мы еще раз поцеловались. Виктория, озадаченная толчеей и шумом, вертелась между нами. Я положил ладонь на головку ребенка, ощутив бесконечную нежность ее волосиков.

- Хорошего вам полета. Увидимся через пару дней. В аэропорту "Дум-Дум" не было галерей для посадки в самолет. Пассажиры проходили по мокрому гудрону и забирались по трапу на борт "Эйр Индия". Амрита повернулась и помахала пухленькой ручонкой Виктории, прежде чем скрыться внутри аэробуса французского производства.

Мельком взглянув на часы, я быстро пошел через зал к телефонам. Гупта поднял трубку после пятого гудка.

- Все решено, мистер Лузак. Запишите адрес... Я полез за записной книжкой, но вместо нее извлек спички, которые дала Амрита. Номер улицы я чиркнул рядом с адресом Камахьи.

- Э-э-э..., и еще, мистер Лузак...

- Да, слушаю.

- На этот раз вы пойдете один.

Дождь уже прекратился, когда я вышел из такси. От улиц вздымался пар, проплывавший между старыми зданиями. В адресе, полученном мной от Гупты, указывалось пересечение улиц в старой части города, но по дороге сюда я не заметил знакомых мне ориентиров.

Улицы и тротуары после ливня были заполнены людьми. Проезжали велосипеды, позвякивая звонками. Выхлопные газы от мотоциклов делали насыщенный паром воздух еще гуще. Старый вол, спину которого сплошь покрывали струпья и открытые язвы, тяжело разлегся посреди оживленной улицы. Все его объезжали.

Я стоял и ждал. Тротуаром здесь считалась четырехфутовая полоска неровной грязи между сточной канавой и стенами старых домов. Между зданиями были трехфутовые щели, и когда до меня донеслась ужасная вонь, я подошел поближе и заглянул в одну из этих узких скважин.

Мусор и органические отходы, наваленные футов на восемь - двенадцать в высоту, тянулись по всей длине протяженного прохода. Очевидно, жильцы в течение многих лет сбрасывали мусор из верхних окон. По вонючим кучам передвигались темные фигуры. Я тут же отпрянул и встал возле отделяющего тротуар от проезжей части потока дождевой воды, смешанной с нечистотами.

Я всматривался в каждое лицо в спящей толпе. Как и в любом большом городе, на лицах пешеходов лежала печать суетливой раздраженности. Многие мужчины были одеты в жесткие полиэстеровые рубашки и свободные штаны того же материала. Меня это поразило: в стране, производящей, возможно, лучшую в мире и не самую дорогую хлопчатобумажную одежду, средний класс считает престижным щеголять в более дорогом, не пропускающем воздух полиэстере. Иногда какое-нибудь потное лицо под умасленными черными волосами поворачивалось в мою сторону, но никто не останавливался, кроме нескольких детей, одетых лишь в замызганные шорты цвета хаки. Они приплясывали вокруг меня некоторое время, выкрикивая "Баба! Баба!" и хихикая. Я не стал раздавать монетки, и через пару минут они убежали, разбрызгивая грязь.

- Вы мистер Лузак?

Я вздрогнул от неожиданности. Пока я смотрел на проезжающие машины, сзади ко мне подошли двое мужчин. На одном был обычный полиэстер, но другой был одет в заглазванное хаки обслуживающих классов. Оба не отличались ни смышленостью, ни приятной внешностью. Высокий и худой в пестрой рубашке имел треугольное лицо с острыми скулами и узким ртом. Мужчина в хаки был пониже, потяжелее, с еще более туповатой, чем у его приятеля, физиономией. Сонное, презрительное выражение его глаз напомнило мне всех громил, которых мне только доводилось знать.

- Да, я Лузак.

- Пойдемте.

Они двинулись в толпу так стремительно, что мне пришлось припустить трусцой, чтобы их догнать, Я задал несколько вопросов, но их молчание и уличный шум убедили меня в том, что лучше успокоиться и следовать за ними.

Мы шли больше получаса. Я и сначала-то не очень понял, в какую сторону мы движемся, но вскоре полностью потерял ориентацию. Постоянная облачность не позволяла мне воспользоваться даже солнцем в качестве ориентира. Мы проходили по многолюдным боковым улицам, не шире переулка и по настоящим переулкам, заполненным людьми и мусором. Несколько раз мои провожатые поворачивали в короткие тоннели, выводящие нас во дворы жилых зданий. Повсюду носились, верещали и сидели на корточках дети. Женщины, прикрывая лица краями сари, поглядывали темными, недоверчивыми глазами. Старики с неподвижными лицами смотрели вниз, облокотясь на проржавевшие перила. Кричали младенцы. От разведенных на бетонных площадках костров для приготовления пищи поднимался дым, висевший в туманном воздухе.

Через очередной тоннель мы вышли в переулок, тянувшийся на несколько кварталов. Народу здесь было больше, чем на иных главных улицах американских городов. Переулок вывел нас в район, где дома были снесены, но среди куч каменных обломков торчали палатки и импровизированные укрытия. Одна большая выемка, служившая когда-то, по всей видимости, подвалом, была заполнена дождевой водой и отвратительными нечистотами. Десятки мужчин и подростков плескались и кричали в воде, а другие прыгали в коричневый водоем из окон вторых этажей расположенных вокруг зданий. Тут же двое голых мальчишек, смеясь, втыкали палочки в нечто, напоминающее утонувшую, раздувшуюся крысу.

Затем, оставив позади район жилых домов, мы оказались в трущобах, среди множества сложенных из камней и джутовых мешков жилищ и многоярусных конструкций из старых щитов, листового железа и выгоревшей фанеры. На открытой площадке испражнялись, сидя на корточках, двадцать или тридцать мужчин. Чуть подальше, на каменистой террасе расположились молоденькие девушки рядом со своими младшими сестренками и братишками, тщательно выбирая вшей из своих спутанных волос. Когда мы проходили, от нас шарахнулся какой-то тощий пес, но никто здесь, судя по всему, не испытывал никаких чувств из-за появления чужаков на своей территории. Из глубоких теней дверных проемов лачуг за нами следили человеческие глаза. Время от времени Откуда-нибудь выбегал ребенок с протянутой рукой, но окрик невидимого взрослого тут же возвращал его обратно.

Неожиданно воздух наполнился едким запахом благовоний. Мы миновали ветхое зеленое строение. По звуку колокольчиков и доносившемуся из внутреннего двора нестройному пению можно было заключить, что это храм. Возле зеленого храма старуха с внучкой выгребали из большой корзины коровий навоз и лепили из него горючие лепешки размером с гамбургер для вечернего огня. Стена храма на протяжении футов тридцати была облицована круглыми, вылепленными вручную, сохнувшими в несколько рядов лепешками. На другой стороне грязной немощенной улицы несколько человек делали бамбуковый каркас для хижины, размерами не больше переносной туристической палатки:

Перестав беззлобно перекрикиваться, они молча проводили нас взглядами. Если у меня и оставались некоторые сомнения по поводу того, являются ли мои провожатые капаликами, то теперь их окончательно рассеяла тишина, сопровождавшая нас по пути.

- Далеко еще?

Снова начинался дождь, а зонтик я оставил в гостинице. Мои белые штаны покрылись грязью до колен. Светло-коричневые башмаки никогда больше не примут своего прежнего вида.

Я остановился и снова спросил:

- Далеко еще?

Коренастый в хаки оглянулся и мотнул головой. Он показал пальцем на стену серого промышленного здания, показавшегося сразу же за морем лачуг. Последнюю сотню метров нам пришлось взбираться по раскисшему склону, и я дважды падал на колени. Верхушку холма окружал сетчатый забор с колючей проволокой сверху. Сквозь сетку я увидел ржавые металлические бочки и пустые железнодорожные ветки между зданиями.

- Что теперь?

Я оглянулся полюбоваться панорамой трущоб. Жестяные крыши были придавлены бесчисленными камнями - черное на сером. То там, то здесь в темных проемах виднелись огни. Далеко, в той стороне, откуда мы пришли, в плотной дымке скрывались из виду многоквартирные дома. Дым поднимался от сотен костров и растворялся в серо-коричневом небе.

- Пошли.

Высокий отогнул кусок проволочной сетки.

Я заколебался. Сердце у меня бешено стучало не только из-за подъема по склону холма. Меня наполняла пьянящая, холодящая живот легкость, которую можно ощутить, встав на край трамплина.

Я кивнул и шагнул сквозь забор.

На территории завода царил тишина. Теперь я понял, насколько привык к постоянным звукам человеческих голосов, к движению..., к людям в этом перенаселенном городе. А здесь, по мере перемещения от одного затененного прохода к другому, тишина становилась такой же густой, как и влажный воздух. Я не мог поверить, что этот производственный комплекс еще работает. Небольшие кирпичные здания почти сплошь заросли сорняками и вьющимися растениями. В расположенном высоко на стене окне, состоявшем когда-то не меньше чем из сотни квадратных стекол, уцелело не больше десяти - двенадцати. На месте остальных зияли черные дыры с зазубренными краями, через которые время от времени порхали маленькие птички. Повсюду виднелись пустые бочки, когда-то ярко-красные, желтые, голубые, а сейчас покрытые коростой ржав? чины.

Мы свернули в еще более узкий проход, эдакий *cul-de-sac*. Я резко остановился. Моя рука потянулась к нижнему правому карману рубашки сафари, к тяжелому размером с кулак камню, который я подобрал, пока мы взбирались по склону. Может показаться невероятным, но, оказавшись здесь, я не испытывал страха, а лишь сильное любопытство по поводу того, что эти двое собираются делать дальше. Я бросил взгляд через плечо, чтобы убедиться, что сзади никого нет, мысленно наметил пути к отступлению в лабиринте проходов и снова повернулся к двум капаликам. Присматривая за коренастым, говорила мне какая-то часть рассудка.

- Туда.

Тот, что в хаки, показал на узкую наружную деревянную лестницу. Дверь наверху находилась чуть выше, чем должно быть на обычном втором этаже. Кирпичную стену покрывали заросли плюща. Окон не было.

Я не тронулся с места. Моя рука сжимала камень. Мои провожатые подождали, переглянулись, резко повернулись и пошли обратно, в ту сторону, откуда мы пришли. Я сделал шаг в сторону, встал спиной к стене и позволил им уйти. Они явно и не ждали, что

я последую за ними. Некоторое время до меня доносились звуки их шагов по гравию, а потом тишину нарушало лишь мое тяжелое дыхание.

Я посмотрел наверх, вдоль крутой лестницы. Высота стен и узкая полоска неба вызвали у меня легкое головокружение. Вдруг из темного пространства под крышей вылетела стая голубей, тут же устремившихся прочь. Их крылья хлопали точно ружейные выстрелы. Они кругами поднимались в свинцовое небо. Для половины четвертого пополудни казалось слишком темно.

Я вернулся на место пересечения проходов и посмотрел в обе стороны. Через сто шагов, не больше, все терялось во мраке. Я ощущал в руке прохладу и тяжесть камня, орудия пещерного человека. Его гладкая поверхность была испачкана красной глиной. Я поднес камень к щеке и снова посмотрел на дверь, видневшуюся футах в тридцати вверху, на заросшей плющом стене. На двери имелось стекло, но его уже давно замазали краской.

На секунду прикрыв глаза, я успокоил дыхание. Затем, опустив камень в карман рубашки, я начал взбираться по прогнившей лестнице навстречу неизвестности.

Глава 12

*...Ты, шлюха Калькутта,
Ты мочишься желтой проказой, как желтушной мочой,
Как великой художественной фреской...*

Тушар Рой

Комната была очень маленькой и очень темной. Небольшая масляная лампа - открытое пламя, потрескивающее над поверхностью прогорклого масла, - стояла посреди квадратного деревянного стола, но и ее слабый свет поглощался висевшими со всех сторон рваными черными шторами. Помещение напоминало не столько комнату, сколько убранный в черное склеп. У стола в ожидании стояли два стула. На неровной поверхности стола лежала книга, название которой трудно было разобрать при слабом свете. Но я понял, что это за книга, и не разглядывая обложку. "Зимние духи", сборник моих стихов.

Открыв дверь, я сначала попал в коридор, настолько узкий и темный, что я чуть не улыбнулся, вспомнив аттракционы в парке Ривервью. Плечами я задевал отслаивающуюся с обеих сторон штукатурку. Спертый воздух пропитался запахом древесной гнили и плесени, навевавшим воспоминания о том, как я в детстве лазил под наше зарешеченное крыльцо, чтобы поиграть там в темноте и сырости. Я не стал бы входить в этот узкий коридор, если б сюда не просачивался слабый отсвет масляной лампы.

Ступив в комнату, я сразу же наткнулся на черную марлеву занавеску. Она довольно легко отошла в сторону, распадаясь от моего прикосновения, словно заброшенная паутина.

Если экземпляр моей книги был положен сюда, чтобы меня заинтриговать, он достиг этой цели. Если же предполагалось, что, увидев свой сборник, я расслаблюсь, то тогда затея не увенчалась успехом.

Я остановился примерно в двух шагах от стола. Снова у меня в руке оказался камень, но выглядело это жалко, по-детски. Я опять вспомнил аттракционы в парке Ривервью и на этот раз ухмыльнулся помимо своей воли. Если из занавешенной темноты на меня что-нибудь выпрыгнет, оно получит добрую порцию гранита по физиономии.

- Эй!

Темные шторы поглощали мой крик так же эффективно, как и свет от лампы. Язычок пламени заплясал от движения воздуха.

- Эй! Олли Оксен на свободе! Игра окончена! Присоединяйтесь!

Где-то в глубине души у меня таилось желание рассмеяться над нелепостью ситуации. Оно соседствовало с рвущимся наружу криком.

- Ладно, продолжим этот балаган, - произнес я, шагнул вперед и, выдвинув стул, подсел к столу. На свою книгу я положил камень, напоминавший теперь неуклюжее пресс-папье. Затем я сложил руки и сел тихо и прямо, как школьник в первый день занятий. Прошло несколько мгновений. До меня не долетало ни единого звука. Было так жарко, что пот капал у меня с подбородка, оставляя кружочки на пыльной поверхности стола. Я ждал.

Неощутимое движение воздуха наклонило язычок пламени.

Кто-то пробирался сквозь черные шторы.

Высокая фигура раздвинула драпировку, приостановилась, оставаясь еще в тени, а потом неуверенной шаркающей походкой вышла на свет.

Сначала я увидел глаза - влажные, умные глаза, в которых оставило след время и великое знание человеческого страдания. Сомнения прочь. Это были глаза поэта. Передо мной возник М. Дас. Он подошел поближе, и я судорожно вцепился в края стола.

Я смотрел на существо из могилы.

Серые тряпки, в которые была облачена эта фигура, вполне могли сойти за остатки савана. Зубы блестели в невольном оскале - от сгнивших губ оставались лишь обрывки бесформенной плоти. Носа почти не было; на его месте виднелась влажная, пульсирующая пленка обнаженной ткани, не закрывавшей двойное отверстие в черепе. Когда-то впечатляющий лоб не подвергся столь же опустошительным разрушениям, как нижняя часть лица, но неровные чешуйчатые пятна разъедали кожу головы, оставляя странно торчавшие пучки седых волос. Левое ухо представляло собой бесформенную массу.

М. Дас выдвинул второй стул, чтобы сесть, и я заметил, что на двух пальцах его правой руки нет средних фаланг. Остатки кисти были обернуты тряпкой, которая, впрочем, не маскировала очаги разложения на запястье, где взгляду открывались мышцы и сухожилия.

Он тяжело уселся. Массивная голова покачивалась, словно узкая шея не могла ее удерживать, а лохмотья на впалой груди быстро поднимались и опускались. Комнату наполнили звуки неровного дыхания.

- Проказа.

Это слово я произнес шепотом, но казалось, что я закричал. Язычок пламени отчаянно затрепетал, готовый вот-вот погаснуть. Светло-карие глаза смотрели на меня из-за масляного светильника, и я увидел теперь, что и веки тоже были частично разъедены.

- Боже мой, - прошептал я. - О Господи. Что с вами сделали, Дас? Это проказа.

- Да-а-а...

Я не нахожу слов, чтобы точно описать тот голос. Отсутствие губ делало многие звуки невозможными, а другие воспроизводились за счет свистящего шуршания, возникающего при соприкосновении языка с оскаленными зубами. Не знаю, как ему вообще удавалось говорить. Безумие происходящего усугублялось все еще различным оксфордским акцентом и изящным синтаксисом натужных, шипящих фраз. Слюна увлажняла обнаженные зубы и летела на пламя светильника, но слова звучали разборчиво. Я не мог ни пошевелиться, ни заставить себя смотреть в сторону.

- Да-а-а, - произнес поэт М. Дас, - проказа. Но в наше время это называется заболеванием Хансена, мистер Лузак.

- Да, конечно. Извините.

Я кивнул, моргнул, но так и не смог отвести взгляд. Я заметил, что все еще крепко сжимаю край стола. Шершавое дерево каким-то образом помогало мне не утратить связи с реальностью.

- Боже мой, - тупо повторял я, - как это случилось? Чем я могу помочь?

- Я читал вашу книгу, мистер Лузак, - прошелестел М. Дас. - Вы sentimentalный поэт.

- Как вам удалось ее найти? - Идиот, возьми себя в руки. - Я хотел сказать, почему вы считаете эти стихи sentimentalными?

Дас медленно моргнул. Остатки век опустились как истрепанные оконные занавески, так и не закрыв полностью белки. Теперь, когда умный взгляд пропал из виду, призрак напротив меня казался в тысячу раз ужаснее. Я подавил в себе желание сбежать и затаил дыхание, пока он не посмотрел на меня снова.

В голосе Даса я сумел уловить оттенок мечтательности.

- В Вермонте действительно так много снега, мистер Лузак?

- Что? А, вы хотите сказать..., да. Да. Не всегда, но в некоторые зимы. Особенно в горах. Обочины дорог и почтовые ящики тогда размечают шестами и маленькими оранжевыми флажками.

Я нес чушь, но лучше так, чем затыкать рот костяшками пальцев, чтобы подавить рвущиеся оттуда иные звуки.

- Ах-х-х, - вздохнул Дас, и звук этот напоминал выходящий из умирающего морского животного воздух. - Хотелось бы на это посмотреть. Да-а-а.

- Я читал вашу поэму, мистер Дас.

- Да-а-а?

- Я имею в виду, поэму о Кали. Вы знаете, конечно. Вы же ее мне прислали.

- Да-а-а.

- Почему?

- Почему что, мистер Лузак?

- Почему вы посылаете ее для публикации за пределы страны? Почему вы отдали ее мне?

- Она должна быть опубликована. - Впервые в странном голосе Даса отчетливо прорезались эмоции. - Вам она не понравилась?

- Нет, она мне не понравилась, - сказал я. - Совсем не понравилась. Но отдельные места в ней весьма..., примечательны. Ужасны и примечательны.

- Да-а-а.

- Почему вы ее написали?

М. Дас снова закрыл глаза. Страшная голова наклонилась вперед, и мне показалось на секунду, что он уснул. При свете лампы пятна на его голове имели серо-зеленую окраску.

- Она должна быть опубликована, - хрипло прошептал он. - Вы мне поможете? - Я колебался. У меня не было уверенности в том, что последняя фраза была вопросом.

- Хорошо, - сказал я наконец. - Скажите, почему вы это написали. Что вы здесь делаете?

Дас снова посмотрел на меня и каким-то магнетическим сигналом дал понять, что мы здесь не одни. Я, бросил взгляд в сторону, но ничего, кроме черноты, не увидел.

- Как вы... - Я колебался. - Как вы стали таким?

- Прокаженным.

- Да.

- Я уже много лет такой, мистер Лузак. Я не обращал внимания на признаки. Чешуйчатые пятна у меня на руках. Боль, после которой наступило онемение, Даже когда я раздавал автографы во время поездок и вел семинары в университете, мои руки и щеки ничего не чувствовали. Я знал правду задолго до появления открытых язв, задолго до той недели, когда я поехал на восток на похороны своего отца.

- Но ведь сейчас уже есть препараты! - вскричал я. - Вы же наверняка должны были знать..., лекарства! Это уже умеют лечить.

- Нет, мистер Лузак, это не вылечить. Даже те, кто верит в лекарства, признают, что можно контролировать только симптомы, иногда задерживать их развитие. Но я был последователем философии здоровья Ганди. Когда выступила сыпь и появилась боль, я голодал, соблюдал диеты, я делал клизмы и очищал тело, как и душу. Много лет я занимался этим. Не помогло Я знал, что не поможет.

Сделав глубокий вдох, я вытер руки о штаны.

- Но если вы знали, что...

- Послушайте, пожалуйста, - прошептал поэт. - У нас немного времени. Я расскажу вам одну историю. Было лето 1969 года - сейчас мне то время кажется другим веком, другим миром. Моего отца кремировали в небольшой деревушке, где я родился. Кровоточащие язвы были видны уже много недель. Я сказал братьям, что это аллергия. Я хотел одиночества. Я не знал, что делать.

Во время долгой поездки обратно в Калькутту у меня было время подумать. Вы когда-нибудь видели лепрозорий в нашей стране, мистер Лузак?

- Нет.

- Лучше не видеть. Да-а-а, я мог уехать за границу. У меня были деньги. Врачи в столь просвещенных государствах, как ваше, мистер Лузак, редко сталкиваются с заболеванием Хансена на поздних стадиях. В наиболее современных государствах проказы, как вы знаете, собственно, и не существует. Это болезнь грязи, нечистот и антисанитарных условий, забытая на Западе со Средних веков. Но она не забыта в Индии. Знаете ли вы, мистер Лузак, что в одной только Бенгалии полмиллиона прокаженных?

- Нет, - ответил я.

- Нет. И я не знал. Но мне сказали. Большинство, видите ли, умирает по другим причинам, до того, как болезнь разовьется. На чем я остановился? Ах да.

Я прибыл на станцию Хоура вечером. К тому времени я решил, что делать дальше. До этого я подумывал о поездке за границу на лечение. Я обдумывал как пережить многолетнюю боль по мере того как болезнь будет медленно распространяться по телу. Я думал о том, как подчиниться унижению и изоляции, которых потребует такое лечение. Я все обдумывал, мистер Лузак, но отверг это. И как только я принял решение, я почувствовал себя очень мирно. В тот вечер, когда я смотрел на огни станции Хоура из окна вагона первого класса, я был вполне в ладу с самим собой и со всей вселенной.

Верите ли вы в Бога, мистер Лузак? Я не верил. Не верю и сейчас..., ни в одного бога света, пожалуй. Есть другие..., но на чем я остановился? Да. Я покинул вагон в умиротворенном состоянии духа. Мое решение позволяло мне избежать не только боль немощи, но и боль разлуки. По крайней мере я так думал.

Я отдал свои вещи изумленному нищему там же, на станции. Ах да, вы должны простить меня, мистер Лузак, за избранный мной вчера способ передать вам рукопись. Ирония - одно из немногих, оставшихся у меня удовольствий. Жаль только, что я при этом не присутствовал. Так о чем мы? Да, я покинул вокзал и пошел к чудесному сооружению, которое мы называем "мост Хоура", Вы его видели? Да, конечно, видели. Как глупо с моей стороны. Я всегда считал его восхитительным образцом абстрактной скульптуры, мистер Лузак, совершенно неоцененным произведением искусства, каковым он является. Той ночью мост был сравнительно безлюдным - лишь несколько сотня пешеходов шли по нему.

Я остановился посередине. Колебался я недолго, потому что не хотел иметь время на раздумья. Должен признаться, что сочинил небольшой сонет, прощальное стихотворение, можно сказать. Я, тоже когда-то был сентиментальным поэтом.

Я прыгнул. С центрального пролета. До темной воды Хугли было больше сотни футов. Падение казалось вечным. Если б я знал об этом нескончаемом ожидании между началом и развязкой самоубийства подобного рода, я бы изменил планы, уверяю вас, Удар о воду с такой высоты был все равно что падение на бетон, мистер Лузак. Когда я столкнулся с водой, у меня в черепе словно расцвел цветок. Что-то в спине и шее треснуло. Громко. Будто сломалась толстая ветка.

Потом мое тело утонуло. Я говорю "мое тело", потому что я умер тогда, мистер Лузак. В этом не было сомнения. Но произошло нечто странное. Душа не отлетает сразу же после смерти, но, скорее, следит за развитием событий примерно так же, как мог бы смотреть посторонний наблюдатель. Как еще я могу описать ощущения при виде чьего-то перекрученного тела, опускающегося в ил на дно Хугли? При виде рыб, рвущих чьи-то глаза и мягкие ткани? Что еще можно сказать, когда видишь все это и не испытываешь ни тревоги, ни страха, а лишь слабый интерес? Таковы впечатления, мистер Лузак. Так выглядит вызывающий страх процесс умирания..., такой же банальный, как и все неизбежные процессы, составляющие наше жалкое существование.

Не знаю, в течение какого времени пролежало там мое тело, становясь единым целым с речным илом, прежде чем волны или, возможно, кильватерная струя какого-то судна вынесла мою ненужную оболочку на берег. Дети нашли меня. Они тыкали в меня палочками и смеялись, когда те проникали в мою плоть. Потом пришли капалики. Они отнесли меня - осторожно, хотя такие понятия в то время для меня были пустым звуком, - в один из своих многочисленных храмов.

Я проснулся в объятиях Кали. Она - единственное божество, бросающее вызов смерти и времени. Она воскресила меня тогда, мистер Лузак, но лишь для своих собственных потребностей. Лишь для своих собственных потребностей. Как видите. Темная Мать не сочла нужным избавить меня от бремени недуга, когда вновь вдохнула в меня жизнь.

- Каковы же были эти потребности, мистер Дас? - спросил я.

Безгубая гримаса поэта выглядела вымученной попыткой улыбнуться.

- И так должно быть очевидно, на что ушли мои слабые силы, - ответил Дас. - Я - поэт богини Кали. И я, недостойный, служу ей в качестве поэта, жреца и воплощения.

В течение всего разговора какая-то часть меня испытывала ощущение отстраненного наблюдения, о котором упоминал Дас. Казалось, словно эта доля моего сознания парит под потолком и следит за диалогом с холодным спокойствием, граничащим с безразличием. Другая часть моего "я" хотела истерически рассмеяться, закричать, перевернуть стол в близком к ярости неверии и бежать из этой гнусной темноты.

- Такова моя история, - произнес Дас. - Что скажете, мистер Лузак?

- Я скажу, что из-за болезни вы сошли с ума.

- Да-а-а?

- Или что вы в полном рассудке, но должны играть роль для кого-то.

Дас ничего не сказал, но метнул в сторону угрюмый взгляд.

- Еще одна неувязка с вашей историей, - произнес я, удивившись твердости своего голоса. " - Какая же?

- Если ваше..., ваше тело было обнаружено только в прошлом году, я сомневаюсь, что от него что-то осталось. За семь-то лет.

Голова Даса дернулась вверх, как у какого-то кошмарного чертика из шкатулки. В занавешенной темноте послышался скребущий звук.

- Да? И кто же вам сказал, что тело было обнаружено в прошлом году, мистер Лузак?

У меня перехватило горло. Не раздумывая, я заговорил:

- Как рассказывал мистер Муктанандаджи, именно тогда произошло мифическое воскрешение.

Горячий ветерок шевельнул пламя, и тени заплясали по разрушенному лицу Даса. Его страшная ухмылка осталась неизменной. Тени колыхнулись снова.

- А-а-а, - выдохнул Дас. Его перевязанная искалеченная рука рассеянным жестом скребла по столу. - Да-а, да-а-а. Бывают..., время от времени..., определенные изменения законов.

Подавшись вперед, я уронил руку поближе к камню. Мои глаза пытались разглядеть человеческое существо в этой прокаженной туше, сидевшей через стол от меня. Мой голос звучал горячо, настойчиво.

- Но почему, Дас? Ради Бога, скажите, почему? Почему каплики? Зачем эта эпическая непристойность о Кали, возвращающейся править миром, или о каком еще дерьме там понаписано? Когда-то вы были великим поэтом. Вы пели о правде и чистоте.

Мои слова мне самому казались неубедительными, но я не знал, как выразиться иначе.

Дас грузно откинулся назад. Дыхание с хрипом вырывалось из его открытого рта и ноздрей. Сколько можно прожить в таком состоянии? Там, где болезнь не уничтожила плоть, кожа выглядела почти прозрачной и хрупкой, как пергамент. Когда этот человек мог последний раз видеть солнце?

- В Богине есть великая красота, - прошептал он.

- Красота в смерти и разложении? Красота в насилии? Дас, с каких пор ученик Тагора поет гимн насилию?

- Тагор был слепцом! - Свистящий шепот обрел новую силу. - Тагор не видел. Может быть, только когда умирал. Может быть. Если б он смог тогда видеть, он обратился бы к ней, мистер Лузак. Все мы обратимся к ней, когда Смерть войдет в наш ночной приют и возьмет нас за руку.

- Бегство к какой бы то ни была религии не оправдывает насилия, - возразил я. - Это не оправдывает зло, о котором вы пели...

- Зло. Тьфу! - Дас выплюнул комок желтой мокроты на пол. - Вы ничего не знаете. Зло. Зла не существует. Насилия нет. Есть только власть. Власть - единственный великий организующий принцип вселенной, мистер Лузак. Лишь власть - априорная реальность. Все насилие - это попытка осуществить власть. Насилие есть власть. Все, чего мы боимся, мы боимся из-за того, что некая сила распространяет на нас свою власть. Все мы желаем свободы от такого страха. Все религии являются попытками достичь власти над силами, что способны управлять нами. Но Она - наше единственное прибежище, мистер Лузак. Лишь Пожирательница Душ способна наделить нас абхайа мудрами и лишит всех страхов, поскольку лишь она одна имеет конечную власть. Она - воплощение власти, силы вневременной и непостижимой.

- Это отвратительно, - сказал я. - Жалкое оправдание жестокости.

- Жестокости? - Дас расхохотался. Его смех напоминал грохот перекачиваемых камней в пустой посудине. - Жестокости? Наверняка даже сентиментальный поэт, который лепечет о нетленных истинах, должен знать, что так называемая жестокость есть единственная реальность, признаваемая вселенной. Жизнь питается насилием.

- Я этого не приемлю.

- Неужели? - Дас дважды моргнул. Медленно. - Вы ни разу не отведали вина власти? Вы ни разу даже не пытались осуществить насилие?

Я колебался. Не признаваться же ему, что большую часть своей жизни я провел, стараясь обуздать собственный нрав. Бог ты мой, о чем мы говорим? Что я вообще здесь делаю?

- Нет, - сказал я.

- Чепуха.

- Это правда, Дас. Нет, я дрался несколько раз, но всегда стремился избежать насилия. - Мне было девять или десять лет. Саре - семь или восемь. В роще у опушки заповедника. "Снимай шорты! Быстро!"

- Это не правда. Каждый отведал кровавого вина Кали.

- Нет. Вы ошибаетесь. - Отвесил ей пощечину. Одну. Другую. Поток слез и медленное подчинение. Мои пальцы оставили красные следы на ее тонкой руке. - Лишь незначительные мелкие происшествия. Детские шалости.

- Не бывает незначительной жестокости, - сказал Дас.

- Это нелепо. - Ужасное, всеохватывающее возбуждение. Не просто от вида ее бледной наготы, от странной сексуальной привлекательности этой наготы. Нет, не только от этого. Из-за ее полной беспомощности. Ее покорности. Я мог делать все, что хотел.

- Посмотрим. Все, что хотел.

Дас тяжело поднялся. Я отодвинул назад свой стул.

- Вы опубликуете поэму? - Его голос потрескивал и шипел, как угольки в угасающем очаге.

- Наверное, нет, - ответил я. - Почему бы вам не поехать со мной, Дас? Вам не нужно оставаться здесь. Поедьте со мной. Опубликуете ее сами.

Однажды, когда мне было семнадцать лет, мой безмозглый двоюродный братец подбил меня сыграть в русскую рулетку с револьвером его отца. Он вставил один патрон и крутанул для меня барабан. Я помню ту секунду напускной бездумной бравады, когда поднял револьвер, поднес ствол к виску и нажал на курок. Боек тогда ударил по пустому гнезду, но с тех пор я и близко не хотел подходить к оружию. Теперь, среди калькуттской тьмы, я чувствовал, что вновь приставляю ствол к своей голове, не имея на то основательных причин. Молчание затянулось.

- Нет. Вы должны опубликовать ее. Это важно.

- Но почему? Неужели вы не можете отсюда уйти? Что они могут сделать вам из того, чего еще не сделали? Поедьте со мной, Дас.

Дас полуприкрыл глаза, и теперь существо передо мной больше не походило на человека. Могильным запахом несло от его лохмотьев. Позади меня из темноты уже совершенно отчетливо доносились какие-то звуки.

- Я решил остаться здесь. Но очень важно, чтобы вы доставили "Песнь Кали" в вашу страну.

- Почему? - снова спросил я.

Язык Даса напоминал маленького розового зверька, который касался лоснящихся зубов и шмыгал затем назад.

- Это больше, чем просто заключительная работа. Считайте это объявлением. Объявлением о рождении. Вы опубликуете мою поэму?

Молчание длиной в десять ударов сердца привело меня на край какой-то темной непонятной ямы. Потом я слегка наклонил голову.

- Да, - сказал я. - Она будет опубликована. Возможно, не полностью, но свет она увидит.

- Хорошо, - произнес поэт и направился к выходу. Потом он остановился в неуверенности и обернулся почти застенчиво. Впервые я услышал в его голосе нотки человеческой тоски:

- Есть еще..., еще кое-что, мистер Лузак.

- О чем вы?

- Но тогда вам придется вернуться сюда. При мысли о том, что я буду вынужден еще раз войти в эту гробницу, после того как сейчас покину ее, у меня чуть не подкосились ноги.

- О чем речь?

Он слабо махнул рукой в сторону все еще лежавших на столе "Зимних духов".

- У меня почти нечего читать. Они..., те, кто заботится о моих нуждах..., иногда достают мне книги, когда я точно определяю названия. Но часто они приносят не те книги. А я так мало знаю о новых поэтах. Не могли бы вы..., если это возможно..., несколько книг на свое усмотрение?

Старик сделал три шатких шага вперед, и на какое-то страшное мгновение я решил, что он собирается схватить своими гнилыми лапами меня за руку. Он остановился, прервав движение на середине, но его поднятые, замотанные руки выглядели еще трогательнее в этом жесте умоляющей беспомощности, - Да, я раздобуду для вас несколько книг, - Но сюда не вернусь, подумал я. Я отдам несколько книг вашим друзьям-кападиклм, но только не возвращаться.

Но не успел я высказать эту мысль вслух, как Дас заговорил снова.

- Особенно мне хотелось бы прочитать произведения этого нового американского поэта, Эдвина Арлингтона Робинсона, - заторопился он. - Я читал лишь одну его новую поэму "Ричард Кори", но финал ее настолько прекрасен, настолько отвечает моему теперешнему положению, моим личным устремлениям, что я постоянно об этом мечтаю. Не могли бы вы принести что-нибудь этакое?

Мне оставалось лишь хлопать глазами. Этого нового американского поэта? В конце концов, не зная, что еще сказать, боясь ляпнуть что-нибудь лишнее, я кивнул.

- Да, - выдавил я. - Постараюсь.

Печальная скрюченная фигура повернулась и вышла из комнаты. Секундой позже я сделал то же самое. Черные шторы на мгновение прилипли ко мне, как бы удерживая меня, не давая бежать, но потом я очутился на свободе. Свободен!

Калькутта казалась мне прекрасной. Слабый солнечный свет, пробивающийся сквозь облака, толпы, - разгул послеобеденного движения на дорогах - я смотрел на все это с радостным облегчением, делавшим зрелище еще лучезарнее. Потом я вспомнил последние слова Даса, и сомнения охватили меня. Нет уж, подумаю об этом потом. Потому что сейчас я свободен.

Двое капали ков дожидались меня у подножия лестницы. Их услуги в качестве провожатых потребовались мне лишь на несколько минут, чтобы вывести меня через трущобы на главную улицу, где мне удалось поймать такси. Прежде чем расстаться со

мной, один из них подал мне засаленную бумажку, на которой было нацарапано: "Перед Калигхат - 9:00".

- Сюда я должен принести книги? - спросил я у худого. Его кивок стал одновременно и подтверждением, и прощанием.

Затем черно-желтое такси начало крутиться среди еле двигающегося потока машин, а я в течение десяти минут просто наслаждался наступившим расслаблением. До чего же странный случай! Морроу ни за что не поверит. Я сам уже верил с трудом. Сидеть там, возможно, в окружении психованных калькуттских уличных головорезов, разговаривать с тем, что осталось от одного из великих поэтов мира. До чего же странный случай!

В "Харперс" такая история не пройдет никогда в жизни. В "Нэшнл Инквайерер", может быть, но только не в "Харперс". Я расхохотался в голос, и маленький потный таксист повернулся, чтобы взглянуть на сумасшедшего американца. Я ухмыльнулся и несколько минут набрасывал варианты завязки, прикидывая, каким боком повернуть историю, чтобы в глазах Морроу она имела достаточно сухой и циничный вид. Слишком поздно до меня дошло, что надо бы проследить свой путь, но к тому времени мы оказались уже в нескольких милях от места, где я поймал такси.

Наконец, я стал узнавать крупные здания - верный признак того, что мы приблизились, к центру города. За пару кварталов от гостиницы я вышел перед обшарпанным фасадом магазина с вывеской "КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ МЭННИ". Интерьер состоял из лабиринта металлических стеллажей и высоких стопок книг - старые и новые, некоторые с толстым слоем пыли, в основном английские издания.

С полчаса я потратил, чтобы отыскать восемь книжек хорошей, свежей поэзии. Сборника Робинсона я не нашел, но зато в "Карманной книге современной поэзии" был "Ричард Кори", а также "Темные холмы" и "Уолт Уитмен". Я вертел в руках книжку в желтой бумажной обложке, хмуро ее разглядывая. Неужели я не правильно понял Даса? Вряд ли.

Так ничего и не решив, я тем не менее еще несколько минут выбирал последние две книги, основываясь исключительно на их объеме. Когда продавец отсчитал мне сдачу монетами странной формы, я спросил, где найти аптеку. Он насупился и покачал головой, но после нескольких попыток мне удалось объяснить ему, что мне нужно.

- Ах да, да, - произнес он. - Химик. Он направил меня в лавку, расположенную где-то между книжным магазином и гостиницей.

До "Обероя" я добрался почти в шесть вечера. Пикетчики-коммунисты сидели на корточках вдоль бордюра и кипятили чай на маленьких жаровенках. Я помахал им чуть ли не радостно и вошел в прохладу другого, безопасного мира.

Я лежал в полудреме, пока Калькутта погружалась в сумерки. Лихорадочное возбуждение и облегчение уступили место бремени изнеможения и нерешительности. Я все продолжал прокручивать в уме дневную встречу, тщетно пытаюсь избавиться от невероятного ужаса, испытанного при виде изуродованного Даса. Чем дальше я гнал от себя образы, мелькающие под моими прикрытыми веками, тем страшнее становилась их реальность.

"...настолько прекрасен, настолько отвечает моему нынешнему положению, моим личным устремлениям, что я постоянно об этом мечтаю".

Мне не нужно было открывать только что купленную книгу, чтобы вспомнить поэму, о которой говорил Дас.

*"И Ричард Кори в тихий летний вечерок
Пришел домой и пулю в лоб себе пустил".*

Именно этот образ получил широкую известность в шестидесятых, благодаря песне Саймона и Гарфункеля. Я постоянно об этом мечтаю.

Часов в семь я передел штаны, умылся и сошел вниз для легкого ужина из риса с перцем и жареного теста, которое Амрита всегда называла "пури", но в меню оно почему-то носило имя "лучи". Под еду я выпил две кварты холодного бомбейского пива и, вернувшись в номер примерно через час, чувствовал себя уже не так угнетенно. Шагая по коридору, я вроде бы расслышал звонок телефона в номере, но пока я возился с ключом, звук утих.

Коричневый сверток по-прежнему лежал на полке шкафа, куда я его и засунул. Пистолет был меньше, чем мне казалось поначалу. Возможно, именно его игрушечность и помогла мне решить, что делать дальше.

Из пакета с аптечными покупками я извлек пачку бритвенных лезвий и пузырек клея. Затем я прикинул размеры трех книг побольше, но лишь сборник стихов Лоуренса Даррелла в твердой обложке показался подходящим. За дело я принялся с тяжелым сердцем: мне всегда была ненавистна даже мысль о том, что можно испортить книгу.

Минут сорок я резал, все время рискуя порезать пальцы, прежде чем работа была закончена. Мусорная корзинка наполнилась искромсанной бумагой. Внутри книга имела теперь такой вид, словно крысы грызли ее не один год, но пистолет отлично лег в приготовленное для него углубление.

При одном его виде у меня учащался пульс. Я продолжал твердить себе, что всегда волен передумать и выбросить эту штуку где-нибудь в переулке. Книга и вправду могла послужить удобным тайником для того, чтобы вынести пистолет из гостиницы и зашвырнуть куда-нибудь подальше. По крайней мере так я говорил себе.

Однако я достал пистолет из гнезда и осторожно дождал снаряженную обойму, пока не сработала защелка. Я поискал предохранитель, но не нашел. Затем я уложил пистолет обратно в книгу и аккуратно склеил листы в нескольких местах.

Я постоянно об этом мечтаю.

Покачав головой, я уложил книги в коричневый пакет с надписью "КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ МЭН НИ". Даррелл лег третьим снизу.

Было без десяти девять. Заперев номер, я быстро пошел по коридору. И как раз в этот момент открылись двери лифта, и оттуда появилась Амрита с Викторией на руках.

Глава 13

И полночные звериные крики...

Кто кому враг, кто...

В свирепости этого лживого города?

Сиддхесвар Сен

- Бобби, это было ужасно. Рейс на час дня отложили до трех. Мы пересаживались с места на место, а кондиционеры большую часть времени не работали. Стюардесса сказала, что это по техническим причинам, но бизнесмен, сидевший рядом, объяснил, что между пилотом и бортинженером нечто вроде междоусобицы, и что две последние недели такое случалось несколько раз. Потом самолет снова отбуксировали к аэропорту, и всем нам пришлось сойти. Виктория меня всю обслюнявила, и у меня не было времени даже переодеться в другую блузку, которую я уложила в сумку. О, Бобби, это было ужасно.

- Угу, - буркнул я и посмотрел на часы. 9:00. Амрита сидела на кровати, а я все еще стоял возле открытой двери. До меня никак не доходило, что она и ребенок действительно

здесь. Проклятие, проклятие, проклятие. Я испытывал желание схватить Амриту и жестоко ее встряхнуть. Меня мутило от усталости и путаницы в мозгах.

- Потом нам сказали перейти на другой рейс до Дели с посадками в Бенаресе и Хаджурахо. Я бы как раз успела на "Пан Ам", если бы мы вылетели вовремя.

- Но не вылетели, - ровным голосом сказал я.

- Конечно, нет. А наш багаж так и не перегрузили. И все же я планировала улететь на семь тридцать рейсом на Бомбей, а оттуда на "Би-Эй" до Лондона, но самолету из Бомбея пришлось садиться в Мадрасе из-за неисправности посадочных огней в калькуттском аэропорту. Рейс перенесли на одиннадцать, но я, Бобби, так устала, а Виктория проплакала несколько часов...

- Я понимаю.

- Ах, Бобби, я все названивала и названивала, но тебя не было. Администратор обещал передать то, что я просила.

- Он не передал, - заметил я. - Я видел его, когда вошел, но он ничего не сказал. Амрита вполголоса выругалась.

- Он же обещал.

Она никогда не прибегала к ругательствам, если только не могла воспользоваться непонятным языком. Она знала, что я не говорю по-русски. Чего она не знала, так это того, что именно это русское непристойное выражение охотно употреблял мой дедушка-поляк, чтобы охарактеризовать всех русских.

- Не важно, - сказал я. Это меняет все дело.

- Прости, но у меня все мысли были только о холодном душе, о том, чтобы покормить Викторию и ч^т лететь с тобой завтра.

- Правильно, - сказал я.

Подойдя к ней, я поцеловал ее в лоб. Не помню, чтобы видел Амриту хоть раз такой расстроенной.

- Все хорошо. Завтра утром уедем. Я снова бросил взгляд на часы. 9:08.

- Сейчас вернусь.

- Ты уходишь?

- Да, на несколько минут. Надо передать кое-кому эти книги. Совсем недолго, малышка. - Я стоял в дверях. - Слушай, проверь, чтобы все было закрыто и накинь цепочку, ладно? Не открывай никому, только мне. Если телефон зазвонит, пусть звонит. Не бери трубку. Договорились?

- Но почему? Что...

- Сделай то, что я сказал, черт побери. Я вернусь минут через тридцать. Амрита, пожалуйста, сделай, о чем я прошу. Объясню потом.

Я шагнул было прочь, но остановился, увидев, как Виктория дрыгает ручками и ножками на одеяле, на которое ее уложила Амрита, чтобы переодеть. Я прошел в комнату, подбросил дочку в воздух, подул в голый животик. Она была голенькая, мягкая, ерзала от избытка чувств. Улыбнулась мне во весь рот и потянулась пухленькими ручонками к моему носу. От нее пахло детским шампунем, а кожа была невообразимо нежной. Я уложил дочь на спинку и сделал ее ножонками велосипед.

- Присмотри за мамочкой, пока я не вернусь. Ладно, маленькая?

Я снова поцеловал ее в животик, коснулся щеки Амриты и быстро вышел.

К Калигхат я так и не попал. Только я вышел из гостиницы и начал соображать, как избавиться от книги Даррелла, рядом со мной остановился черный "премьер". За рулем сидел коренастый в хаки. Какой-то незнакомец открыл заднюю дверь.

- Садитесь, пожалуйста, мистер Лузак.

Я отступил назад, прижав пакет с книгами к груди.

- Я.., я собирался пойти.., встретиться с кем-то возле Калигхат, - глупо сказал я.

- Садитесь, пожалуйста.

На несколько секунд я застыл как вкопанный. Потом посмотрел сначала в одну, потом в другую сторону вдоль улицы. До входа в гостиницу было всего шагов двадцать. Молодые, состоятельные на вид супруги-индийцы смеялись, стоя под навесом, а портье в это время выносили их багаж из серого "мерседеса".

- Вот, - сказал я. - Это то, что я ему обещал. Завернув верхнюю часть пакета, я протянул его человеку на заднем сиденье.

Он даже не шевельнулся, чтобы забрать книги.

- Пожалуйста, садитесь, мистер Лузак.

- Но зачем?

Он вздохнул и потер нос.

- Поэт хочет вас видеть. Это ненадолго. Он сказал, что вы согласны.

Плотный водитель нахмурился и повернулся в поворот, как бы желая что-то сказать. Человек сзади слегка прижал ладонью его запястье и снова заговорил.

- У поэта есть нечто, что он хотел бы вам передать. Садитесь, пожалуйста.

Я удивился сам себе, когда пригнул голову, чтобы забраться в машину. Дверца захлопнулась, и мы влились в автомобильный поток. В калькуттскую ночь.

Дождь и свет. Шоссе, примыкающие улицы, переулки и раскисшие колеи возле нагроможденных развалин. Мерцание фонарей и отражения городских огней. И среди всего этого я ждал, что капалика обратится ко мне и потребует книги для проверки. И еще я ждал, что вслед за этим последуют крики и удары.

Мы ехали в молчании. Пакет с книгами лежал у меня на коленях, а я сидел, повернувшись к окну, хотя, как помню, кроме своего бледного отражения, видел совсем немного. Наконец, мы остановились перед высокими железными воротами. Где-то неподалеку две долговязые кирпичные трубы извергали в небо пламя. Днем я приходил сюда с другой стороны. Из пелены мороси возник человек в черном, открыл ворота и пропустил нас.

Фары высвечивали пустые кирпичные строения, железнодорожные ветки и небольшую горку грязи, на которой валялся заброшенный грузовик, полужаросший бурьяном. Остановились мы перед широкой дверью, освещенной желтой лампочкой. На свету кружилась мошкара.

- Выходите, пожалуйста. Внутри было много дверей и коридоров. К нам присоединились двое в черном с фонариками. Откуда-то доносились приглушенные звуки ситара и барабанный бой. Наверху узкой лестницы мы остановились, и люди в черном резко обратились к водителю. Потом начался обыск.

Один из них взял пакет с книгами. Я покорно стоял, пока грубые руки похлопывали меня по бокам, ощупывали бедра, скользили вверх-вниз по ногам. Водитель открыл пакет и достал верхние три книжки в бумажных обложках. Он перелистал их почти сердито, швырнул обратно и извлек из пакета книгу побольше, в переплете. Он показал ее

остальным. Это был не Даррелл. Человек в хаки бросил ее обратно, завернул пакет и отдал мне, не говоря ни слова.

Я остался на месте. Ко мне возвращалась способность дышать.

Капалика в черном махнул фонариком, и я последовал за ним по еще одной короткой лестнице, а потом направо, по узкому проходу. Он открыл дверь, и я вошел.

Комната была не больше той, где мы встретились в первый раз, но здесь не было штор. Керосиновая лампа стояла на деревянной полке рядом с фарфоровой чашкой, деревянными мисками, несколькими книгами и бронзовой статуэткой Будды. Странно, что воплощение Кали держит у себя изображение Будды.

На полу рядом с низким столиком, сгорбившись и скрестив ноги, сидел Дас. Он изучал тонкую книжечку, но поднял взгляд при моем появлении. Более яркий свет делал его недуг еще очевиднее. - А, мистер Лузак.

- Это я, мистер Дас.

- Очень любезно, что вы пришли еще раз. Я оглядел комнатушку. Открытая дверь сзади вела в темноту. Откуда-то доносился запах ладана. Я едва слышал нестройное бречание ситара.

- Это книги? - спросил Дас, сделав, неуклюжий жест замотанными в тряпки руками.

- Да.

Я опустил на колени на деревянный пол и положил пакет на столик.

Жертвоприношение. Фонарь зашипел. Зеленовато-желтый свет освещал чешуйчатые пятна разложения на правой щеке поэта. Глубокие борозды на голове казались белыми в сравнении с темной кожей. Стустки слизи закрывали изуродованные ноздри Даса, и свист его дыхания отчетливо слышался на фоне шипения лампы.

- А-а-а, - вздохнул Дас. Он почти благоговейно положил руки на мятую бумагу. - Книжная торговля Мэнни. Да, мистер Лузак, когда-то я был хорошо с ним знаком.. Как-то во время войны я продал Мэнни свое собрание романтической поэзии, поскольку не хватало денег на жилье. Он отложил книги до тех пор, пока я не смог выкупить их через несколько лет;

Большие, влажные глаза Даса вновь остановились на мне. И я в очередной раз невольно испытал потрясение от застывшего в них сознания боли.

- Вы принесли мне Эдвина Арлингтона Робинсона?

- Да, - ответил я. Голос мой дрожал, и я резко прокашлялся. - Не уверен, что ставлю его столь же высоко, как вы. Возможно, вы измените свое мнение. Его "Ричард Кори" недостоин поэта. Здесь нет надежды.

- Иногда надежды нет, - прошептал Дас.

- Хоть немного надежды есть всегда, мистер Дас.

- Нет, мистер Лузак. Иногда остается только боль. И покорность перед болью. Да, возможно, неприятие мира, требующего такой боли.

- Неприятие есть одна из форм надежды, разве не так, сэр?

Дас долго смотрел на меня. Потом он бросил быстрый взгляд в сторону затемненной задней комнаты и поднял книгу, которую читал.

- Это вам, мистер Лузак.

Он положил ее на столик, чтобы мне не пришлось брать ее из его рук.

Книга была старая, тонкая, в красивом переплете, с толстыми, тяжелыми пергаментными листами. Я провел рукой по тисненому матерчатому переплету и раскрыл ее. Тяжелые листы не пожелтели и не стали хрупкими от возраста. Корешок не приобрел жесткости. Все в этом тонком томике говорило о мастерстве и бережном отношении.

Некоторые из стихов были на бенгальском, другие - на английском. Стихи на английском я узнал сразу. Длинная надпись на форзаце была на бенгальском, но та же самая рука нанесла заключительные слова на английском: "Юному Дасу, самому многообещающему, из моих "Избранных Восьми". С любовью..." Подпись была неразборчива, но я видел ее недавно под стеклом, торопливо нацарапанную под речью нобелевского лауреата. "Рабиндранат Тагор, март 1939".

- Я не могу принять это, сэр.

Дас лишь посмотрел на меня. В его древнем, вневременном взгляде застыла печаль, но теперь его озаряла целеустремленность, которой я до этого не замечал. Он смотрел на меня, и я больше не стал спорить.

Дрожь прокатилась по телу поэта, и я понял, какие усилия требовались от него для сосредоточенного разговора. Я поднялся, чтобы уйти.

- Нет, - прошептал Дас. - Ближе.

Я опустился на одно колено. От распадающейся плоти несчастного исходила вонь. У меня у самого по коже побежали мурашки, когда я наклонился, чтобы лучше слышать.

- Сегодня, - заскрежетал он, - я говорил о власти. Все насилие есть власть. Она - именно такая власть. Она не знает пределов. Время ничего не значит для Нее. Боль для Нее имеет сладкий запах жертвы. Сейчас Ее время. Ее песня не имеет конца. Ее время прошло еще один круг.

Он перешел на бенгали, потом - на ломаный французский, потом заговорил на хинди. Он бредил. Глаза смотрели куда-то в пространство, а болезненный, свистящий поток слов уходил в пустоту.

- Да, - печально сказал я.

- Насилие есть власть. Боль есть власть. Сейчас Ее время. Вы видите? Разве вы не видите?

Он сорвался на крик. Я хотел успокоить его, прежде чем ворвутся капли, но мог лишь стоять, преклонив колено, и слушать. Огонь в лампе потрескивал в такт его возбужденному шипению.

- Центр не может выдержать. На мир выпущена чистая анархия! Песнь Ее только началась...

Старик подался вперед, из его источенных легких вырывалось хриплое дыхание. Потом он, казалось, пришел в себя. Дикое, рассеянное выражение глаз сменилось страшной усталостью. Изъеденная проказой рука поглаживала стопку книг на столе, словно кошку. Заговорил он уже спокойным, почти будничным голосом.

- Знайте, мистер Лузак: это век невыразимого. Но есть деяния за пределами невыразимого.

Я взглянул на него, но Дас на меня не смотрел. Он вообще не смотрел на какой-либо предмет в комнате.

- Мы всегда были способны совершать невыразимое, - прошептал он. - Она же способна совершать немыслимое. Теперь мы вольны следовать.

Дас замолчал. Слюна смачивала его подбородок. Теперь я знал, что он повредился в рассудке. Тишина растянулась на несколько минут. Наконец, ценой больших усилий, ему удалось вывести себя из этого состояния, и он сосредоточил взгляд на мне. Гниющий обрубок руки, замотанной в грязные, прелые тряпки поднялся в благословляющим жесте.

- Ступайте. Теперь ступайте. Идите же. Меня отчаянно трясло, когда я шаткой походкой вышел в коридор. Лучи фонарей вспыхнули в темноте мне навстречу. Грубая рука забрала у меня томик Тагора, повертела, отдала обратно. Сжав книгу обеими руками, я пошел за кругом света по лабиринту коридоров и лестниц.

Мы были уже рядом с открытой дверью, я уже видел машину и ощущал запах дождя, как вдруг грянули выстрелы. Два отрывистых хлопка, почти одновременных, прозвучавших категорически и бесповоротно.

Четверо сопровождавших остановились, заорали что-то друг другу на бенгали и взбежали обратно по лестнице. На несколько секунд я остался один у открытой двери. Я безучастно смотрел в темноту и дождь. Я онемел, не веря происходящему, боясь действовать, почти утратив способность думать. Потом по ступенькам слетел коренастый в хаки, схватил меня за рубашку на груди и поволок наверх с другими бегущими людьми.

От лампы по-прежнему исходил холодный белый свет. Лучи фонарей прыгали и сходились в одну точку. Меня выпихнули вперед, заставив протолкнуться меж чьих-то плечей, через кольцо шума в центр тишины.

Дас, казалось, положил голову на стол. Маленький хромированный пистолет, крепко зажатый в левой руке, был непристойно всунут в разбухший рот. Один глаз был почти закрыт, а второй, на месте которого виднелся только белок, вздувался, словно в разнесенном черепе продолжало накапливаться огромное давление. Темная кровь, непрекращающимся потоком вытекающая изо рта, ушей, ноздрей, уже образовала целую лужу. В воздухе витал запах ладана и пороховой гари.

Раздавались резкие возгласы. В комнате было человек восемь-девять, еще больше собралось в темном коридоре. Кто-то орал. Другой из присутствовавших, разведя руками, случайно ткнул меня в грудь. Человек в хаки протянул руку и вырвал пистолет из сомкнутых челюстей Даса, сломав у него при этом передний зуб. Он помахал окровавленным пистолетом и испустил высокий, тонкий вопль, который в равной степени мог быть и молитвой, и проклятием. В комнату натолкалось еще больше народу.

Это не наяву. Я почти ничего не ощущал. В ушах у меня стоял громкий гул. Толкотня вокруг казалась чем-то далеким, не имеющим ко мне отношения.

Вошел еще один человек - пожилой, лысый, в простом крестьянском дхоти. Однако простота его обличья не соответствовала той почтительности, с которой расступилась перед ним толпа. Он на секунду взглянул на тело Даса, потом коснулся головы прокаженного мягко, почти благоговейно, так же, как поэт касался подаренных мной книг. Затем он обратил взгляд своих черных глаз в мою сторону и что-то негромко сказал толпе.

Чужие пальцы вцепились в мою рубашку и руки, и меня поволокли в темноту.

Не знаю, сколько я просидел в пустой комнате. Из-за двери доносились какие-то звуки. Небольшая масляная лампа давала мне свет. Сидя на полу, я пытался думать об Амрите и ребенке, но не мог. Я ни на чем не мог сосредоточиться. Болела голова. Через некоторое время я взял оставленную мне книгу и прочитал несколько стихов Тагора на английском.

Потом вошли трое мужчин. Один из них протянул мне маленькую чашку и блюдце. Я увидел поднимающийся от темной поверхности чая пар.

- Нет, спасибо, - сказал я и вернулся к чтению.

- Пей, - произнес коренастый.

- Нет.

Человек в хаки взял меня за левую руку и одним движением кисти вверх сломал мне мизинец. Я закричал. Книга упала на пол. Я схватил покалеченную руку и стал раскачиваться от боли. Мне снова протянули чай.

- Пей.

Я взял чашку и отпил. Горький чай обжег мне язык. Я закашлялся, выплеснув часть жидкости обратно, но все трое продолжали смотреть, пока я не допил. Мой отогнутый назад мизинец выглядел почти комично, но по кисти и руке к основанию шеи катилась огненная волна, Кто-то забрал у меня чашку, и двое вышли. Коренастый ухмыльнулся и потрепал меня по плечу как ребенка. Затем ушел и он, оставив меня одного с горьким привкусом чая и малодушия во рту.

Я попробовал вправить палец, но от одного только прикосновения к нему у меня вырвался крик, и я чуть не потерял сознание. Я покрылся потом, кожа стала холодной и липкой. Правой рукой я поднял книгу, открыл ее на той странице, где читал, и попытался сосредоточиться на стихотворении о случайной встрече в поезде. Я все еще слегка раскачивался, постанывая от боли.

Горло горело от чего-то, намешанного в чай. Через несколько минут слова на странице странным образом уехали влево и исчезли полностью.

Я попытался подняться, но именно в эту секунду масляная лампа ослепительно вспыхнула и погасла, оставив темноту.

Темнота. Боль и темнота.

Боль перенесла меня из моей собственной уютной темноты во мрак не столь милосердный, но не менее полный. Я лежал, судя по ощущениям, на холодном каменном полу. Не было ни малейшего проблеска света. Я сел и тут же громко вскрикнул от боли, пронзившей левую руку. С каждым ударом сердца тупая боль все нарастала.

Я пошарил кругом правой рукой. Ничего. Холодный камень и горячий сырой воздух. Мои глаза еще не привыкли к темноте. В такой полной тьме я оказался лишь однажды, когда лазил с приятелями по пещерам в Миссури - в тот раз мы одновременно погасили наши карбидные лампы. Эта темнота вызывала клаустрофобию, раздавливала. Я застонал при внезапной мысли. Вдруг меня ослепили ?

Но веки на ощупь были в порядке. Нигде на лице не ощущалось боли; оставалось лишь тошнотворное головокружение после чая. Нет, спасибо, сказал я тогда. Я хихикнул, но тут же подавил, пока мог, эти дурацкие звуки.

Я пополз, бережно прижимая к груди левую руку. Пальцами я нащупал стену - гладкая кладка или камень. Я в подземелье?

Когда я поднялся на ноги, головокружение усилилось. Я припал к стене, приложившись щекой к ее холодной поверхности. Одного прикосновения было достаточно, чтобы убедиться, что они оставили на мне мою собственную одежду. Я решил обшарить карманы. В карманах рубашки была квитанция авиакомпании, одна из двух записных книжек, что поменьше, фломастер и комочки глины от камня, который я клал сюда. Карманы брюк содержали ключ от номера, бумажник, мелочь, клочок бумаги и спички, которые мне дала Амрита.

Спички!

Я заставил себя удерживать книжечку спичек дрожащей левой рукой, пока зажигал, прикрывал и поднимал спичку.

Комната оказалась нишей: три капитальные стены и черная штора. Во мне нарастало ощущение уже виденного. Я успел приподнять край шторы и почувствовать за ней еще более обширную темноту, прежде чем спичка погасла, опалив мои пальцы.

Я ждал, прислушивался. Потoki воздуха обдували лицо. Я не решился зажигать еще одну спичку на тот случай, если кто-то поджидал меня в большем помещении снаружи.

На фоне собственного неровного дыхания я слышал тихий, шелестящий звук. Дыхание великана. Или реки.

Проверяя пол впереди себя ногой, я проскользнул через тяжелую ткань и выбрался в огромное, открытое пространство. Я ничего не видел, но чувствовалось, что оно огромное. Воздух здесь казался более прохладным и перемещался беспорядочными потоками, донося до меня аромат ладана и чего-то более крепкого, насыщенного и густого как запах пролежавших неделю отбросов.

Я передвигался маленькими шажками, осторожно водя перед собой правой рукой, и старался не вспоминать образы - очищенные от напевного английского, - которые все равно лезли в голову. Пройдя двадцать пять шагов, я ни на что не наткнулся. Капалики могли вернуться в любую секунду. Они и сейчас могли находиться здесь. Я побежал. Я несея в темноте без оглядки, открыв рот, прижимая к груди левую руку.

Что-то ударило меня по голове. Перед глазами у меня пошли разноцветные круги, и я упал, ударился о камень, снова упал. Приземлился я на левую руку и завопил от боли и сотрясения. Книжечка со спичками выскользнула из пальцев. Я встал на колени и начал отчаянно шарить вокруг, не обращая внимания на боль, ожидая в любой момент второго удара.

Моя правая рука нащупала картонный квадратик. Меня так трясло, что первую спичку я зажег только с третьей попытки. Я посмотрел вверх.

Я стоял на коленях у основания статуи Кали. Головой я ударился о ее нижнюю, опущенную руку. Я моргнул, потому что в глаз с правой брови стекла струйка крови.

Я поднялся, несмотря на страшное головокружение. Я не мог стоять на коленях перед этим созданием.

- Ты меня слышишь, сука? - громко сказал я темному каменному лицу в четырех футах надо мной. - Я не стою перед тобой на коленях. Ты слышишь меня?

Пустые глаза даже не смотрели в мою сторону. Зубы и язык напоминали ужасы из детских комиксов.

- Сука, - сказал я, и спичка догорела.

Я побрел с невысокого помоста, подальше от идола в черную пустоту. Через десять шагов я остановился. Теперь нет смысла обшаривать темноту. Времени было в обрез. Я зажег спичку и держал ее, пока не вытащил квитанцию. Мой маленький факел высветил круг радиусом метров пять, когда я поднял его над собой, чтобы поискать вокруг дверь или окно. Я застыл, пока горящая бумага не обожгла мне пальцы.

Статуя исчезла.

Пьедестал и помост, на котором она стояла, были пустыми. Что-то скреблось и царапалось за пределами угасающего света. Слева наблюдалось какое-то движение, а потом я уронил горящую бумагу, и темнота вернулась.

Я зажег следующую спичку. Ее хилый огонек еле освещал меня. Я вытащил записную книжку из кармана рубашки, вырвал несколько листов зубами и поменял руки. Спичка догорела. Не далее чем метрах в трех от меня послышался какой-то звук.

Еще одна спичка. Я выплюнул смятые листочки, опустился на колени и поднес к ним язычок пламени, прежде чем угас голубоватый огонек. От маленького костра распространился свет.

Существо застыло на середине движения, скрючившись на шести конечностях, словно громадный безволосый паук, но пальцы на этих конечностях шевелились и извивались. Лицо на изогнутой шее было обращено в мою сторону. Груды свисали, будто яичники на брюхе у насекомого.

Ты не настоящая.

Кали разомкнула губы и зашипела на меня. Рот у нее широко открылся. Алый язык выполз наружу на пять дюймов, на десять; он раскатывался как красный, тающий воск, пока не коснулся пола, где кончик его завернулся, будто змея в охотничьей стойке, и стремительно заскользил по каменному полу ко мне, Тогда я закричал. Я закричал снова и бросил в огонь остатки записной книжки. Потом я поднял горящую картонку и шагнул навстречу шипящему кошмару.

Язык метнулся наискось, чуть не зацепив мою ногу, и чудовище попятилось назад на шести согнутых конечностях, пока не исчезло в темноте за пределами неверного света. Записная книжка уже жгла мне пальцы. Я отшвырнул догорающий факел в направлении скребущих звуков, повернулся и побежал в другую сторону.

Я бежал во всю мочь, ничего не видя, ничего не ощущая, прижав руки к туловищу, и если бы не зажег еще одну спичку на бегу, я врезался бы головой прямо в стену. Но я все равно столкнулся с ней и закричал, когда спичка погасла. Я развернулся, одновременно чиркая другой спичкой. Справа от меня холодно светились глаза. Слышался звук, напоминавший кошачье рыгание.

Я прижался спиной к деревянной стене. Если бы там была какая-нибудь занавеска, хоть что-нибудь легковоспламеняющееся, я бы тогда устроил поджог. Лучше сгинуть в ослепительном пламени горящего здания, чем дрожать в темноте наедине с этим.

Я скользил по стене влево, зажигая спичку за спичкой, пока не осталось лишь несколько штук. Глаза больше не показывались. Покалеченной рукой я нащупывал доски, щепки, гвозди, но только не дверь и не окно. Скребущие звуки слышались отовсюду, хрящи царапали по камню и дереву. Головокружение стало еще сильнее, я еле держался на ногах.

Должен же здесь быть выход.

Я остановился, поднял вверх скрученную спичку, сделал вдох и зажег все оставшиеся. Короткая, яркая вспышка высветила в трех футах у меня над головой очертания окна. Стекла уцелели, но были замазаны черным. Свет погас, когда умирающее пламя ущипнуло мои пальцы.

Бросив догорающую картонку, я присел и прыгнул. Оконная рама была утоплена, и пальцами я нащупал ручку. Ногами я засучил по гладкой стене, пытаясь найти опору. Каким-то образом мне удалось опереться локтем об узкий подоконник, коснувшись щекой затемненного квадрата стекла. Я старался удержать равновесие, руки у меня неодолимо тряслись, и я готовился разбить предплечьем закрашенное стекло.

Что-то схватило меня за ноги. Моя рука опустилась всем весом на сломанный палец, и в следующее мгновение я непроизвольно дернулся, откинулся назад, потеряв ненадежное равновесие, и соскользнул по стене, растянувшись на твердом полу.

Темнота была абсолютной.

Я поднялся на колени и тут ощутил рядом чье-то присутствие.

Четыре руки сомкнулись на мне.

Четыре руки грубо подняли меня и понесли.

Душа не отлетает сразу же после смерти, но, скорее, следит за развитием событий примерно так же, как мог бы смотреть посторонний наблюдатель.

Слышались отдаленные голоса. По моим векам ударил свет и пропал. Холодные дождевые капли падали мне на лицо и руки.

Дождь?

Снова голоса, на этот раз спорившие на повышенных тонах. Где-то затарахтел двигатель машины, забарабанили выхлопные газы. Под колесами захрустела щебенка. Я ощущал боль во лбу, нестерпимо ныла левая рука, а нос страшно чесался.

Смерть не может быть такой.

Четырехцилиндровый двигатель очень сильно шумел. Я попытался осмотреться, но обнаружил, что правый глаз не открывается. Он был наглухо запечатан залекшейся кровью из рассеченной брови.

Рука идола.

Слегка приоткрыв левый глаз, я увидел, что меня поддерживает - почти тащит - коренастый в хаки и еще один капалика. Несколько других, в том числе и лысый, оживленно переговаривались под дождем.

Можешь снова заснуть. Нет!

Дождь, боль в руке и невыносимый зуд не дали мне снова по темному склону скатиться в беспамятство.

Один из поддерживавших повернулся ко мне, и я быстро закрыл глаз, но перед этим успел заметить зеленый фургон с помятой дверцей со стороны водителя, с выбитым задним стеклом. Болезненное чувство узнавания окатило меня.

Мужчины продолжали спорить, срываясь на визг. Я слушал, словно вдруг стал понимать бенгали. Я не сомневался, что они обсуждают, куда деть мое тело после того, как выполнят относящиеся ко мне распоряжения лысого.

В конце концов человек в хаки что-то пробурчал и вместе с другим капаликой потащил меня к фургону. Мои ноги волочились по гравию. Они бросили меня в безвоздушное пространство кузова. Головой я стукнулся сначала о борт грузовика, а затем - о металлический пол. Я осмелился приоткрыть глаз на время, достаточное для того, чтобы увидеть, как коренастый и другой капалика забираются в машину сзади, а еще один запрыгивает слева на место пассажира. Водитель повернулся и о чем-то спросил. Коренастый резко ткнул меня в бок. У меня перехватило дыхание, но я не шелохнулся. Капалика рассмеялся и сказал что-то, начинавшееся со слова "Нэй".

Твой долг растет, жирная свинья.

Злость помогла. Ее обжигающее пламя очистило рассудок и разогнало наполнявший меня туман страха. И все же, когда фургон тронулся и через металл до моего слуха донесся хруст щебенки, я совершенно не знал, что делать. Подобные эпизоды я видел в бесчисленных фильмах, в которых герой после жестокой схватки одолевает своих похитителей.

Я не мог драться с ними.

Я сомневался, смогу ли я сесть без посторонней помощи. И причиной моей слабости было не только то зелье, что они подмешали в чай. Меня уже покалечили. Я не хотел" чтобы они нанесли мне еще какие-нибудь увечья. Мое единственное оружие - продолжать симулировать бессознательное состояние и молиться, чтобы это позволило мне выиграть еще несколько минут, прежде чем они снова начнут меня калечить.

Он сломал мне палец. Я еще ни разу ничего не ломал. Даже в детстве. По этому поводу я даже испытывал некоторую гордость, как и за отличную посещаемость в школе. И вот этот потный сучий сын сломал мне палец, приложив не больше усилий, чем мне потребовалось бы для того, чтобы повернуть ручку на телевизоре. Именно полное равнодушие, с каким это было сделано, убедило меня, что эти люди не собираются просто высадить меня где-то, чтобы я сам добирался до гостиницы.

Все насилие есть осуществление власти, мистер Лузак.

Я бы стал умолять их отпустить меня, если бы меня не удерживал сильнейший страх. Меня сковывала туманная неопределенность их дальнейших действий; но где-то, сразу же за сумятицей путаных мыслей, таилось осознание того, что, пока их гнев сосредоточен на мне, Амриту и Викторию оставят в покое. Поэтому я ничего не говорил, ничего не предпринимал. Проста" валялся в горячей темноте, вдыхал запах сухого дерьма и старой блевотины, слушал оживленную болтовню и сморкания четырех капаликов и благословлял каждую драгоценную секунду, проходившую без дополнительной боли.

Фургон разогнался и уже на приличной скорости выскочил на мощный участок улицы. Несколько раз звуки от выхлопных газов отдавались эхом, словно мы проезжали между зданиями. Иногда я слышал рев грузовиков, а один раз даже удалось украдкой увидеть пробегающие по внутренним стенкам фургона прямоугольники света от фар встречной машины. Секунду спустя капалика в хаки тихо, насмешливо сказал мне что-то по-бенгальски. Сердце у меня начало колотиться.

Потом мы остановились. Тормоза взвизгнули, и другой капалика в кузове, которого швырнуло вперед, сердито закричал. Наш водитель проорал в ответ какое-то ругательство и несколько раз резко хлопнул по кнопке сигнала. Снаружи в ответ донесся крик. Послышался удар кнута, за которым последовал сердитый рев быка. Ругаясь, на чем свет стоит, водитель налег на клаксон.

Через минуту я услышал, как открываются передние двери фургона, и водитель вместе с сидевшим впереди капаликой выскочили из машины, костеря какое-то препятствие на дороге. Третий капалика протиснулся вперед, тоже выбрался наружу и присоединился к невидимой перебранке. Теперь в фургоне со мной оставался лишь коренастый в хаки.

Это мой шанс.

Я знал, что надо действовать, но этого было недостаточно, чтобы заставить меня действовать. Я знал, что мне нужно метнуться к открытой двери, наброситься на сидевшего на корточках рядом со мной человека. Что-нибудь делать. Но хотя я почему-то не сомневался, что это станет моим последним шансом добиться внезапности, последней возможностью бежать, я никак не мог воплотить свои мысли в поступки. Мне казалось, что только лежа здесь, я гарантирую себе еще несколько минут без столкновений. Без новой боли. Без смерти.

Вдруг задняя дверь с грохотом распахнулась. Коренастый получил мощный толчок в бок и завалился на пол. Чья-то рука схватила меня за локоть и грубо подняла в сидячее положение. Мои ноги вывалились наружу, я зажмурился от боли, и корочка запекшейся крови на правом глазу лопнула.

- Пошли! Вставайте! Быстро!

Голос принадлежал Кришне. Это и был Кришна собственной персоной с растрепанными волосами, с острыми зубами, оскаленными в веселой, маниакальной ухмылке. И именно худая правая рука Кришны заставила меня выпрямиться и поддержала, когда я чуть не грохнулся лицом вперед.

- Нахин! - заорал капалика и выпрыгнул из фургончика. Он был раза в два шире Кришны, и лицо его перекошилось от ярости. - Муте!

Кришна выбросил вверх жестом регулировщика, останавливающего поток машин, выпрямленную левую руку. Жесткое, как кирпич, основание ладони пошло навстречу лицу приближающегося капалики. Нос коренастого сплюснулся, как раздавленный банан. Он вскрикнул и, отброшенный назад, врезался головой в заднюю дверцу фургона, рухнул на колени и стал заваливаться вперед. Так и поддерживая меня правой рукой, Кришна стремительно поднял левую ногу по крутой траектории, закончившейся, когда его голень столкнулась с горлом коренастого в районе кадыка.

Раздался звук лопнувшей пластмассы, и крик капалики резко оборвался.

- Пошли! Быстрее!

Кришна поволок меня за собой, рывками заставляя держаться прямо, когда я начинал заваливаться набок. Я ковылял со всей возможной быстротой, пытаюсь обрести равновесие на ногах, которых совершенно не ощущал. Я оглянулся через плечо на поверженного капалику, на фургон с распахнутыми словно крылья дверцами, на запряженную быками повозку, перегородившую перекресток и узкую улочку. Рядом с повозкой стояли, застыв на месте, трое капаликов. Несколько секунд они ошарашенно смотрели на нас, а потом побежали в нашу сторону, что-то крича и жестикулируя. У одного из них в руке уже виднелось нечто, напоминающее длинный нож. Быки вместе со скрипучей повозкой исчезли в темноте.

- Бежим! - закричал Кришна.

Он так потянул меня за собой, что у меня треснула рубашка. Размахивая руками, я полетел головой вперед и чуть не упал, но Кришна ухватился за мою разорванную рубаху на спине и дернул меня вверх.

Мы побежали налево в совершенно темный переулок, потом снова повернули налево, в залитый светом фонарей двор. Когда мы вошли в открытую дверь, на нас изумленно уставилась какая-то старуха. Кришна отвел в сторону занавеску из бус, и мы побежали к заднему ходу, перепрыгивая через фигуры спящих людей, лежавших на полу темной комнаты.

Когда мы выскочили в очередной двор, позади нас послышались крики и вопли. Как только мы нырнули еще в один узкий проход между зданиями, в темном дверном проеме появились трое капаликов. Отбросов здесь было по щиколотку, и нам пришлось бежать, поскользываясь, подпрыгивая и разбрызгивая жижу. Даже тут сидели на корточках завернувшиеся в простыни молчаливые фигуры, сбившиеся в кучу из-за воды, все еще стекавшей с крыши и скапливавшейся в углублениях почвы. Кришна буквально перепрыгнул через костлявые колени скрюченной фигуры, больше напоминавшей труп, чем живого человека.

Я не мог угнаться за Кришной, и когда мы пробежали два пролета деревянной лестницы, я упал на колени прямо на неосвещенной площадке, хватая ртом воздух. Во дворе внизу перекрикивались капалики.

Кришна втолкнул меня в распахнутую дверь. В комнате у открытого огня или прислонившись спиной к потрескавшимся доскам стены сидели на корточках с десяток людей. В середине комнаты обвалилась часть потолка, и на образовавшейся в результате куче штукатурки и камня они и разожгли свой костер. По стенам и просевшему потолку струился дым.

Кришна прошипел короткую фразу, из которой" как мне показалось, я разобрал слово "Кали". Никто не поднял на нас глаза; все продолжали смотреть на невысокие языки пламени.

На лестнице послышались звуки шагов. Кто-то закричал. Крепко схватив за локоть, Кришна повел меня в маленькую комнатку, в которой не было ничего, кроме нескольких бронзовых горшков и статуэтки Ганеши. Открытое окно выходило на узенькую улочку между зданиями.

Кришна шагнул к окну и прыгнул. Я встал на невысокий подоконник и застыл в замешательстве. Между зданиями было не больше пяти футов. До земли, невидимой в темноте, было по крайней мере футов двадцать. Я услышал хлюпающий звук в том месте, куда приземлился Кришна, и больше ничего. Я знал, что не смогу прыгнуть в этот беспросветный провал.

Вдруг я услышал вопли капаликов от входа в предыдущую комнату. Взвизгнула женщина. Прижав к себе левую руку, я прыгнул.

Отбросов на месте моего приземления было футов на семь-восемь. Я вошел туда по бедра и завалился набок во что-то мягкое и мерзкое. Вдоль стен с писком разбежались крысы. Я ничего не видел. По мере того как я пытался продвинуться вперед в этом узком пространстве, ноги мои с чавканьем увязали все глубже. Опустившись в податливую, зловонную массу по живот, я начал панически метаться в разные стороны.

- Тс-с-с.

Кришна схватил меня за плечи и придержал, чтобы я не дергался. Тусклый прямоугольник света наверху перекрыл силуэт мужчины, высунувшегося из окна. Потом он снова скрылся в комнате.

- Быстрее!

Кришна схватил меня за руку, и мы побрели по вонючей канаве. Оттолкнувшись от стены, я попытался плыть сквозь мягкие отбросы. В поисках опоры мы цеплялись за руки друг друга, но это было все равно что пробираться по пояс в иле.

Вдруг позади нас, из окна, откуда мы только что выпрыгнули, кто-то высунул горящую доску и бросил ее в грязь переулка. Доска разок подскочила, плюхнулась снова, и от нее начали тлеть какие-то засаленные тряпки. Мы с Кришной застыли. Хоть мы и не могли выглядеть иначе, чем пара теней среди окружавших нас груд отбросов, но один из капаликов показал в нашу сторону и что-то крикнул остальным.

Не знаю, прыгнул ли человек с ножом сам или его вытолкнули, но он вскрикнул, упав неподалеку от нас. Факел уже начинал угасать среди сырости и человеческих нечистот, но света от него и горящих тряпок еще хватало, чтобы разглядеть сотни лохматых, извивающихся существ - некоторые размером с кошку, - спасающихся от дыма, переваливающихся через кучи отбросов в нашу сторону.

По телу у меня пошли волны отвращения. Я не знал, что такая реакция возможна физически. Кришна прыгнул обратно в ту сторону, откуда мы пришли. Капалика поднимался как ныряльщик на поверхность бассейна. Он размахивал руками, а в правой у него поблескивала сталь. Огонь уже полностью погас, и Кришна, приближавшийся к капалике, смотрелся всего лишь тенью. Их хрипы были еле слышны на фоне нарастающего пронзительного визга разбегающихся крыс. Жирные, влажные тушки касались моих голых рук, и тогда меня вырвало, вывернуло в зловонную темноту.

Двое капаликов наверху перегнулись из окна, пытаясь что-нибудь разглядеть, но переулок снова погрузился почти в абсолютную тьму. Мне казалось, что я вижу Кришну и того, другого, передвигающихся неловкими толчками, словно двое неуклюжих танцоров в замедленной съемке. Отлетели искры, когда рука капалики с ножом несколько раз ударила о кирпичную стену. Потом мне показалось, что я вижу Кришну сзади от соперника, что он оттягивает его длинные волосы и вдавливая лицом в податливую массу. Я сощурился в темноту и уже решил, что вижу, как Кришна упирается коленом в изгибающуюся спину капалики, заставляя его погружаться все глубже, глубже..., но тут Кришна появился рядом, волоча меня за собой, увлекая подальше от окна.

Двое капаликов исчезли из тусклого прямоугольника над нами. Наши движения были ужасно медленными, как в кошмарном сне. Как только один из нас увязал, так тут же использовал тело другого в качестве опоры, чтобы выбраться.

Я преодолел уже большую часть переулка, как вдруг меня снова затошнило от неожиданной мысли. Впереди света не было. Что, если мы ошиблись и идем к какой-нибудь кирпичной стене, в тупик?

Оказалось, что нет. Еще пять трудных шагов, переулок резко повернул направо, и слой отбросов уменьшился. Еще пятнадцать шагов - и мы вышли.

Пошатываясь, мы выбрали на мокрую, пустую улицу. Разбегавшиеся в панике крысы касались наших ног, подскакивали, разбрызгивали воду в заполненных канавах. Я огляделся по сторонам, но не увидел ни малейших признаков двух оставшихся капаликов.

- Быстрее, мистер Лузак, - прошипел Кришна.

Мы перебежали улицу, торопливо пересекли тротуар с вывороченными плитами и растворились в густой тени под провисшими металлическими навесами. Мы бежали от лавки к лавке. Иногда в мокрых дверных проемах попадались фигуры спящих, но никто нас не окликнул, никто не пытался нас задержать.

Мы свернули на другую улицу, потом проскочили по короткому переулку и оказались на еще более широкой улице, по которой только что проехал грузовик. Здесь были фонари, а из многочисленных окон лился электрический свет. Над нами на ветру трепыхался красный флаг. До меня доносился шум машин с близлежащих улиц.

Мы остановились на минуту в темном дверном проеме забранной решетками и жалюзи лавки. Мы оба тяжело дышали, согнувшись от боли и изнеможения, но на узком лице Кришны я увидел все то же сияющее, кровожадно-радостное выражение, что и в автобусе в ночь прилета. Он прервал молчание, глубоко вдохнул и выпрямился.

- Теперь я вас покидаю, мистер Лузак, - сказал он. Я смотрел на него. Сложив пальцы лодочкой, он слегка поклонился и, повернувшись, направился прочь.

Его сандалии тихо чмокали по лужам.

- Подождите! - окликнул я его. Он не оглядывался. - Одну минуту. Эй!

Он уже почти скрылся в тени. Я шагнул в бледный круг света от фонаря.

- Остановитесь! Санджай, остановитесь! Он застыл на месте. Потом повернулся и медленно сделал два шага в мою сторону. Его длинные пальцы, казалось, судорожно подергиваются.

- Что вы сказали, мистер Лузак?

- Санджай, - повторил я, но на этот раз почти шепотом. - Ведь я не ошибаюсь, да?

Он стоял, имея вид эдакого василиска со спутанным венцом темных волос, служивших обрамлением страшного взгляда. Потом у него на лице появилась улыбка, становившаяся все шире, пока не переросла в нечто худшее, чем акулий оскал. Это была ухмылка голодного вурдалака.

- Я ведь не ошибся, Санджай? - Я замолчал, чтобы перевести дыхание, не зная, что сказать дальше.

Но мне нужно было что-то сказать - хоть что-нибудь, - чтобы припугнуть его. - Какую игру вы ведете, Санджай? Что происходит, черт возьми?

Он не шевелился несколько секунд, и я почти ожидал безмолвного броска, тянувшихся к моему горлу длинных пальцев. Вместо этого он откинул голову и рассмеялся.

- Да-да, - сказал он. - Есть много игр, мистер Лузак. Эта игра еще не закончена. До свидания, мистер Лузак.

Он повернулся и быстро зашагал в темноту.

Глава 14

Калькутта - ужасный камень в моем сердце.

Суниль Гангопадхьей

Если бы я поймал такси раньше... Если бы я поехал прямо в гостиницу...

До гостиницы я добирался около часа. Поначалу я брел от улицы к улице, стараясь держаться в тени, застывая на месте, как только видел, что ко мне кто-то приближается. В

одном месте я пробежал через пустой двор, чтобы попасть на широкий проспект, с которого доносился шум машин.

Из темного прохода навстречу мне вышел человек. Я завопил, отскочил назад, инстинктивно подняв кулаки. Я вскрикнул еще раз, когда мой мизинец попробовал согнуться с остальными пальцами левой руки. Человек - старик в лохмотьях с красной банданой вокруг головы - отшатнулся, одновременно произнес "Баба", и сам испустил вопль от страха. Двор мы покидали в противоположных направлениях.

Я вышел на проспект и увидел проезжающие грузовики, рыкающие среди велосипедистов легковушки и, что больше всего порадовало, автобус, медленно кативший по улице. Я забарабанил по борту машины, страстно желая в нее забраться. Водитель только часто заморгал, когда я вывалил ему полный карман монет. Кроме положенной платы за проезд там набирался, должно быть, его заработок за несколько дней в американских деньгах.

Автобус был битком набит, и я протиснулся между стоявшими пассажирами, чтобы подыскать местечко, не так заметное с улицы. Ремней не было. Вцепившись в металлическую штангу, я повис на ней, пока автобус, раскачиваясь и гремя коробкой передач, ехал от остановки к остановке.

На некоторое время я впал в полудрему. После сверхнапряжения последних нескольких часов во мне не осталось ничего, кроме желания стоять здесь и пребывать в безопасности. Мы миновали не один квартал, прежде чем я заметил, что вокруг меня образовалось широкое пустое пространство, а остальные пассажиры смотрят на меня во все глаза.

Американца, что ли, никогда не видели? - подумал я. Потом я оглядел себя. Моя промокшая одежда неимоверно воняла отбросами, по которым мне пришлось пробираться. Рубашка была разорвана по меньшей мере в двух местах, и никто бы не догадался, что она когда-то отличалась белизной. На руках запеклась корка нечистот, а правое предплечье еще благоухало моей блевотиной. Мизинец на левой руке торчал под невыносимым углом. Судя по ощущениям в районе лба и брови, у меня там начинал проявляться заметный синяк, а засохшая кровь по-прежнему украшала бровь, веко и щеку. Нет сомнений, что мои волосы и выражение лица являли собой куда более дикое зрелище, чем даже Кришна на пике своего безумия.

- Привет, - сказал я, неуклюже махнув пассажирам. Женщины закрыли лица краями сари, а вся толпа отпрянула, пока водитель не заорал, чтобы на него не напирали.

Тут меня стукнуло. Где я оказался, черт возьми? Насколько я знал, это мог быть ночной экспресс на Нью-Дели. В любом случае очень велики были шансы, что я еду не туда, куда надо.

- Кто-нибудь говорит по-английски? - спросил я. Глазеющие пассажиры отступили от меня еще дальше. Наклонившись, я стал всматриваться в зарешеченное окно. Через несколько кварталов я увидел залитый неоновым светом фасад гостиницы или кафе. Здесь же стояли несколько черных и желтых такси.

- Стой! - закричал я. - Я здесь выйду. Я протиснулся сквозь быстро расступающуюся толпу. Водитель со скрежетом затормозил посреди улицы. Дверь отсутствовала. Толпа освободила мне проход.

Я несколько минут спорил с таксистами, прежде чем вспомнил, что бумажник остался при мне. Трое водителей лишь взглянули на меня и решили, что я не стою их времени. И

только после этого я, спохватившись, достал бумажник и повертел двадцатидолларовой банкнотой. Все трое вдруг разулыбались, стали кланяться и открыли для меня дверцы своих машин.

Забравшись в первую же машину, я произнес "Отель Оберой" и закрыл глаза. Мы помчались по лоснящимся от дождя улицам.

Через несколько минут я обнаружил, что часы все еще на мне. Циферблат было трудно разглядеть, но когда мы проезжали освещенный перекресток, я разобрал все-таки, который час. 11:28., но это невозможно! Значит с тех пор, как меня привезли на машине к Дасу, прошло всего два часа? А кажется, миновала целая жизнь. Я постучал по стеклу, но секундная стрелка передвигалась исправно.

- Быстрее! - сказал я водителю.

- Атча! - радостно откликнулся он. Ни один из нас не понял другого.

Администратор увидел, как я вхожу в вестибюль, и уставился на меня с выражением ужаса. Он поднял руку.

- Мистер Лузак!

Я помахал ему и вошел в лифт. Мне не хотелось с ним разговаривать. Прилив энергии и бездумное возбуждение сменились тошнотой, усталостью и болью. Прислонившись к стенке кабины лифта, я придержал левую руку. Что я скажу Амрите? Мозги ворочались с трудом, и я остановился на самом простом: меня ограбили. Когда-нибудь я расскажу ей все остальное. Может быть.

Несмотря на полночный час, в коридоре толпились люди. Дверь нашего номера была открыта, словно там идет гулянка. Потом я увидел портупеи на двух полицейских и знакомые бороду и тюрбан инспектора Сингха. Амрита позвонила в полицию. Ведь я сказал, что вернусь через полчаса.

Несколько человек повернули головы в мою сторону, а инспектор Сингх шагнул мне навстречу. Я начал придумывать детали ограбления - ничего настолько серьезного, чтобы продержат нас в Калькутте еще один день! - и помахал полицейскому почти беспечно.

- Инспектор! Кто сказал, что полицейского не сыскать, когда он нужен?

Сингх ничего не ответил. Затем представшая глазам сцена дошла до моего истощенного мозга. Другие постояльцы отеля толклись вокруг, глядя на открытую дверь нашего номера. Открытую дверь.

Я бросился мимо инспектора в номер. Не знаю, что я ожидал увидеть, но мое бешено колотившееся сердце стало успокаиваться, когда я обнаружил, что Амрита сидит на кровати и беседует с полицейским, который что-то строчит в блокноте.

Напряжение отпустило меня, и я привалился спиной к двери. Все было хорошо. Потом Амрита взглянула на меня, и по вымученному спокойствию ее бледного, абсолютно бесстрастного лица я понял, что все не хорошо. И, возможно, никогда хорошо не будет.

- Они забрали Викторию, - сказала Амрита. - Они украли нашего ребенка.

- Почему ты еепустила? Я же говорил тебе никого не впускать. Почему ты еепустила?

Этот же вопрос я уже задавал три раза. Амрита трижды отвечала. Я сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Руки я положил на поднятые колени. Белел торчавший

сломанный палец. Амрита сидела очень прямо на краю кровати, чопорно положив ладонь на ладонь. Инспектор Сингх устроился неподалеку на стуле с прямой спинкой, внимательно изучая нас обоих. Дверь в коридор закрыли.

- Она сказала, что принесла ткань. Она хотела ее обменять. Мы с тобой должны были улетать утром.

- Но.., о Господи, малышка... Я умолк, опустив голову.

- Ты же не сказал, Бобби, чтобы я не разговаривала с ней. Ведь я же знала Камахью. Инспектор Сингх кашлянул.

- И все-таки было очень поздно, миссис Лузак. Неужели вас это совсем не встревожило?

- Да, - ответила Амрита, повернувшись к Сингху. - Не снимая цепочки, я спросила у нее, почему она пришла так поздно. Она объяснила.., она выглядела очень смущенной, инспектор.., она объяснила, что не могла уйти из дому, пока не заснет отец. Сказала, что перед этим звонила дважды.

- А она звонила, миссис Лузак?

- Телефон звонил два раза, инспектор. Бобби говорил, чтобы я не брала трубку. Я и не брала.

Они одновременно посмотрели на меня. Я встретился с Сингхом взглядом. Смотреть в глаза Амрите я не мог.

- Вы уверены, мистер Лузак, что вам не нужна медицинская помощь? В этом заведении есть дежурный врач.

- Нет, не надо.

После первых нескольких минут, когда Сингх спросил, что со мной случилось, я выложил ему все. Вряд ли история получилась связной, но я не утаил ничего, кроме того, что именно я передал пистолет Дасу. Инспектор Сингх кивал и делал пометки у себя в блокноте с таким видом, будто подобные рассказы ему приходилось выслушивать каждый вечер.

Это не имело значения.

Он снова обратился к Амрите:

- Простите, что снова приходится к этому возвращаться, миссис Лузак, но не могли бы вы примерно определить, в течение какого времени вас не было в комнате?

Сквозь ледяную маску Амриты было видно, что ее немного трясет, и я понимал, что под внешним спокойствием кроется состояние, близкое к истерике, и горе. Мне хотелось подойти и взять ее на руки. Я не двинулся с места.

- Около минуты, инспектор. Пожалуй, даже меньше. Я разговаривала с Камахьей, когда вдруг почувствовала сильное головокружение. Я извинилась, пошла в ванную, чтобы ополоснуть лицо холодной водой, и вернулась. Все это заняло секунд сорок пять.

- А ребенок?

- Виктория... Виктория спала вон там. На кровати возле окон. Мы пользуемся.., мы используем подушки и валики в качестве.., ей нравится устраивать гнездышко, инспектор. Она любит упираться во что-нибудь головой. А когда там валик, она не скатится.

- Да, конечно.

С трудом поднявшись на ноги, я подошел к изножию кровати Амриты. Куда угодно, только бы не смотреть на другую кровать, не видеть пустого круга из подушек, бело-голубого одеяльца Виктории, все еще смятого и влажного в том месте, которое она натянула во сне на личико.

- Вы уже все это слышали, инспектор, - сказал я. - Когда вы перестанете задавать вопросы и начнете поиски.., поиски человека, укравшего нашего ребенка?

Сингх посмотрел на меня своими темными глазами. Я вспомнил боль во взгляде Даса и теперь начал понимать немного лучше, что обида может не иметь пределов.

- Мы ищем, мистер Лузак. Оповещены все подразделения городской полиции. Никто в гостинице не заметил, как уходила эта женщина. Люди на улице не помнят, чтобы видели кого-нибудь похожего с ребенком или свертком. Я послал машину по адресу, который миссис Лузак запомнила в магазине сари. Как видите, мы протянули дополнительные телефонные линии из соседних номеров, чтобы не терять связь, пока ваш номер остается свободным.

- Остается свободным? Зачем?

Сингх опустил глаза, провел большим пальцем по безукоризненной складке на своих брюках и снова посмотрел на меня.

- Для требования выкупа, мистер Лузак. Мы не должны исключать, что получение выкупа входит в планы похитителей.

- А-а-а, - протянул я и тяжело опустился на кровать. Эти слова рвали душу, словно железки с острыми краями. - Понимаю. Ясно.

Я взял руку Амриты. Ее ладонь была холодной и вялой.

- Но что вы скажете о капаликах? - спросил я. - Что, если они имеют к этому отношение? Сингх кивнул:

- Мы работаем в этом направлении, мистер Лузак. Не забывайте, что уже очень поздно.

- Но ведь я описал вам заводскую территорию, где встречался с Дасом.

- Да, и это может оказаться очень полезным. Но вы должны понимать, что в Старой Калькутте возле Хугли есть десятки подобных мест. Даже сотни, если считать еще и территории складов и доков к северу. И все они являются частной собственностью. Многими владеют иностранцы. Вы уверены, мистер Лузак, что это место было возле реки?

- Нет. Не совсем.

- А не вспомните какие-нибудь ориентиры? Названия улиц? Какие-нибудь легко узнаваемые приметы?

- Нет. Только две трубы. Там еще были трущобы...

- Были ли там какие-нибудь признаки постоянного пребывания этих людей? Любые признаки длительного проживания?

Я нахмурился. Кроме полки со скудными пожитками Даса таких признаков там не было.

- Там была статуя, - сказал я наконец. - Они использовали это место в качестве храма. Такую статую было бы непросто перевозить с места на место.

- Статуя, которая ходила? - уточнил Сингх. Если бы я уловил в его голосе хоть намек на сарказм, я бы бросился на него, несмотря на сломанный палец и все остальное.

- Да.

- Но ведь мы не знаем, что они имеют к этому отношению. Ведь так, мистер Лузак?

Придерживая левую руку, я пристально посмотрел на него.

- Она - племянница М. Даса, инспектор. Она просто не может не иметь к этому отношения.

- Нет.

- Что вы хотите сказать этим "нет"?

Сингх достал золотой портсигар. Впервые я увидел, как кто-то в реальной жизни постукивает сигаретой о портсигар, прежде чем прикурить.

- Я хочу сказать, что она не племянница М. Даса, - ответил он.

Амрита охнула, будто ее ударили. Я только хлопал глазами.

- Вы сказали, мистер Лузак, что мисс Камахья Бхарати является племянницей поэта М. Даса. По ее собственным словам, она - дочь младшей сестры Даса. Верно?

- Да.

- УМ. Даса нет сестер, мистер Лузак. Во всяком случае таких, которые бы не умерли в детстве. У него живы четыре брата, все четверо крестьяне и живут в одной деревне в Бангладеш. Видите ли, дело об исчезновении М. Даса все восемь лет находится у меня. Я хорошо осведомлен об обстоятельствах его жизни. Если бы вы упомянули о знакомстве с этой женщиной во время нашей беседы, мистер Лузак, я бы сообщил вам об этом факте.

Сингх выпустил дым и убрал с языка табачную крошку.

Зазвонил телефон.

Мы все посмотрели в его сторону. Это был один из дополнительных телефонов. Сингх взял трубку, ответил, долго слушал.

- Шукрия, - сказал он наконец. - Очень хорошо, сержант.

- Что там? - требовательно спросил я. Инспектор Сингх затушил окурки и поднялся.

- Боюсь, что нам вряд ли удастся сделать что-нибудь за ночь. Я вернусь утром. Мои люди останутся в соседних комнатах на всю ночь. Любой звонок в ваш номер будет контролироваться полицейским на коммутаторе внизу. А звонил мой сержант. В магазине Камахья Бхарати оставила, естественно, ложный адрес. За тканью она заходила сама. Всего ничего времени ушло на то, чтобы мои люди обнаружили нужный дом по номеру, который она оставила в магазине, поскольку в том месте немного зданий.

Тут он остановился в некотором замешательстве и посмотрел на меня.

- По адресу, который она дала, - сказал Сингх, - находится общественное место для стирки и территория крематория.

В течение последующих часов и дней Амрита из нас двоих оказалась куда мужественнее и сообразительнее. После ухода Сингха я так и сидел бы на кровати, если бы Амрита не взяла все в свои руки, не стянула с меня вонючую одежду и не вправила бы, как могла, сломанный палец, воспользовавшись маленьким держателем в качестве лубка. Меня снова стошнило, когда она ставила на место палец, но блевать было уже нечем, и сухие спазмы скоро бы перешли во всхлипы ярости и бессилия, если бы Амрита не затолкала меня под душ. Тепловатая вода еле текла, но ощущение было чудесным. Я стоял там с полчаса, даже задремав на некоторое время, пока вода смывала с меня бремя воспоминаний и страхов. Лишь обжигающие тоска и замешательство пробивались сквозь усталость, когда я переоделся в чистое и присоединился к безмолвной вахте Амриты.

Утро во вторник застало нас сидящими вместе, наблюдающими, как калькуттский рассвет отбрасывает тускло-серый свет в окно с открытыми шторами. С первым светом до нас донеслись звуки колоколов в храмах, звонки трамваев, выкрики уличных торговцев, беспорядочный уличный шум.

- С ней все будет хорошо, - повторял я время от времени. - Я знаю, малышка. С ней все будет хорошо.

Амрита ничего не говорила.

Ровно в 5:35 зазвонил телефон. Это был телефон нашего номера. Я ринулся к нему через комнату.

- Алло!

Мне казалось, что звуки на линии стали еще глуше, чем обычно. Я говорил словно в пещеру.

- Алло! Алло! Мистер Луза к?

- Да. Кто это?

- Алло! Это Майкл Леонард Чаттерджи, мистер Лузак.

- Слушаю вас. Уж не посредник ли ты? Имеешь ли ты, ублюдок, к этому отношение?

- Мистер Лузак, ночью ко мне приходили полицейские. Они сказали мне о пропаже вашего ребенка.

- Да?

Если он звонит, чтобы выразить сочувствие, я повешу трубку. Но речь шла не о сочувствии.

- Полиция разбудила меня, мистер Лузак. Они разбудили мою семью. Они вторглись в мой дом. Создалось впечатление, будто они считают меня каким-то образом замешанным в данное происшествие. Они допрашивали меня посреди ночи, мистер Лузак.

- Да? И что же?

- Я звоню, чтобы выразить решительный протест по поводу очернения моей репутации и вторжения в частную жизнь, - сказал Чаттерджи. Когда он сорвался на крик, голос его стал еще выше и пронзительнее. - Вам не следовало упоминать мое имя, мистер Лузак. Я занимаю некоторое положение в обществе. Я не позволю пятнать мою репутацию, сэр. Вы не имеете на это права.

- Что? - Это было единственной возможностью обойтись одним звуком.

- У вас нет на это права, сэр. Я предупреждаю вас, что любые выдвинутые вами обвинения, любое упоминание моего имени, любое увязывание Союза писателей с вашими личными проблемами, мистер Лузак, приведет к возбуждению против вас дела моим адвокатом. Я предупреждаю вас, сэр.

Послышался глухой щелчок, когда Чаттерджи повесил трубку. Шум и треск на линии продолжался еще несколько секунд, а потом послышался еще один звук, когда полицейский на коммутаторе тоже отключился. Амрита стояла рядом со мной, но я на какое-то время потерял дар речи, Я так и застыл, сжимая трубку, как если бы она была шеей Чаттерджи, и моя ярость приближалась к той точке, когда лопаются сосуды или рвутся жилы.

- О чем речь? - резко спросила Амрита, тряхнув меня за руку. Я ей объяснил.

Она кивнула. Телефонный звонок каким-то образом разбудил в ней желание действовать. Сначала она позвонила по одному из дополнительных телефонов своей тетке в Нью-Дели. В Бенгалии тетка никого не знала, но у нее имелись друзья, у которых были друзья в "Лок Сабха", одном из правительственных учреждений. Амрита просто рассказала ей о похищении и попросила помочь. Я никак не мог сообразить, в какой форме может быть оказана эта помощь, но лишь оттого, что Амрита действует, мне стало лучше.

Потом она позвонила в Бомбей брату своего отца. Ее дядя тоже владел строительной компанией и пользовался некоторым влиянием на западном побережье субконтинента. Несмотря на то, что из сладкого сна его вырвал звонок племянницы, от которой он лет десять не имел никаких вестей, он пообещал вылететь в Калькутту ближайшим самолетом. Амрита сказала, чтобы он пока не прилетал, но попросила связаться с любыми учреждениями Бенгалии, которые могли бы помочь. Он пообещал это сделать и сказал, что будет держать связь.

Я сидел, слушая изящные фразы на хинди, и смотрел на свою жену глазами чужака. Когда она потом пересказала мне содержание разговоров, я почувствовал успокоение, как ребенок, который слышит, как одни взрослые обсуждают с другими взрослыми важные проблемы.

До появления в половине девятого инспектора Сингха Амрита обзвонила три главные больницы Калькутты. Нет, за ночь не поступали никакие американские дети или любые дети со светлой кожей, к которым подходило бы данное описание.

Потом она позвонила в морг.

Я бы ни за что не стал бы туда звонить. Я не мог стоять рядом с ней, когда она, выпрямившись, ровным голосом выясняла у какого-то сонного незнакомца, не поступало ли туда этой темной калькуттской ночью тело моего ребенка.

Ответ был отрицательным.

Лишь после того, как она поблагодарила служителя морга и повесила трубку, я увидел, как у нее дрожат ноги, как дрожь распространяется по ее телу, пока не затряслись руки и она не закрыла ими лицо. Тогда я подошел к ней и обнял. Она еще не потеряла контроль над собой, но уткнулась лицом мне в шею, и мы стали раскачиваться вместе вперед-назад, ничего не говоря, раскачиваться, разделяя боль и муку.

Ничего нового инспектор Сингх не сообщил.

Мы сидели вместе с ним за маленьким столиком в комнате и потягивали кофе. Входили и выходили какие-то люди в шлемах, приносили бумаги, получали инструкции.

Сингх сказал, что службы безопасности в аэропортах и на железнодорожных вокзалах предупреждены. Нет ли у нас фотографии ребенка? У меня была одна, сделанная два месяца назад. Тогда у Виктории было гораздо меньше волосиков. Ее личико получилось не очень отчетливо. Под ее ножонками с ямочками я увидел оранжевое одеяло, забытое напоминание о том далеком беззаботном пикнике в День памяти. Фотографию я отдавал скрепя сердце.

Сингх задал еще несколько вопросов, произнес что-то успокоительное и ушел. Тощий полицейский сержант просунул голову в дверь и на ломаном английском напомнил, что будет находиться в соседней комнате. Мы кивнули.

Время шло. Амрита заказала обед в номер. Есть мы не стали. Я дважды подолгу принимал душ, оставляя дверь ванной открытой, чтобы услышать в случае чего Амриту или телефон. От моей кожи еще пахло грязью предыдущего вечера. Я настолько устал, что не чувствовал собственного тела. Одни и те же мысли прокручивались в голове, как закольцованная магнитофонная пленка.

Если бы я не уехал.

Если бы я не стал садиться в машину.

Если бы я вернулся раньше.

Я выключил воду и врезал кулаком по кафелю.

Около трех пополудни вернулся Сингх с двумя другими полицейскими чинами. Один по-английски не говорил. Другой где-то умудрился обзавестись акцентом кокни. Их доклад был неутешительным.

Никто по имени М. Т. Кришна не работал в университете. За последнее десятилетие там преподавало пять человек по имени Кришна. Двое уволились. Двоим было под шестьдесят. Одной из них оказалась женщина.

Не нашлось никаких свидетельств связи некоего Кришны с Американским фондом образования в Индии. Выяснилось, что в Калькутте вообще нет представительства этого

фонда. Ближайшее отделение находилось в Мадрасе. Туда звонили, но никто в Мадрасе не располагал сведениями о каком-нибудь Кришне или Санджае. В калькуттский аэропорт не посылали никого нас встречать. В Фонде образования вообще не знали, что я в Индии.

В Калькуттском университете было много студентов по имени Санджай. Ни один из тех, кого удалось найти, не соответствовал описанию, которое я дал полиции. Полиция продолжала работать в этом направлении, но разыскать всех выявленных Санджаев удастся, возможно, в течение лишь нескольких недель. Ведь сейчас идут летние каникулы.

Было получено подтверждение, что некий Джайяпракеш Муктанандаджи обучался в университете, но во время последнего семестра он не появлялся. Однако всего два дня назад в университетском кафе Муктанандаджи видел официант.

- Это уже после того, как я встречался с ним, - сказал я.

Похоже на то. Муктанандаджи показал своему приятелю-официанту купленный им железнодорожный билет. Он сказал, что собирается вернуться в родную деревню Ангуду. С тех пор официант не видел молодого человека. Сингх позвонил комиссару полиции в Жамшедпуре, а тот должен был отбить телеграмму констеблю провинции в Дургалапур. Констебль же отправится в Ангуду, чтобы найти Муктанандаджи и доставить его в Дургалапур для допроса. Вести оттуда ожидаются к исходу дня в среду.

- Завтра!

- Да, мистер Лузак. Это отдаленная деревня. В телефонной книге Калькутты оказалось множество семей по фамилии Бхарати. Ни у кого из опрошенных Бхарати не оказалось дочери двадцати с лишним лет по имени Камахья. Это имя вдобавок было весьма необычным.

- В каком смысле? - спросил я.

- Позже объясню, - ответил Сингх. Были установлены контакты с информаторами в подпольных организациях гундов. Никаких стоящих сведений пока получено не было, но переговоры продолжались. Кроме того, полиция допросит членов Союза нищих.

У меня похолодело в животе при этих словах.

- А как насчет капаликов? - спросил я.

- Насчет чего? - поинтересовался другой инспектор.

Сингх сказал что-то по-бенгальски и снова повернулся ко мне:

- Вы должны понять, мистер Лузак, что Общество капаликов пока остается - формально - мифом.

- Черт возьми, но ведь не миф то, что кто-то пытался меня убить вчера ночью. И то, что наша девочка пропала, тоже не миф.

- Согласен, - ответил Сингх. - Но пока у нас нет твердых доказательств участия в этом деле тугое, гундов или так называемых капаликов. Дело осложняется еще и тем, что различные криминальные элементы нередко прибегают к извращенным, тантрическим формам мистики, часто призывают себе на помощь какие-то местные божества - Кали в данном случае, - чтобы произвести впечатление на новичков или запугать обывателей.

- Вот как, - пробормотал я. Скрестив руки, Амрита посмотрела на троих полицейских.

- Следовательно, ничего существенного у вас нет? - спросила она.

Сингх бросил взгляд на коллег.

- Сдвигов нет.

Амрита кивнула и сняла трубку.

- Алло, это номер шесть-двенадцать. Не могли бы вы соединить меня с американским посольством в Нью-Дели? Да. Очень важно. Благодарю вас.

Полицейские заморгали. Я проводил их до двери, пока Амрита ждала звонка. В коридоре двое полицейских пошли прочь, а я ненадолго задержал Сингха.

- В чем необычность имени Камахья Бхарати? Сингх провел рукой по усам.

- Камахья..., это имя не распространено в Бенгалии.

- Почему?

- Это религиозное имя. Одного из воплощений... Парвати.

- Кали, вы хотите сказать.

- Да.

- Так почему же оно не распространено, инспектор? Ведь Рам и Кришн вокруг немало.

- Да, - согласился Сингх, смахнув ворсинку с манжета. Блеснул стальной браслет на запястье. - Да, но имя "Камахья" или его разновидность "Камакши" ассоциируется с одним очень непривлекательным воплощением Кали, которому когда-то поклонялись в большом храме в Ассаме. Некоторые из их ритуалов были очень вредными. Этот культ запрещен несколько лет тому назад. Храм заброшен.

Я кивнул. На это сообщение я никак не отреагировал. Вернувшись в номер, я стал спокойно дожидаться, когда Амрита закончит разговор по телефону. И все это время во мне нарастал безумный смех, и наружу рвались вопли ярости.

Часов в пять того нескончаемого дня я спустился в вестибюль. Ощущение клаустрофобии довело меня до того, что стало трудно дышать. Но в вестибюле было не намного лучше. В сувенирной лавке я купил сигару, но продавец не сводил с меня глаз, а сочувствие во взгляде администратора граничило с презрением. Мне показалось, что мусульманская чета в вестибюле перешептывается обо мне, а когда из кафе вышли несколько официантов и стали показывать друг другу в мою сторону и пялиться на меня, это уже нельзя было приписать одному лишь разыгравшемуся воображению.

Я торопливо поднялся на шестой этаж, перепрыгивая через ступеньки, чтобы выпустить энергию. Английский обычай называть второй этаж первым позволил мне получить лишнюю нагрузку. Тяжело дыша, весь потный, я вышел в коридор нашего этажа. Амрита спешила мне навстречу.

- Есть что-нибудь? - спросил я.

- Я только что вспомнила очень важную вещь, - выпалила она, переводя дыхание.

- Что же?

- Эйб Бронштейн! Кришна упоминал Эйба Бронштейна, когда встречал нас той ночью в аэропорту. Кришна должен иметь какую-то связь с Фондом образования или с кем-то оттуда.

Амрита пошла к полицейскому сержанту в шестьсот четырнадцатый номер, а я тем временем заказал разговор со Штатами, Несмотря на то, что на коммутаторе сидел полицейский, помогавший ускорить дело, прошло не меньше получаса, прежде чем удалось дозвониться. У меня защемило в груди, когда я услышал из Нью-Йорка знакомое ворчание.

- Бобби, с добрым утром! Откуда ты звонишь, черт возьми? Звуки такие, будто ты с луны говоришь по какому-нибудь дешевому "уоки-токи".

- Эйб, послушай. Послушай, пожалуйста. По возможности коротко я рассказал ему об исчезновении Виктории.

- Ах ты, дьявол, - простонал Эйб. - Дерьмо, дерьмо.

Даже через десять тысяч миль дурной связи я слышал глубокую боль в его голосе.

- Послушай, Эйб, ты меня слышишь? Один из подозреваемых в этом деле - парень по имени Кришна... М. Т. Кришна.., но мы думаем, что его настоящее имя - что-то вроде Санджая. В четверг он встречал нас в аэропорту. Ты меня слышишь? Хорошо. Этот самый Кришна сказал, что работает в Фонде образования.., это американский фонд.., да.., и что он встречает нас по просьбе своего шефа. Ни Амрита, ни я не помним, как он назвал шефа. Но он упомянул и твое имя, Эйб. Он особо выделил твое имя. Ты слышишь?

- Шах, - произнес Эйб сквозь гулкий шум.

- Что?

- Шах. А. Б. Шах. Я связался с ним сразу же после твоего вылета в Лондон и попросил протянуть тебе руку помощи, если тебе что-нибудь понадобится.

- Шах, - повторил я, быстро записывая. - Отлично. Эйб, а где его искать? Он в Калькутте?

- Нет, Бобби. Шах - редактор "Тайме оф Индия", но еще он работает советником по культуре при Фонде образования в Дели. Я познакомился с ним несколько лет назад, когда он учился в Колумбийском университете. Я никогда не слышал об этом сукином сыне Кришне.

- Спасибо, Эйб, ты очень помог.

- Черт возьми, Бобби, я так сожалею. Как Амрита?

- Превосходно. Кремень.

- Ага. Все будет хорошо, Бобби. Ты должен верить. Они вернут тебе Викторию. С ней ничего не случится.

- Да, конечно.

- Дай знать, как пойдут дела. Буду у матери. У тебя есть ее телефон? Обязательно сообщи, если понадобится какая-нибудь помощь. О дьявол. Все будет хорошо, Бобби.

- Пока, Эйб. Спасибо.

Амрита не ограничилась одной лишь передачей информации Сингху; теперь она разговаривала по телефону с редакцией третьей из трех крупнейших газет Калькутты. Инструкции она выдавала повелительным тоном на хинди.

- Надо было сделать это раньше, - сказала она, положив трубку. - Теперь объявления не появятся до завтрашнего утра.

Амрита дала объявления на половину полосы в каждую из газет. Курьеры заберут копии фотографии, которую мы одолжили полиции. Десять тысяч долларов назначается за любые сведения по данному делу; пятьдесят тысяч - за благополучное возвращение Виктории или любые сведения, которые приведут к ее возвращению, причем никаких вопросов не последует.

- Господи Иисусе, - тупо произнес я, - где же мы возьмем пятьдесят тысяч?

Амрита выглянула в окно на вечернюю уличную круговерть.

- Я предложила бы вдвое больше, - сказала она. - Но это составит почти миллион рупий. В такую сумму легче поверят, она выглядит более соблазнительно для жадного до денег.

Я покачал головой. Кажется, я уже потерял способность что-либо соображать. Я быстро позвонил Сингху и передал ему сообщение о Шахе. Он пообещал незамедлительно все проверить.

Примерно на час я задремал, хоть и не собирался спать. Я присел на стул у окна, наблюдая за угасанием остатков вечернего серого света, а в следующую минуту вздернул

голову, и на улице был уже вечер, а по стеклу барабанил сильный дождь. Зазвонил один из установленных полицией телефонов. Из коридора вошла Амрита, но я опередил ее.

- Мистер Лузак? - Это был инспектор Сингх. - Мне удалось застать мистера А. Б. Шаха у него дома в Дели.

- И что?

- Он именно тот человек, которому звонил ваш знакомый, мистер Бронштейн. Мистер Шах, питающий глубокое уважение к вашему другу, немедленно направил сюда одного из своих подчиненных по Фонду, молодого человека по имени Р. Л. Дхаван, чтобы он предложил вам свои услуги в качестве гида и переводчика.

- Направил? Из Дели в Калькутту, вы имеете в виду?

- Совершенно верно.

- Так где же он?

- Именно это и заинтересовало мистера Шаха. И нас это заинтересовало. Мы взяли очень подробное описание внешности этого джентльмена и его одежды на тот момент, когда его видели в последний раз.

- И что?

- А то, мистер Лузак, что мистер Р. Л. Дхаван, судя по всему, все это время находился у нас. Его тело было обнаружено в сундуке на вокзале Хоура в прошлый четверг во второй половине дня.

В начале одиннадцатого отключили электричество. Ярость разбушевавшейся за окнами бури превосходила все, виденное мной раньше. Каждые несколько секунд ночное небо рассекали молнии, освещавшие комнату лучше, чем те две свечки, которые принес портье. Улицы были залиты водой в первые же минуты начавшегося потопа, а устрашающий ливень усиливался с каждым часом. На Чоурингхи не было видно ни одного огонька. Я попытался представить, как миллионам обитателей трущоб в своих хижинах из мешковины и бездомным на улицах удастся пережить такие ночи.

А Виктория где-то там, Я издал громкий стон и зашагал по комнате. Взглянул за один, потом за другой телефон, чтобы позвонить Сингху. В трубках была тишина.

На наш этаж поднялся администратор, чтобы объяснить с сонным полицейским в соседнем номере и принести нам извинения. В нашем районе отключились тысячи телефонов. Он посылал курьера в телефонную компанию, но их контора оказалась закрытой. Никто не знал, когда восстановится связь. Иногда для этого требовалось несколько дней.

Когда он ушел, я перевесил нашу одежду из шкафа на трубу в ванной.

- Что ты делаешь? - спросила Амрита.

Язык у нее слегка заплетался. Она не спала больше сорока часов. Глаза у нее потемнели и выглядели уставшими.

Ничего не ответив, я вытащил из шкафа тяжелую круглую деревянную палку, на которой перед этим висели плечики. Она была фута четыре длиной, и я ощущал ее приятную тяжесть. Я поставил ее за стулом возле двери. За окнами где-то неподалеку сверкнула молния, на мгновение озарив ослепительным светом картину потопа.

В десять минут двенадцатого в дверь сильно постучали. Амрита, сидевшая в кресле, вздрогнула, выйдя из полудремотного состояния, а я уже стоял у двери с палкой в руках.

- Кто там?

- Инспектор Сингх.

На инспекторе был пробковый шлем и мокрый черный плащ. В коридоре у него за спиной стояли двое промокших полицейских.

- Мистер Лузак, я бы хотел вас попросить пройти с нами по одному очень важному делу.

- Куда, инспектор?

Сингх стряхнул воду со шлема.

- В морг "Сассун". - Уловив непроизвольный вскрик Амриты, он поспешил договорить.

- Произошло убийство. Убитый - мужчина.

- Мужчина? Это имеет отношение к..., как его..., к Дхавану?

Сингх пожал плечами. Вода капала на ковер.

- Мы не знаем. Э-э-э..., стиль убийства наводит на мысли о гундах. Капаликах, если вам угодно. Мы попросили бы вас помочь в опознании трупа.

- А вы как думаете, кто это? Снова пожимание плечами.

- Так вы поедете, мистер Лузак? Моя машина ждет.

- Нет, - отрезал я. - Безусловно нет. Я не оставлю Амриту. И не думайте.

- Но для опознания...

- Сделайте фотографию, инспектор. Ведь в вашем управлении найдется фотоаппарат? Если нет, дождусь снимков крупным планом в утренних газетах. Жителям Калькутты, по моему, нравится разглядывать снимки трупов не меньше, чем нам в Штатах просматривать комиксы.

- Бобби! - вмешалась Амрита. Голос ее звучал неровно. Мы оба вымотались. - Инспектор лишь старается помочь нам.

- Нет, - сказал я. - Ни за что. Я тебя больше не оставлю.

Амрита взяла сумочку и зонтик.

- Я тоже поеду.

Мы с Сингхом одновременно уставились на нее.

- Телефоны не работают, - сказала она. - Никто не сможет нам дозвониться. Прошли уже сутки, а выкупа так никто и не потребовал. И вообще никаких контактов. Если это поможет, давайте сделаем это сейчас.

Молния осветила заколоченные досками окна и двух залитых дождем каменных львов, оставшихся со старых, более безобидных времен. Ко входу в морг с обратной стороны вела дорожка, петлявшая среди мокрыхзданий и куч размякшего под ливнем мусора. Смятая штора закрывала широкие двери, ведущие в морг "Сассун".

В кабинете недалеко от входа нас встретил человек в жеваном костюме. Даже здесь воздух был густо насыщен запахом формалина, характерным для факультетов естественных наук. Керосиновые лампы отбрасывали тени позади шкафов для бумаг и штабелей папок на каждом столе. Человек сложил пальцы лодочкой, слегка поклонился мне и обратился к промокшему инспектору с длиннющей тирадой на бенгальском.

- Он сказал, что миссис Лузак может остаться здесь, - перевел Сингх. - Мы будем в соседней комнате.

Амрита кивнула и добавила:

А еще он сказал, инспектор, что моргу требуется генератор для экстренных случаев. Он призвал муниципальных чиновников оторвать свои задницы от кресел и прийти сюда, чтобы понюхать розы. Правильно? Это идиома.

- Все верно, - согласился Сингх, выдавив мрачную улыбку. Он бросил что-то служителю морга, тот покраснел и повел нас с Сингхом через вращающиеся двери в короткий, выложенный кафелем коридор.

Покачивающийся фонарь освещал помещение, которое могло бы быть операционной в представлении Джека-Потрошителя. Повсюду валялись бумаги, чашки и разный мусор. Ножи, скальпели, пилы для костей были разбросаны по ржавым подносам и столам. Огромная осветительная тарелка с лампами, которые в данный момент не горели, а также сверкающий стальной стол с открытыми сточными желобами подтверждали назначение комнаты. Как и тело, лежавшее открытым на столе.

- Ага, - произнес инспектор и подошел поближе, нетерпеливым жестом подзывая меня к себе. Служитель морга снял с крючка на стене фонарь и повесил его на выступ округлого операционного осветителя. От качающегося фонаря по лоснящейся стали закружились причудливые тени.

В детстве родители подарили мне комплект "Иллюстрированных энциклопедий Комптона". Больше всего мне нравилась глава о человеческом организме. Здесь имелись странички из прозрачной папиросной бумаги. Сначала перед вами было тело с кожей, а по мере того, как вы перелистывали тоненькие листочки, вы все глубже погружались в тайны насыщенного внутреннего строения человеческой плоти. Все было аккуратненьким, раскрашено разными цветами и снабжено подписями.

Лежавшее передо мной тело представляло собой вторую страничку - "МЫШЦЫ И СУХОЖИЛИЯ". От шеи и ниже кожа была разрезана и содрана. Она лежала скомканной под трупом, как сырая, измятая накидка. Но на мышцах здесь не было аккуратных этикеточек; тело напоминало тушу сырого мяса с поблескивающими на свету маслянистой жидкостью; толстые, белые волокна исчезали в кровотокающих, розовых неровностях, а желтоватые сухожилия тянулись окровавленными ремнями.

Сингх и работник морга повернулись ко мне. - Если они ожидали от меня вскрика или приступа тошноты, то их ждало разочарование. Я кашлянул.

- Вы уже начали вскрытие? Сингх кратко перевел мой вопрос.

- Нет, мистер Лузак. В таком виде он поступил два часа назад.

На это я отреагировал.

- Боже праведный! Зачем кому-то понадобилось убивать человека, а потом сдирать с него кожу? Сингх покачал головой.

- Он еще был жив, когда его увидели на Саддер-стрит. По свидетельствам очевидцев, он кричал, бежал. Потом упал. Через некоторое время крики прекратились. В конце концов кто-то вызвал полицию.

Я непроизвольно отступил на два шага. У меня в ушах отдавался эхом голос моей матери, кричавшей с площадки третьего этажа на Пуласки-стрит: "Роберт Лузак, иди сюда сейчас же, не то я с тебя шкуру спущу". Это не было пустой угрозой.

- Вы его знаете? - нетерпеливо спросил Сингх. Он подал знак, чтобы добавили света. Голова трупа была откинута назад, застыв в последней агонии из-за скорого окоченения.

- Нет, - ответил я сквозь сжатые зубы. - Подождите.

Я заставил себя войти в узкий кружок света. Лицо осталось неповрежденным, если не считать искаженных черт. Узнавание обрушилось на меня ударом кулака.

- Вы знаете его, - произнес Сингх.

- Да.

Ведь это же я назвал его имя. Боже мой, я назвал его имя во время разговора с Дасом.
- Это мистер Кришна?
- Нет, - ответил я, отвернувшись от освещенного стола. Это я назвал его имя. - На нем нет очков. Он носит очки. Его имя Джайяпракеш Муктанандаджи.

Мы с Амритой проспали до девяти утра. Нам ничего не снилось. Шум дождя через открытое окно смывал все сны. Электричество и кондиционер включились, наверное, ближе к рассвету, но мы этого не почувствовали.

В одиннадцать Сингх прислал машину, чтобы нас отвезли в полицейское управление. Любой звонок в отель автоответчики переадресовали бы сюда. Полицейское управление оказалось очередным темным пещерообразным помещением в очередном сумрачном здании-лабиринте. Столы были завалены огромными стопками папок и пожелтевших бумаг, за которыми почти терялись люди без лиц, сгорбившиеся над пишущими машинками, имевшими такой допотопный вид, словно на них работали еще при королеве Виктории. Мы с Амритой несколько часов перелистывали гигантские альбомы с фотографиями. После нескольких сотен женских лиц я начал сомневаться, узнаю ли я Камахью Бхарати, если увижу ее. Ничего, узнаю.

Удалось сделать лишь одно открытие. Внимательно изучив темную, выцветшую фотографию коренастого человека в серой тюремной робе, я с некоторой долей сомнения опознал в нем капалику в хаки, который сломал мне палец.

- Но вы не уверены? - спросил Сингх.

- Нет. Он был постарше, массивнее и с волосами подлиннее.

Сингх что-то буркнул и передал кому-то фотографию вместе с указаниями. Он так и не сказал мне, как звали этого человека и за что тот когда-то сидел. Звук, ломающейся хрупкой пластмассы.

В середине дня мы вернулись в гостиницу. Нас поразило, что на полицейский номер, который мы давали в газетных объявлениях, поступило больше сотни звонков. Конкретной информацией не располагал ни один из звонивших. Несколько человек утверждали, что видели ребенка то ли в одном, то ли в другом месте, и теперь по этим сигналам шла проверка, но сержант был настроен скептически. Большинство звонивших мужчин и женщин просто хотели всучить нам хоть какого-нибудь ребенка за объявленное вознаграждение.

Я с грохотом захлопнул дверь, мы вместе улеглись на кровать и стали ждать.

Вечерние часы той среды я почти не помню. В памяти встают отдельные картинки, но они кажутся никак не связанными между собой. Некоторые из них я не могу отделить от снов, преследующих меня с того времени.

Часов в восемь вечера я поднялся, поцеловал на прощание задремавшую Амриту и вышел из гостиницы. Мне вдруг стало совершенно ясно, как все можно уладить. Я пойду по Калькутте, найду капаликов, скажу им, что сожалел о случившемся, и сделаю все, что они от меня потребуют, а тогда они отдадут ребенка. Все было просто.

Если не получится, я разыщу богиню Кали и убью эту гадину.

Я вспоминаю, как пешком прошел много кварталов, но в каком-то месте я ехал на такси, рассматривая лица на тротуаре, не сомневаясь, что вот-вот увижу Камахью. Или Кришну. Или Даса.

Потом такси остановилось под баньяном, дожидаясь меня, ожидая, пока я перелезал через ворота с острыми кольями, а затем пригнувшись бежал по окаймленной цветами подъездной дорожке. Огни в доме не горели. Я стучал по ставням. Я барабанил в двери. "Чаттерджи!" - кричал я. Дом оставался темным.

В другой раз я шел по берегу реки. Надо мной в последнем сумеречном свете перед наступлением полной темноты вырисовывался мост Хоура. Мощные улицы сменились грязными переулками и темными труппами. Вокруг меня пританцовывали дети. Я швырнул им всю мелочь, что имел при себе. Помню, как однажды оглянулся и увидел не стайку детишек, а несколько следовавших за мной мужчин. Губы у них шевелились, но я ничего не слышал. Образовав полукруг, они начали осторожно приближаться ко мне с приподнятыми руками.

- Капалики? - с надеждой в голосе спросил я. Кажется, спросил. - Вы капалики? Кали? Капалики?

Они заметно стушевались и переглянулись, как бы подзуживая друг друга. Я окинул взглядом их лохмотья, исхудалые тела с напрягшимися в ожидании мышцами и понял, что никакие они не капалики. И не туги. И не гунды. Просто нищие, голодные люди, готовые убить иностранца ради его денег.

- Ну ладно! - воскликнул я тогда. Я усмехался. Я не мог удержаться от этой ухмылки, хотя и чувствовал, как вместе с ней что-то острое прорезает во мне дыру. Несколько последних дней, ночь, Виктория - все стягивалось при этом в тугой узел чистого восторга.

- Ну ладно! - заорал я. - Подходите. Подходите. Пожалуйста.

Я широко развел руки. Я бы обнял их. Я бы прижал их к себе смертельной хваткой и стал бы рвать зубами их тощие глотки.

Наверное, я бы так и сделал. Не знаю. Они переглянулись, попятились и растворились во тьме переулков. Я чуть не заплакал, когда их не стало.

Не знаю, до или после встречи с этими людьми оказался я в небольшом храме. Здесь было аляповатое скульптурное изображение опустившейся на колени черной коровы с красно-белым ожерельем. Старики приседали на корточки, плевали в дымную мглу и в страхе смотрели на меня. Какое-то древнее пугало несколько раз показывало на мои ноги, что-то бормоча при этом. Думаю, старикан хотел, чтобы я разулся.

- Насрать, - вполне разумным голосом сказал я. - Не важно. Просто скажи им, что они выиграли, ладно? Передай им, что я сделаю все, что они скажут. Договорились? Обещаю. Правда, обещаю. Богом клянусь. Честное скаутское.

По-моему; потом я заплакал. Во всяком случае, я видел сквозь застилавшие глаза слезы, как какой-то старик, у которого почти не осталось передних зубов, бессмысленно улыбался мне, похлопывал меня по плечу, раскачиваясь вперед-назад на своих костлявых ногах.

Затем был обширный пустырь с какими-то лачугами и старыми автопокрышками, лежавшими под дождем, а я брел по грязи много миль в сторону высоких труб и открытых огней, отбрасывавших на все вокруг красный отсвет, удалявшихся от меня, как я ни старался сократить расстояние. Кажется, это место существовало на самом деле. Не знаю. Отныне оно надолго впишется в ландшафт моих сновидений.

Эту маленькую девочку я обнаружил при первом проблеске зари. Она лежала прямо на улице, то есть на грязной немощенной дорожке, которая в этих местах заменяла улицу. Ей было лет пять, не больше. Ее длинные черные волосы перепутались, и она лежала, свернувшись калачиком под тонким светло-коричневым одеялом, еще мокрым после ночного ливня. Меня чем-то привлек ее беззащитный крепкий сон. Я опустил на колено прямо на грязную дорожку. Уже появились первые пешеходы и велосипедисты, огибавшие нас.

Глаза девочки были крепко зажмурены, а ротик - слегка приоткрыт. Под щеку она засунула маленький кулачок. Скоро ей придется вставать, разжигать огонь, прислуживать мужчинам, нянчить малышку и встречать окончание детства, которое ей едва ли пришлось узнать. Скоро она перейдет в личное пользование мужчины старше ее собственного отца и в тот день услышит традиционное благословение индусов: "Да будет у тебя восемь сыновей". Но сейчас она всего лишь спала, поджав кулачок, прильнув смуглой щечкой прямо к земле, крепко зажмурившись от утреннего света.

Я тряхнул головой и огляделся. Почти рассвело. Воздух после дождя был почти чистым, и я ощутил пронзительно совершенные запахи свежих цветов и влажной почвы.

Я отчетливо помню, как на рикше возвращался в гостиницу. Звуки и краски были настолько чистыми, что заполняли все мои чувства. В голове у меня тоже была полная ясность. Лишь бы ничего не случилось, пока я отсутствовал.., а вдруг я был нужен Амрите...

Несмотря на рассветный час, Амрита встречала меня в вестибюле. От радости она всплеснула руками, а в глазах у нее впервые с тех пор, как все началось, показались слезы.

- Бобби, о, Бобби, - произнесла она. - Только что звонил инспектор Сингх. Он заедет за нами. Сейчас Он будет здесь. Нас отвезут в аэропорт. Они нашли ее, Бобби. Они нашли ее.

Мы мчались по почти пустынному шоссе для ОВП. Насыщенные потоки горизонтального света придавали всему ландшафту отчетливую рельефность, а тень нашего автомобиля неслась по мокрым полям.

- Вы уверены, что с ней ничего не случилось? - спросил я.

- Да-да, - ответил Сингх с переднего сиденья, не оборачиваясь. - Нам позвонили всего двадцать пять минут назад.

- Вы уверены, что это Виктория? - спросила Амрита.

Мы подались вперед, опершись локтями на спинку переднего сиденья. Пальцы Амриты произвольно складывали и разворачивали пеленку, которую она держала.

- Работник службы безопасности думает, что это она, - ответил Сингх. - Именно поэтому он и задержал пару, проходившую с ребенком. Они не знают, что их задержали. Старший смены сказал им, что у них небольшие осложнения с визой. Они думают, что ждут какого-то чиновника, который проставит им печати.

- А почему их просто не арестовали? - спросила Амрита.

- За какое преступление? - спросил в свою очередь Сингх. - Пока не опознан ребенок, они виноваты лишь в том, что желают улететь в Лондон.

- А кто заметил Викторию? - поинтересовалась Амрита.

- Работник, про которого я говорил, - ответил Сингх и зевнул. - Он видел ваше объявление в газете.

В низком голосе Сингха прозвучал легкий укор.

Я взял Амриту за руку, и мы стали смотреть, как мимо проносится уже знакомый пейзаж. Мы прилагали мысленные усилия, чтобы заставить небольшую машину ехать быстрее. Когда какой-то пастух надолго, как нам показалось, перегородил своими овцами мокрую дорогу, мы хором закричали водителю, чтобы он посигналил и проезжал дальше. Потом мы снова стали набирать скорость, объехали гроыхающую повозку, доверху нагруженную тростником, и опять оказались одни в левом ряду. Справа от нас пролетали направлявшиеся в город пестрые грузовики, люди в белых рубашках махали нам смуглыми руками.

Я заставил себя откинуться на спинку и несколько раз глубоко вдохнуть. В любое другое время красота восхода восхитила бы меня. Даже пустые изуродованные многоэтажки и односкатные халупы в раскисших полях выглядели очищенными солнечной благодатью.

Женщины, несшие высокие бронзовые сосуды, отбрасывали трехметровые тени на зеленые кюветы.

- Вы уверены, что с ней ничего не случилось? - снова спросил я.

- Мы уже почти приехали, - сказал Сингх. Мы проскочили по извилистому проезду мимо черных и желтых такси с россыпями сверкающих дождевых капель на крышах. Водители подремывали, раскинувшись поперек передних сидений. Не успела наша машина остановиться, как мы уже распахнули двери.

- Куда нам?

Сингх обошел машину и показал. Мы быстро вошли в здание аэропорта. Заразившись нашим нетерпением, Сингх обежал спавших на кафельном полу, растянувшихся как есть или во что-то завернутых людей.

- Сюда, - сказал он, открывая обшарпанную дверь с надписью на английском и бенгальском "ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН". В коридоре сидела на корточках женщина из неприкасаемых, сметавшая в маленький совок грязь и бумажки. Пройдя шагов пятнадцать, мы попали в огромное помещение, разделенное перегородками и стойками. Я услышал лязг работающих телетайпов и пишущих машинок.

Я сразу же увидел эту индийскую пару, забившуюся в дальний угол; молодая женщина прижимала к груди ребенка. Раньше я их не видел; они сами были еще почти детьми. Мужчина был невысоким, с бегающими глазами. Каждые несколько секунд он поднимал правую руку, чтобы пригладить жиденские усики. Девушка была еще моложе своего спутника и имела самый непритязательный, почти беспризорный вид. Накладка на ее голове не закрывала ни жестких волос, ни смазанного малинового кружка в середине лба.

Но мы с Амритой, остановившись от них футах в двадцати, не сводили глаз с закутанного в многочисленные тряпки свертка, который быстро покачивала молодая женщина. Лица ребенка не было видно. Выглядывал лишь кусочек бледной щеки.

Мы подошли поближе. Где-то под ложечкой у меня начала пульсировать ужасная боль, распространившаяся по всей груди. Я не стал обращать на нее внимания. Инспектор Сингх махнул рукой облаченному в форму работнику службы безопасности, который и поднял тревогу. Он что-то грубо бросил молодому человеку. Тот сразу же поднялся со скамейки и нервными шагами приблизился к стойке. Когда он встал, девушка подвинулась, чтобы его пропустить, и мы увидели среди толстых складок покрывала лицо ребенка.

Это была Виктория. Спящая, бледная чуть ли не до свечения, но, вне всяких сомнений, это была Виктория.

Амрита испустила крик, и все тут же пришли в движение. Молодой человек, по-видимому, попытался бежать, поскольку работник и другой мужчина, выскочивший из-за

стойки, молниеносно заломили ему руки. Девушка съехала по скамейке в самый угол, прижала ребенка к груди и стала быстро-быстро укачивать девочку, бормоча что-то вроде колыбельной. Амрита, инспектор и я стремительно надвинулись на нее, как бы желая отрезать все возможные пути к отступлению, но та лишь повернулась лицом к зеленой стене и заняла еще громче.

Сингх попытался удержать Амриту, но она сделала три быстрых шага, резко оттянула назад за волосы голову молодой женщины, а левой рукой вырвала у нее Викторину.

Все кричали. Я почему-то отступил на несколько шагов, когда Амрита высоко подняла нашу дочь и стала разворачивать грязное бордовое покрывало.

Вырвавшийся у Амриты вопль заглушил остальные звуки, и все в комнате притихли. Я продолжал пятиться, пока не наткнулся на стойку. Когда Амрита закричала, я медленно отвернулся и опустил стиснутые кулаки и лицо на прохладную поверхность стойки.

- Ой, - произнес я. Это прозвучало очень тихо, забытый звук далекого детства.

- Ой, - сказал я. - Ой, не надо, пожалуйста. Я крепко прижался щекой к поверхности стойки и зажал уши кулаками, но отчетливо слышал, когда крики Амриты перешли в рыдания.

У меня до сих пор хранится где-то рапорт - копия того, который Сингх отослал в Дели. Как и все прочее в Индии, это дешевая, низкосортная бумага. Буквы пропечатаны настолько слабо, что их почти не видно - наивное детское представление о тайном послании. Не важно. Мне не нужно смотреть на этот рапорт, чтобы дословно вспомнить его содержание.

22.7.77. УПР. ПОЛ. КАЛЬКУТТЫ/СЛ. БЕЗ. АЭР. ДУМ-ДУМ 2671067

РАБОТНИК СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДЖАГМОАН (ЯШ-ПАЛ, АЭР. ДУМ-ДУМ СЛ. БЕЗ. 1113) ПРОВЕЛ ДОСМОТР СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЫ, ПО ДОКУМЕНТАМ ЧОУДРИ, ШУГАТА И ДЕВИ, СЛЕДУЮЩИХ С РЕБЕНКОМ В ЛОНДОН, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. ЦЕЛЬ: ОТДЫХ. В 04:28/21. 7.77. РАБОТНИК ДЖАГМОАН ЗАДЕРЖАЛ СУПРУГОВ ЧОУДРИ В ТАМОЖЕННОЙ СЕКЦИИ В-11 ПО ПРИЧИНЕ ВЕРОЯТНОГО ПРИЗНАНИЯ ВЫШЕУПОМЯНУТОГО РЕБЕНКА ПРОПАВШИМ РЕБЕНКОМ АМЕРИКАНСКИХ ГРАЖДАН ЛУЗАК, ОБЪЯВЛЕННОГО ПОХИЩЕННЫМ 18.7.77. (СМ. ПОЛИЦ. УПР. КАЛЬКУТТЫ ДЕЛО N. 117, нач. 18.7.77. (С. Р. 50/) СИНГХ). ИНСПЕКТОР ЯШВАН СИНГХ (ПОЛИЦ. УПР. КАЛЬКУТТЫ 26774) И СУПРУГИ ЛУЗАК (РОБЕРТ С. И АМРИТА Д.) ПРИБЫЛИ В АЭРОПОРТ С ЦЕЛЮ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА В 05:41/21. 7.77. РЕБЕНОК ОПОЗНАН КАК ВИКТОРИЯ КЭРОЛИН ЛУЗАК, род. 22.1.77. ПРИ ДАЛЬНЕЙШЕМ ОСМОТРЕ РЕБЕНКА МАТЕРЬЮ ВЫЯСНИЛОСЬ, ЧТО РЕБЕНОК ВИКТОРИЯ К. ЛУЗАК БЫЛА УБИТА НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ НАЗАД. ЗАТЕМ СУПРУЖЕСКАЯ ПАРА, НОСЯЩАЯ ФАМИЛИЮ ЧОУДРИ АРЕСТОВАНА И НАПРАВЛЕНА В УПР. ПОЛИЦИИ ЧОУРИНГХИ: ПОДОЗРЕНИЕ В СГОВОРЕ С ЦЕЛЮ ПОХИЩЕНИЯ РЕБЕНКА. В СГОВОРЕ С ЦЕЛЮ УБИЙСТВА И ПОПЫТКЕ ПЕРЕВОЗА КРАДЕНОГО ЧЕРЕЗ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАНИЦУ. АКТ ВСКРЫТИЯ (СМ. ЛУЗАК - УПР. ПОЛ. КАЛЬКУТТЫ/МЕДЭКСПЕРТИЗА 2671067/21. 7.77) ПОДТВЕРДИЛ, ЧТО РЕБЕНОК ЛУЗАК БЫЛ УБИТ НЕ БОЛЕЕ ПЯТИ (5) ЧАСОВ И НЕ МЕНЕЕ ДВУХ (2) ЧАСОВ ДО ОСМОТРА И ЧТО ТЕЛО ВЫШЕУПОМЯНУТОГО РЕБЕНКА БЫЛО ИСПОЛЬЗОВАНО В КАЧЕСТВЕ КОНТЕЙНЕРА ДЛЯ ПЕРЕВОЗКИ КРАДЕННЫХ ТОВАРОВ: СПИСОК И ОЦЕНОЧНАЯ СТОИМОСТЬ ПРИЛАГАЮТСЯ:

РУБИНЫ (6) РУПИЙ 1 115 000
 САПФИРЫ (4) РУПИЙ 762 000
 ОПАЛЫ (4) РУПИЙ 136 000
 АМЕТИСТЫ (2) РУПИЙ 742 000
 ТУРМАЛИНЫ (5) РУПИЙ 380 000
 С ЦЕЛЮ ПОЛУЧЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШИХ ПОДРОБНОСТЕЙ ОБРАЩАТЬСЯ К
 СИНГХУ (ЯШВАН ПОЛИЦ. УПР. КАЛЬКУТТЫ 26774).
 КОНЕЦ РАПОРТА.

Глава 15

Калькутта убила меня.

Кабита Синха

Калькутта не спешила нас отпускать. Город еще два дня продержал нас в своих зловонных объятиях. Мы с Амритой не хотели оставлять Викторию одну. Даже во время полицейского вскрытия и приготовлений к похоронам мы находились в соседних помещениях. Сингх сказал, что нам придется пробыть в Калькутте еще несколько недель, пока не закончится слушание дела. Я ответил категорическим отказом. Свои показания мы дали усталому стенографисту. Прибыл чиновник из американского посольства в Дели. Это был услужливый, похожий на кролика человек по имени Дон Уорден. Его политика по отношению к нежелающим помочь индийским бюрократам заключалась в том, что он беспрестанно перед ними извинялся и все время объяснял нам, насколько мы осложнили дело своим настойчивым требованием так быстро доставить домой тело ребенка.

В субботу мы поехали в аэропорт в последний раз. Уорден, Амрита и я втиснулись на заднее сиденье взятого напрокат старенького "шевроле". Шел сильный дождь, и в салоне закрытого автомобиля было очень душно и влажно. Я не замечал этого. Я смотрел только на белый санитарный фургончик, за которым мы ехали. Чтобы миновать густой поток машин, на нем не стали включать мигалку. Торопиться было некуда.

В аэропорту нас ждала последняя заминка. Вместе с Уорденом к нам вышел служащий аэропорта. Они оба качали головами.

- В чем дело? - спросил я.

Индиец пригладил свою затертую белую рубашку и выпалил раздраженным тоном несколько фраз на хинди.

- Ну что? - снова спросил я. Амрита перевела. Она была настолько измотана, что не поднимала головы, а голос ее был еле слышен.

- Он говорит, что гроб, за который мы заплатили, нельзя грузить в самолет, - устало сказала она. - Металлический гроб авиакомпании здесь есть, но необходимые бумаги для перевозки..., тела..., не подписаны ответственными за это официальными лицами. Он говорит, что в понедельник мы можем поехать в муниципалитет, чтобы получить соответствующие документы.

Я выпрямился.

- Что скажете, Уорден? Посольский пожал плечами.

- Мы должны уважать их законы и культурные традиции, - ответил он. - И вообще, я с самого начала считал, что все было бы гораздо проще, если бы вы согласились кремировать тело здесь, в Индии. Кали - богиня всех мест сожжения.

- Пройдемте сюда, - сказал я.

Я поманил их обоих через двери в помещение, находившееся рядом с комнатой, где лежало тело Виктории. У индийского чиновника вид был скучающий и нетерпеливый.

Взяв Уордена за руку, я отвел его в угол.

- Мистер Уорден, - спокойно сказал я. - Я собираюсь пройти в соседнюю комнату и переложить тело моей дочери в гроб. Если вы войдете в ту комнату или хоть как-то помешаете мне, я вас убью. Вы меня поняли?

Уорден моргнул несколько раз и кивнул. Затем я подошел к чиновнику и объяснил ему то же самое. Я говорил очень спокойно, слегка касаясь пальцами его груди, но он заглянул в мои глаза и увидел там нечто, заставившее его хранить молчание и не двигаться с места, когда я закончил свою речь и прошел через вращающуюся дверь в слабо освещенную комнату, где ждала Виктория.

В длинном помещении было почти пусто, не считая нескольких груд коробок и невостробованного багажа. В конце на стойке рядом с транспортером стоял уже открытый стальной гроб, принадлежавший авиакомпании. У противоположной стены, на скамейке рядом с погрузочной платформой, поставили серый гробик, купленный нами в Калькутте. Я подошел к нему и, не раздумывая, открыл его.

В ту ночь, когда Виктория появилась на свет, мне пришлось участвовать в ритуале, из-за которого я переживал несколько предшествовавших недель. Я знал, что в Эксетерской больнице свежее испеченным отцам давали отнести новорожденных из родильной палаты в расположенный по соседству процедурный кабинет, где ребенка обязательно взвешивали и обмеряли, прежде чем вернуть матери в реабилитационную палату. Некоторое время я волновался по этому поводу. Я боялся ее уронить. Это было глупо, но даже после пережитого волнения и радостного возбуждения, связанных с рождением ребенка, сердце у меня все равно учащенно билось, когда врач поднял ребенка от живота Амриты и спросил, не желаю ли я пронести свою маленькую доченьку по коридору. Я помню, что кивнул, улыбнулся и испугался. Я вспоминаю, как положил головку на ладонь, поднес маленькое, еще мокренькое тельце к груди и плечу и проделал путь в тридцать шагов от родильной до процедурного кабинета, чувствуя, что с каждым шагом во мне нарастает уверенность и радость. Казалось, будто Виктория помогает мне. Помню, как расплылся в глуповатой улыбке, когда вдруг окончательно осознал, что я несу своего ребенка. Самое счастливое воспоминание в моей жизни.

На этот раз я не волновался. Я осторожно поднял мою доченьку, положил на ладонь ее головку, прижал ее к груди и плечу, как делал уже столько раз, и прошел путь в тридцать шагов, отделявших меня от выстеленного белым шелком стального гроба авиакомпании.

Взлет откладывали несколько раз. Во время всего полуторачасового ожидания мы с Амритой сидели, держась за руки, и когда огромный "Боинг-747" начал, наконец, разогнаться по взлетной полосе, мы не стали смотреть в окна. Все наши мысли были сосредоточены на небольшом гробике, за погрузкой которого мы наблюдали незадолго до этого. Мы не разговаривали, когда самолет набирал высоту. Мы не смотрели в иллюминаторы, когда облака окончательно закрыли панораму Калькутты. Мы забрали нашу девочку и летим домой.

Глава 16

Ясно, что откровение близко.

Уильям Батлер Йетс

Похороны Виктории состоялись 26 июля 1977 года, во вторник. Похоронили ее на небольшом католическом кладбище на холме с видом на Эксетер. Маленький белый гробик сиял в ярком солнечном свете. Я не смотрел на него. Во время недолгой службы я разглядывал пятно голубого неба прямо над головой отца Дарси. В промежутке между деревьями я видел кирпичную башню одного из старинных зданий Академии. На фоне летнего неба покрутилась стайка голубей. Незадолго до окончания службы раздался хор детских голосов и смеха, внезапно утихший, когда дети увидели нашу группу. Мы с

Амритой одновременно повернулись, чтобы проводить взглядом компанию ребяташек, изо всех сил крутивших педали велосипедов при приближении к длинному, пологому спуску в город.

Осенью Амрита собиралась вернуться к преподаванию в университете. Я ничего не делал. Через три дня после нашего возвращения она прибрала комнату Виктории, а потом переоборудовала ее в комнату для рукоделия. Она никогда там не работала, а я вообще туда не заходил.

Решившись в конце концов выбросить кое-что из одежды, которую я привез обратно из Калькутты, я проверил карманы разорванной, грязной рубашки, что была на мне в тот вечер, когда я принес Дасу книгу. Книжечки со спичками не оказалось ни в одном из карманов. Я удовлетворенно кивнул, но в следующее мгновение обнаружил в другом кармане свою маленькую записную книжку. Наверное, в ту ночь у меня были с собой обе записные книжки.

Эйб Бронштейн приехал на день в конце октября.

Он был на похоронах, но наше общение тогда ограничилось соболезнованиями. Поговорил я с ним в другой раз: это был поздний, бестолковый телефонный разговор, после того, как я напился. Эйб слушал почти час, а потом мягко сказал: "Иди спать, Бобби. Ложись спать".

В то октябрьское воскресенье мы сидели в гостиной с сухим вином и обсуждали, как удержать "Другие голоса" на плаву, а также шансы на успех новой программы Картера по экономии энергии, направленной на устранение нехватки топлива. Амрита вежливо кивала, время от времени улыбалась, оставаясь где-то бесконечно далеко в течение всего разговора.

Эйб предложил прогуляться по лесочку за домом. Я удивленно заморгал. Эйб ненавидел любые физические нагрузки. В этот чудесный осенний день на нем было то же, что и обычно: серый мятый костюм, узенький галстучек и черные туфли с загнутыми носами.

- С удовольствием, - ответил я без малейшего энтузиазма, и мы направились по тропинке в сторону пруда.

Лес стоял во всей красе. Тропинку устилал слой ярко-желтых листьев с вязов, а на каждом повороте мы ступали в целые охапки пламенеющей красной листвы кленов и сумаха. На кустах боярышника виднелись и колючки, и маленькие осенние плоды. На фоне ослепительно голубого неба белела береза. Эйб достал из кармана пальто наполовину выкуренную сигару и, рассеянно пожевывая ее кончик, шел с опущенной головой.

Мы прошли примерно две трети круга мили в полторы и приближались к гребню небольшого холма, возвышавшегося над дорогой. Здесь Эйб присел на поваленную березу и начал методично вытряхивать из своих башмаков грязь и кусочки веток. Я сел неподалеку и оглянулся на пруд, входной канал которого мы только что миновали.

- Рукопись Даса все еще у тебя? - внезапно спросил Эйб.

- Да.

Если бы он сейчас попросил поэму для "Других голосов", то независимо от моего согласия или отказа, нашей дружбе пришел бы конец.

- Гм. - Эйб кашлянул и сплюнул. - Ребята из "Харперс" не выступают из-за того, что ты не пишешь статью?

- Нет. - Где-то за дорогой я услышал стук дятла. - Я вернул им аванс. Но они все-таки настояли на том, чтобы взять на себя хотя бы дорожные расходы. Ты же знаешь, Морроу у них больше не работает.

- Угу. - Эйб прикурил сигару. Запах дыма отлично сочетался с осенней свежестью. - Еще не решил, что будешь делать с этой долбаной поэмой?

- Нет.

- Не печатай ее, Бобби. Нигде. Никогда.

Он бросил еще дымящуюся спичку в кучу листьев.

Я подобрал ее и зажал между пальцами.

- Нет, - сказал я.

Мы немного помолчали. Налетел прохладный ветерок и взметнул хрупкие листья. Далеко в северном направлении громко верещала на кого-то белка.

- А ты знал, Бобби, что во время войны я потерял почти всю семью? - неожиданно спросил Эйб, не глядя на меня.

- Нет. Не знал.

- Да. Мама выбралась, потому что они с Яном оказались в Лондоне по пути ко мне. Ян вернулся, чтобы попробовать вытащить Мойшу, Мутти и всех остальных. Больше их не видели.

Я ничего не сказал. Эйб выдохнул дым от сигары в голубое небо.

- Я упоминаю об этом, Бобби, потому что потом все кажется таким неизбежным.

Понимаешь, о чем я?

Тебе все время кажется, что ты мог бы все изменить, но не сделал этого..., вроде того, когда забываешь что-то сделать, а потом все срывается, как часы. Ты меня понимаешь?

- Да.

- Но во всем этом нет неизбежности, Бобби. Просто не повезло, вот и все. Здесь нет ничьей вины. Ничьей, кроме тех ублюдков, которые все это устроили.

Я долго сидел молча. Вокруг нас кружились листья, добавляя свою печальную прелесть к уже раскинувшемуся ковру из листьев.

- Не знаю, Эйб, - заговорил я в конце концов. У меня так першило в горле, что трудно было продолжать. - Я все делал не правильно. Не надо было брать их с собой. Не надо было оставлять их одних, когда стало ясно, что все пошло наперекосяк. Надо было убедиться, что самолет взлетел. И я ничего не понимаю до сих пор. Кто виноват? Кто они такие? Кто такой Кришна? Что выигрывала эта самая Камахья... Какую роль она играла? Но хуже всего это то, что я сделал непростительную глупость, передав Дасу пистолет, когда...

- Два выстрела, - перебил Эйб.

- Что?

- Ты говорил, когда звонил, что слышал два выстрела.

- Ну да, пистолет-то автоматический.

- И что из того? Думаешь, что после того, как вышибешь себе мозги, сделаешь еще один выстрел для верности? Так?

- К чему ты клонишь, Эйб?

- Ты не убивал Даса, Бобби. Дас не убивал Даса. Возможно, у кого-нибудь из его друзей-капаликов имелись причины, чтобы все обернулось именно так. А твой приятель Кришна... Санджай.., или как его там.., может, он просто хотел ненадолго стать поэтом номер один.

- А почему...

Я остановился и посмотрел на кружившую в восходящем потоке воздуха чайку в нескольких сотнях футов над нами.

- Но какое отношение ко всему этому имела Виктория? Господи, Эйб.., зачем могла понадобиться ее смерть? Я ничего не понимаю.

Эйб поднялся и снова сплюнул. К его одежде прицелились кусочки коры.

- Пойдем, Бобби, а? Мне еще надо успеть на автобус до Бостона, а там сесть на этот чертов поезд.

Я первым начал спускаться с холма, но Эйб поймал меня за руку.

- Бобби, ты должен уяснить одну вещь. Тебе не надо ничего понимать. Ты все равно не поймешь. Но и не забудешь. Не думай, что забудешь.., нет, не сможешь. Но тебе надо держаться. Слышишь? День за днем, но надо держаться. Иначе победят ублюдки. Мы не можем им этого позволить, Бобби. Ты меня понимаешь?

Я кивнул и быстро зашагал по еле заметной тропинке.

Второго ноября я получил коротенькое письмо от инспектора Сингха. В нем сообщалось, что подозреваемый молодой человек, Шугата Чоудри, не предстанет перед судом. Во время содержания в тюрьме Хугли Чоудри "подвергся противозаконному обращению". Другими словами, кто-то затолкал ему во сне полотенце в глотку. Суд над женщиной по имени Деви Чоудри начнется, как ожидалось, через месяц. Сингх обещал держать меня в курсе. Больше я не получал от него никаких вестей.

В середине ноября, вскоре после первого сильного снегопада в ту суровую зиму, я перечитал рукопись Даса, в том числе и заключительные сто страниц, что не успел прочесть в Калькутте. Краткое резюме Даса оказалось точным: это было объявлением о рождении. Для понимания сути я бы порекомендовал "Второе пришествие" Йетса. Йетс был поэтом получше.

Мне пришло в голову, что мои колебания относительно дальнейшей судьбы рукописи Даса странным образом напоминают трудности, испытываемые парсами в определении участи своих покойников. Парсы, вымирающее меньшинство в Индии, почитают землю, воздух, огонь и воду настолько священными, что не желают осквернять их телами своих мертвецов. Они нашли остроумное решение. Давным-давно Амрита рассказывала мне о расположенной в одном из парков Бомбея Башне Молчания, над которой в терпеливом ожидании кружатся стервятники.

Я не стал сжигать рукопись, потому что не хотел, чтобы дым, точно от жертвенного костра, поднимался к тому темному созданию, которое, как я чувствовал, ждало за хрупкими стенками моего рассудка.

Мое решение, в конечном итоге, оказалось куда прозаичнее Башни Молчания. Я вручную порвал на кусочки несколько сотен листов, ощущая исходящую от бумаги калькуттскую вонь, а потом запихал клочки в мусорный мешок, добавив туда еще и

некоторое количество гнилых овощей, чтобы отпугнуть любителей покопаться в отбросах. Я проехал несколько миль до большой свалки и там проводил взглядом черный мешок, скатившийся по крутому склону из мусора и пропавший из виду в большой луже грязной жижи.

Уже на обратном пути я понял, что, избавившись от рукописи, я не заглушил Песнь Кали, отдающуюся эхом у меня в рассудке.

Мы с Амритой так и жили в том же доме. Советы и продолжающиеся выражения сочувствия со стороны наших друзей причиняли нам немало страданий, но с наступлением морозной зимы мы все реже виделись с кем бы то ни было. Все реже виделись мы и друг с другом.

Амрита решила закончить диссертацию и втянулась в жесткий распорядок дня, состоявший из раннего подъема, занятий со студентами, работы в библиотеке, разбора бумаг вечерами, исследовательской работы и раннего отхода ко сну. Я вставал очень поздно и часто уходил из дома, чтобы где-нибудь поужинать и провести большую часть вечера. Когда часов в десять вечера Амрита заканчивала работать в кабинете, его занимал я и читал там до утра. В эти сумрачные зимние месяцы я глотал все подряд: Шпенглера, Росса Макдональда, Малькольма Лаури, Гегеля, Стэнли Элкина, Брюса Кэттона, Йена Флеминга и Синклера Льюиса, Я перечитывал классику, десятилетиями стоявшую нетронутой на моих полках, и приносил домой бестселлеры. Я читал без разбора.

В феврале один мой приятель предложил мне временную преподавательскую работу в одном небольшом колледже к северу от Бостона. Я согласился. Поначалу я приезжал домой каждый день, но вскоре снял небольшую меблированную квартирку неподалеку от студенческого городка и стал приезжать в Эксетер только на выходные. Довольно часто я не появлялся и на выходные.

Мы с Амритой никогда не говорили о Калькутте. Мы никогда не упоминали имени Виктории. Амрита уходила в мир теории чисел и Булевой алгебры. Этот мир выглядел вполне подходящим для нее: мир, в котором соблюдаются правила, а таблицы истинности могут быть логически обоснованы. Я остался вне этого мира, не имея ничего, кроме громоздкого лингвистического инструментария и неповоротливой, бессмысленной машины реализма.

В колледже я проработал четыре месяца и мог бы вообще не вернуться в Эксетер, если бы мне не позвонил один знакомый и не сообщил, что Амрита побывала в больнице. Врачи определили у нее острое воспаление легких, осложненное истощением. В больнице она провела восемь дней и целую неделю после этого была слишком слаба, чтобы подниматься дома из постели. Все это время я оставался с ней; необременительные заботы по уходу вызвали во мне отзвуки былой нежности. Но потом она объявила, что чувствует себя лучше, и в середине июня снова уселась за компьютер, а я вернулся в свою квартирку. Я ощущал нерешительность и потерянность, словно во мне все шире разверзалась некая огромная черная дыра, постепенно меня засасывавшая.

Тогда же, в июне, я купил "Люгер".

В апреле меня пригласил в свой стрелковый клуб Рой Беннет, невысокий молчаливый профессор биологии, с которым я познакомился в колледже. Много лет я был

сторонником законов по контролю за оружием и с отвращением относился к стрелковому оружию вообще, но к концу того учебного года большинство суббот я стал проводить с Беннетом в тире. Даже дети здесь вполне профессионально, как мне казалось, освоили стойку на широко расставленных ногах для стрельбы с двух рук, знакомую мне лишь по кинофильмам. Когда кому-нибудь требовалось заменить мишень, все учтиво разряжали оружие и с улыбкой отходили от линии огня. Многие мишени имели очертания человеческой фигуры.

Когда я выразил желание приобрести пистолет в личное пользование, Рой улыбнулся с тихой радостью добившегося успеха миссионера и посоветовал купить для начала спортивный пистолет 22-го калибра. Я кивнул в знак согласия, и на следующий день потратил немалую сумму на коллекционный "Люгер" калибра 7,65 мм. Продавшая мне пистолет женщина сказала, что он был предметом гордости и радости ее покойного мужа. За те же деньги я получил в придачу еще и симпатичный оружейный ящичек.

Я так и не освоил понравившуюся мне стойку для стрельбы с обеих рук, но зато вполне профессионально научился делать дырки в мишени с расстояния в двадцать ярдов. Я не имел представления, о чем думают или что чувствуют другие, когда пуляют по вечерам, но каждый раз, поднимая смазанную, отбалансированную машину, я ощущал проходящий по мне ток заключенной в ней энергии, напоминающий дозу крепкого виски. Медленное, осторожное нажатие спускового крючка, оглушительный выстрел, прокатывающаяся по напряженной руке отдача возбуждали во мне нечто, близкое к экстазу.

Как-то на выходные, после выздоровления Амриты, я привез "Люгер" с собой в Эксетер. Однажды поздно вечером она спустилась вниз и увидела, как я верчу в руках свежесмазанный заряженный пистолет. Она ничего не сказала, но долго смотрела на меня, прежде чем снова подняться к себе. Утром мы об этом не вспоминали.

- В Индии появилась новая книга. Писк моды. Кажется, эпическая поэма. Полностью про Кали, одну из их богинь-покровительниц, - сказал книготорговец.

Я приехал в Нью-Йорк на вечеринку в Даблдей, привлеченный возможностью выпить на халяву, а не чем-нибудь другим. Я находился на балконе, раздумывая, не взять ли четвертую дозу виски, как вдруг услышал разговор книготорговца с двумя коллегами. Я подошел к нему, взял под руку и отвел в угол балкона. Он только что вернулся с ярмарки в Дели. Он не знал, кто я такой. Я объяснил, что я поэт, интересующийся современной индийской литературой.

- Боюсь, что не смогу подробно рассказать об этой книге, - сказал он. - Я упомянул о ней, потому что это вряд ли будет здесь хорошо продаваться. Просто длинная поэма, вот и все. Как мне кажется, ею увлеклись индийские интеллектуалы. Нас это, конечно, не заинтересует. Поэзия у нас никогда хорошо не расходилась, особенно если...

- Как она называется? - перебил я.

- Как ни странно, название я запомнил, - ответил он. - "Калисамбвха" или "Калисавба", что-то в этом роде. А запомнил я это название, потому что работал как-то с девушкой по имени Келли Саммерс и заметил, что...

- Кто автор?

- Автор? К сожалению, не припоминаю. Я и книгу-то запомнил лишь потому, что у издателя была большая экспозиция, но никаких наглядных материалов. Понимаете? Просто огромная куча книг. А эта голубая обложка потом мне попадалась во всех книжных лавках гостиниц в Дели. Вы не бывали в Индии?

- Дас?

- Что?

- Имя автора не Дас?

- Нет, не Дас. Во всяком случае, мне кажется, что не Дас. По-моему, что-то типично индийское и труднопроизносимое.

- Может быть, его звали Санджай?

- К сожалению, не помню, - ответил торговец, начиная раздражаться. - Послушайте, разве это имеет какое-нибудь значение?

- Нет, - сказал я, - это не имеет никакого значения.

Оставив его, я облокотился на ограждение балкона. Когда через два часа над зазубренным городским пейзажем вошла луна, я все еще стоял на том же месте.

Фотографию я получил в середине июля. Еще не разглядев штамп, я уже знал, что письмо из Индии. От тонкого конверта исходил запах страны. Штамп был калькуттским. Я встал под большой березой в конце подъездной дорожки и открыл конверт.

Сначала я увидел подпись на обороте фотографии. "Дас жив" и больше ничего. Фотография была черно-белой, зернистой; из-за не правильного использования вспышки люди на переднем плане почти не пропечатались, в то время как те, что находились сзади, представляли собой лишь затемненные силуэты. Даса, однако, можно было узнать сразу. Лицо его покрывали струпья, нос был изуродован, но проказа не так бросалась в глаза, как во время наших встреч. На нем была белая рубашка, а рука простиралась в профессорском жесте.

Восемь мужчин на фотографии восседали на подушках вокруг низенького столика. Вспышка высветила за спиной Даса облупившуюся краску на стене и несколько грязных чашек на столике. Лица двоих мужчин были хорошо освещены, но я их не узнал. Мой взгляд перешел на фигуру человека, сидевшего справа от Даса. Лицо было слишком темным, чтобы различить черты, но, благодаря выгодному ракурсу, я узнал хищный клювообразный нос и торчащие темным нимбом волосы.

В конверте не было ничего, кроме фотографии.

Дас жив. Каких выводов ждут от меня в связи с этим? Что М. Дас еще раз воскрешен своей мерзкой богиней? Я вновь бросил взгляд на фотографию и стоял теперь, постукивая ее ребром по пальцам. Невозможно определить, когда был сделан этот снимок. Была ли фигура в тени Кришной? Агрессивность позы подавшегося вперед человека наводила меня на мысль, что это именно он.

Дас жив.

Я свернул с дорожки и углубился в рощу. Низкая поросль цепляла меня за лодыжки. Во мне была какая-то опрокинутая, вращающаяся пустота, грозившая перерасти в черную бездну. Я знал, что стоит только открыться бездонному мраку, как мне уже не выйти из него.

В четверти мили от дома, возле ручейка, переходящего в заболоченное пространство, я опустился на колени и разорвал фотографию на мелкие кусочки. Потом я откатил большой камень и бросил обрывки на почву с выцветшей, спутанной травой, после чего вернул камень на место.

Возвращаясь домой, я старался удержать перед мысленным взором образ мокрых белых существ, отчаянно пытавшихся зарыться в землю, чтобы избежать света.

Той ночью, когда я собирал вещи, в комнату вошла Амрита.
- Нам надо поговорить, - сказала она.
- Когда вернусь, - ответил я.
- Куда ты собираешься, Бобби?
- В Нью-Йорк. На пару дней. Я уложил еще одну рубашку поверх того места куда засунул "Люгер" и шестьдесят четыре патрона.
- Нам очень нужно поговорить. Это важно, - сказала Амрита, коснувшись моей руки. Я отстранился и застегнул молнию на сумке.
- Когда вернусь, - повторил я.
Машину я оставил дома, а до Бостона доехал поездом. Здесь я добрался на такси до аэропорта "Логан Интернешнл" и в десять вечера сел на рейс "ТВА" на Франкфурт с последующей пересадкой на Калькутту.

Глава 17

*...ныне зверь, дождавшийся часа,
Ползет в Вифлеем к своему рождеству.
Уильям Батлер Йетс*

Солнце уже поднялось, когда мы подлетали к побережью Англии, но хоть на мои ноги и падали солнечные лучи, я ощущал себя в плену у ночи, которая никогда не закончится. Меня сильно трясло, и я остро осознавал, что заключен в хрупкую герметичную трубу, болтающуюся в тысячах футов над морем. Еще хуже было то, что растущее внутреннее давление, которое я поначалу отнес на счет клаустрофобии, оказалось чем-то иным. Во мне набирало силу какое-то тошнотворное вращение, словно внутри меня зашевелилось некое могучее существо.

Я сидел, вцепившись в ручки кресла, глядя на беззвучно раскрывающиеся рты героев фильма на экране, а внизу тем временем проплывала Европа. Я подумал о последних мгновениях жизни Тагора. Принесли еду, которая была покорно съедена. Позже я попытался провалиться в сон. Однако я все сильнее ощущал пустоту и головокружение, а в ушах слышалось постоянное зудение, словно от крыльев множества насекомых. Несколько раз я уже начинал дремать, но тут же просыпался при звуках далекого издевательского смеха. В конце концов я оставил попытки заснуть.

Я заставил себя выйти вместе с другими пассажирами во время заправки в Тегеране. Пилот объявил, что температура снаружи составляет 33 градуса, и лишь окунувшись в ужасную жару и влажность, я сообразил, что речь шла о температуре по Цельсию.

Было уже поздно, ближе к полуночи, но в раскаленном воздухе пахло ожидающим своего часа насилием. Повсюду в гулком, ярко освещенном зале аэропорта висели портреты шаха, а вокруг крутились охранники и солдаты, без видимых причин державшие оружие на изготовку. Завернутые в черные чадры мусульманские женщины проплывали как призраки сквозь зеленую, флюоресцирующую пустоту. Старики спали на полу или стояли на коленях на своих молитвенных ковриках среди окурков и кусков целлофана, а какой-то американский мальчонка лет шести - светловолосый, в рубашке в красную полоску, неуместной среди темных тонов, - примостился за стулом и поливал из игрушечного автомата таможенную стойку.

По громкоговорителю объявили, что посадка на наш рейс состоится через пятнадцать минут. Я проковылял мимо старика с красным шарфом и очутился в общественном туалете. Здесь было очень темно, и свет попадал сюда лишь от одинокой лампочки перед входом. Во мраке перемещались темные силуэты. Я испугался, что случайно, угодил на

женскую половину, и мне показалось, что в темноте я различаю чадры, но потом я услышал низкие голоса, переговаривающиеся на гортанном наречии. Слышен был и звук капающей воды. В ту же секунду на меня навалился приступ тошноты, куда более сильный, чем прежде, и я, скрючившись над азиатским унитазом, сблевал без остатка съеденное в самолете, но еще долго после этого по пищеводу прокатывались спазмы.

Я свалился набок и лежал, растянувшись во весь рост, на прохладном кафельном полу. Пустота во мне теперь была почти абсолютной. Я дрожал, и выступивший на моем теле пот смешивался с солеными слезами. Беспреданное зудение насекомых усилилось настолько, что я стал отчетливо различать голоса. Песнь Кали теперь звучала очень громко. Я обнаружил, что уже преступил границы ее нового владения.

Через несколько минут я поднялся в темноте, почистился, как мог, и быстро зашагал навстречу зеленоватому свету, чтобы встать в очередь пассажиров, ожидавших рейса на Калькутту.

Мы вышли из облаков, сделали один круг и сели в аэропорту "Дум-Дум" в 3:10 ночи. Я присоединился к пассажирам, спускавшимся по трапу на мокрый гудрон аэродрома. Город казался охваченным огнем. Низкие облака отбрасывали оранжевый свет, красные маячки отражались в бесчисленных лужах, а лучи прожекторов из-за здания аэровокзала только усиливали иллюзию: я не слышал больше ничего, кроме хора визгливых голосов, когда вместе с остальными брел к таможенному отделению.

Год назад Амрита, Виктория и я потратили час с лишним, чтобы пройти таможеню в Бомбее. На этот раз ушло не больше пяти минут. Меня совершенно не волновало, станут ли они досматривать мой багаж. Низкорослый человек в засаленном хаки нанес мелом крест на мою сумку как раз на том месте, где во внешнем кармане лежал пистолет с боеприпасами, после чего я вышел в основной зал аэровокзала и направился к выходу.

Кто-нибудь будет меня встречать. Может быть, Кришна-Санджай. Он скажет мне, где разыскать эту падаль Камахью, прежде чем умрет сам.

Несмотря на то, что было всего половина четвертого утра, толпа в аэропорту не уступала размерами той, что я видел здесь раньше. При слабом свете мигающих люминесцентных ламп кричали и толкались люди, но я почти не слышал шума, перешагивая через киплинговских "завернутых мертвых", не слишком стараясь не наступать на тела спящих людей. Я позволил толпе нести меня. Я не чувствовал ни рук, ни ног, они лишь подергивались, как у неумело управляемой марионетки. Я закрыл глаза, чтобы прислушаться к Песни и ощутить энергию, исходящую от оружия всего в нескольких дюймах от моей правой руки.

Чаттерджи и Гупта тоже должны умереть. Сколь незначительным ни было их соучастие, они должны умереть.

Я тащился вместе с толпой, словно человек, захваченный страшной бурей. Шум, запах, давление колышущейся массы идеально сочетались с нарастающей во мне пустотой, и все это воплощалось в темном цветке, который распускался у меня в сознании. Смех теперь стал очень громким. Из-под закрытых век я видел Ее образ, вздымающийся над серыми башнями умирающего города, слышал Ее голос, солирующий во все нарастающем распеве, видел Ее руки,двигающиеся в ритме ужасного танца.

Открыв глаза, ты увидишь кого-нибудь, тебе знакомого. Не нужно ждать. Пусть это начнется прямо здесь.

Я заставил себя не открывать глаза, но схватился за сумку обеими руками, поднятыми к груди. Я ощущал, как толпа несет меня вперед, к открытым дверям. Теперь до меня отчетливо доносились крики носильщиков и запахи нечистот калькуттских улиц. Я почувствовал, как моя правая рука начинает расстегивать молнию на внешнем отделении сумки, куда я уложил заряженный пистолет.

Пусть это начнется здесь.

Со все еще зажмуренными глазами я увидел, как передо мной, словно раскрывающиеся двери, словно утроба громадного зверя, каковым и был этот город, разворачиваются события следующих нескольких минут, и я чувствовал, как во мне распускается темный цветок, и как я затем поднимаю холеное совершенство "Люгера", а потом начинается действие и мощь оружия протекает по моей руке, вливается в меня и исходит из меня во вспышках пламени в ночи; и падают бегущие силуэты, а я вставляю с ласкающим слух щелчком в пистолет новую обойму, и из меня изливаются боль и мощь; а бегущие фигуры падают, и плоть отлетает от плоти при ударе пули, а огни из труб освещают небо, и при их красноватом свете я отыщу свой путь среди улиц и переулков и найду Викторину, вовремя на этот раз; вовремя найду Викторину и убью всех, кто отнял ее у меня, и убью всех, кто встанет у меня на пути, и убью всех, кто...

Пусть это начнется сейчас.

- Нет! - закричал я и открыл глаза.

Мой крик лишь на секунду заглушил Песнь, но за это время я выдернул руку из открытого отделения сумки и изо всех сил рванул влево. До дверей оставалось лишь десять шагов, и толпа неумолимо, теперь уже гораздо быстрее, целеустремленнее, катилась к ним. Сквозь дверной проем я увидел человека в белой рубашке, стоявшего возле бело-голубого автобуса. Волосы этого человека торчали в разные стороны, словно пики темного электричества.

- Нет!

Я воспользовался сумкой в качестве тарана, чтобы пробиться к стене. Какой-то высокий человек в толпе толкнул меня, а я ударил его в грудь, и тогда он уступил дорогу. Теперь я был лишь в трех шагах от раскрытых дверей, и толпа с неудержимостью взрывной волны тащила меня за собой.

Пусть это начнется сейчас.

- Нет!

Не знаю, кричал ли я в голос. Я ринулся вперед, расталкивая толпу, словно бредущий по груди в воде пловец, и вцепился левой рукой в поручень на какой-то боковой двери без надписи, которая вела в служебные помещения аэропорта. Каким-то образом мне удалось удержать сумку, в то время как на меня налетали человеческие фигуры, а чьи-то пальцы и руки в суতোлке случайно наткнулись на мое лицо.

Я вломился в дверь и побежал. Сумка колотилась по правой ноге, а изумленные работники аэропорта расступались, чтобы освободить мне дорогу. Песнь гремела еще громче, чем раньше, вызывая такую боль, что мне хотелось изо всех сил зажмурить глаза.

Пусть это начнется здесь. Пусть это начнется сейчас.

Я резко остановился, налетев на стену, и отступил назад из-за сильной отдачи. Руки и ноги у меня тряслись и подергивались, словно в разгар эпилептического припадка. Я сделал два шага в сторону зала.

- Будь ты проклята! - закричал я - кажется, закричал - и шагнул обратно, к стене, которая оказалась дверью, ввалившись на четвереньках в длинное, темное помещение.

Дверь закрылась и наступила тишина. Настоящая тишина. Я остался один. Комната была продолговатой, тускло освещенной и пустой, если не считать несколько стопок

невозвращенного багажа, каких-то коробок и сундуков. Я уселся на бетонном полу и огляделся. Потрясенный, я постепенно узнавал обстановку. Посмотрев направо, я увидел обшарпанную стойку, на которой когда-то стоял гроб авиакомпании.

Песнь смолкла.

Несколько минут сидел я на полу, тяжело дыша:

Пустота внутри меня была теперь почти приятной; она воспринималась как отсутствие чего-то черного, ядовитого.

Я закрыл глаза. Я вспомнил, как держал Викторину, когда она появилась на свет, как брал ее на руки потом, вспомнил исходивший от нее детский молочный запах и те тридцать шагов от родильной палаты до процедурного кабинета.

Не открывая глаз, я схватил за ручку свою сумку, поднял повыше и швырнул, как можно дальше, вдоль длинного помещения. Она сбила пыльную полку и с грохотом исчезла из виду в груде коробок.

Я выбрался оттуда, прошел двадцать шагов по пустому коридору, вышел в зал всего лишь в десяти шагах от единственной работавшей кассы и купил билет на ближайший рейс.

Задержек не произошло. На борту самолета "Люфтганзы", летевшего до Мюнхена, было всего десять пассажиров, когда через двадцать минут он поднялся в воздух. У меня и мысли не возникло посмотреть на Калькутту в последний раз. Я заснул еще до того, как убрали шасси.

В Нью-Йорке я приземлился на следующий день и пересел на рейс до Бостона. Здесь у меня окончательно сдали нервы, и я ничего не мог поделать с дрожью в голосе, когда позвонил Амрите, чтобы попросить ее приехать за мной.

К тому времени, когда она примчалась в красном "пинто", меня уже всего трясло, и я не вполне ориентировался в окружающей обстановке. Она хотела было закинуть меня в больницу, но я вдавился поглубже в черное виниловое сиденье и сказал:

- Поезжай. Поезжай, пожалуйста.

Мы направились на север по шоссе 1-95, а вечернее солнце отбрасывало длинные тени на середину дороги. Поля были еще влажными после недавнего ливня. Зубы у меня стучали помимо моей воли, но я все равно не умолкал. Амрита вела молча, время от времени поглядывая на меня бездонными, темными глазами.

- Я понял, что это именно то, чего они от меня хотели. Чего Она от меня хотела, - сказал я, когда мы подъезжали к границе штата. - Не знаю, почему. Возможно, она хотела, чтобы я занял его место, как он занял место Даса. А может быть, Кришна спас меня, поскольку знал, что когда-нибудь они вернут меня туда для какого-нибудь другого безумства. Не знаю. И не хочу знать. Ты понимаешь, что действительно важно?

Амрита посмотрела на меня и ничего не сказала. Вечерний свет окрашивал золотом ее смуглую кожу.

- Я обвинял себя каждый день и знал, что так и буду клясть себя до самой смерти. Я думал, что это моя вина. Это и было моей виной. А теперь я понял, что и ты винила себя.

- Если бы я тогда не впустила ее... - заговорила Амрита.

- Да! - сказал я. Почти сорвался на крик. - Я знаю. Но мы должны остановиться. Если мы не переступим через это, мы лишь уничтожим друг друга и самих себя, разрушим то, что значили мы втроем. Мы станем частью тьмы.

Амрита остановилась на площадке неподалеку от выезда из Солсбери-Плейнс. Она убрала руки с руля. Несколько минут мы сидели в тишине.

- Мне не хватает Виктории, - сказал я, впервые после Калькутты произнося имя нашего ребенка в присутствии Амриты. - Мне не хватает нашей девочки. Я скучаю по Виктории.

Она опустила голову мне на грудь. Ее слова заглушала моя рубашка и начинавшиеся рыдания. Потом наступило просветление.

- И я скучаю, Бобби. И мне не хватает Виктории. Мы сидели, прижавшись друг к другу, а мимо, взвихривая воздух, с шумом проносились грузовики, и иссякающий поток машин заполнял шоссе выцветшими красками и шорохом покрышек по асфальту.

Глава 18

*Если в сердце ни злобы, ни зависти больше нет,
То душа обретает свой первозданный цвет,
Понимая вдруг, что покойна себе сама,
Сама себе сладостна и сама же себе страшна,
Ее светлая воля с волей Небес заодно;
Она может, пусть хмуры все лица,
Пусть везде непогода злится
И ревет толпа -
Счастливой быть все равно
Уильям Батлер Йейтс
Молитва о моей дочери*

Сейчас мы живем в Колорадо. Весной 1982 года меня пригласили в один местный колледж для организации небольшого семинара, и на Восток я возвращался лишь для того, чтобы забрать Амриту. Наш последовавший визит перешел в более или менее постоянное проживание. Дом в Эксетере мы сдали в аренду вместе с обстановкой, но восемь картин сейчас висят здесь, на грубой стене нашего жилища, и этюд маслом Джейми Уайета, приобретенный нами в 1973 году, лучше всего передает богатую игру света, которую мы видим из окна. В первые же месяцы нашего пребывания здесь качество этого света овладело нашим воображением, и мы с Амритой предприняли поначалу робкие попытки писать маслом.

По бостонским стандартам колледж оборудован бедновато, жалованье мы получаем небольшое; но дом, в котором мы живем, когда-то был сторожкой лесничего, и из большого окна можно разглядеть заснеженные вершины милях в ста к северу. Свет настолько резкий и прозрачный, что от него почти болят глаза.

В основном мы ходим в джинсах, а Амрита научилась управляться с полноприводным "Бронко" и в грязь, и в снег. Нам не хватает океана. Более того, мы скучаем по некоторым из наших друзей и преимуществ прибрежной цивилизации. Ближайший город теперь в восьми милях от нас, вниз по склону от студенческого городка. В разгар летнего сезона его население не превышает семи тысяч человек. Самый изысканный здешний ресторан называется "Ля Кочина", а кроме него мы можем выбирать между пиццерией "Пицца-Хат", "Приютом для завтраков" Норы, гриль-баром Гэри и работающей круглосуточно забегаловкой у стоянки для грузовиков на федеральном шоссе. Летом мы с Амритой усиленно налегаем на мороженое в "Тейсти Фриз". До постройки нового городского центра местная библиотека расположилась в автоприцепе. Денвер находится в трех часах езды, и зимой оба перевала часто бывают закрыты на много дней.

Но здешний воздух кажется нам особенно чистым, и мы чувствуем себя гораздо легче по утрам, словно высота здесь несколько уменьшает силу тяжести, диктующую свои

условия остальному миру. А свойства здешнего дневного света - не просто приятное для нас явление, для нас - это форма ясности. Целительной ясности.

Эйб Бронштейн умер прошлой осенью. Он как раз закончил работу над зимним номером журнала, в котором была небольшая вещица Энн Битти, и по дороге к метро у него случился обширный инфаркт.

Мы с Амритой вылетели на похороны. После погребения, когда мы пили кофе с другими собравшимися в небольшой квартирке, где он жил со своей матушкой, старуха жестом позвала нас с Амритой в комнату Эйба.

Книжные полки от пола до потолка, занимавшие большую часть площади трех стен, уменьшали и без того небольшую спальню. Восьмидесятишестилетняя миссис Бронштейн выглядела слишком хрупкой, чтобы держаться прямо, когда она присела на край кровати. В комнате пахло сигарами Эйба и кожей переплетов.

- Возьмите, пожалуйста, - сказала старуха, подавая мне небольшой конверт на удивление твердой рукой. - Абрахам распорядился, чтобы вы получили это письмо, Роберт.

Наверное, ее гортанный голос был когда-то красивым и волнующим. Теперь же, отмеряя слова точным произношением неродного языка, он оставался лишь красивым.

- Абрахам велел передать вам это письмо лично, даже если, как он выразился, мне придется пойти пешком в Колорадо, чтобы вас разыскать.

В любое другое время образ хрупкой, старой женщины, голосующей на дорогах где-нибудь в прериях, вызвал бы у меня улыбку. Но сейчас я лишь кивнул и развернул письмо.

Бобби, 9 апреля 1983 г.

Раз ты читаешь это письмо, значит, ни один из нас не слишком потрясен последними событиями. Я только что вернулся от своего врача. Хоть он не отговаривал меня покупать долгоиграющие пластинки, однако и не пытался всучить долгоиграющую справку о здоровье.

Надеюсь, что тебе. (и Амрите?) не пришлось откладывать какие-нибудь важные дела. То есть, если в той богом забытой глуши, которую ты называешь домом, вообще может быть что-нибудь столь же сложное, как то, о чем здесь написано.

Недавно я пересмотрел свое завещание. Сейчас я сижу в парке неподалеку от своего старого друга Мэда Хэттера, наслаждаюсь доброй сигарой и разглядываю довольно скудно одетых девиц, пытающихся убедить себя в том, что весна уже в полном разгаре. День теплый, но не настолько чтобы не заметить, что они пошли гусиной кожей.

Если матушка еще не успела тебе сказать, то сообщаю, что по новому завещанию все переходит к ней. Все, кроме первых изданий Пруста; переписки с авторами, что находится в моем сейфе; а так же прав, названий, скромного счета и поста главного редактора "Других голосов". Это я оставляю тебе, Бобби.

А теперь подожди минутку. Я не хочу дожидаться обвинений в том, что вешаю хомут на твою беззаботную польскую шею. Ты волен избавиться от журнала, как сочтешь нужным. Если ты предлагаешь передать его какому-нибудь другому ответственному лицу - прекрасно. Наделяю тебя всеми юридическими полномочиями для подобных действий.

Бобби, вспомни лишь, каким мы хотели видеть журнал. Не отдавай его какой-нибудь, долбанной шайке, которой нужно лишь скосить налоги и которая наймет какого-нибудь

придирка, что не сможет отличить хорошую прозу от дерьмовой однодневки. Если ты предпочитаешь не снижать стандарты, а законсервировать журнал, возражать не стану.

Если же ты все-таки решишься продолжать - хорошо.

Ты удавишься, насколько транспортабельным может оказаться такой журнал. Забери его в любую дыру, в которой сейчас живешь... (Миллер все равно собирается повышать арендную плату.) Если ты намерен удержать "Голоса" на плаву, не ломай голову, как бы продолжить "старую редакционную политику Эйба". У Эйба не было никакой редакционной политики! Просто печатай хорошие вещи, Роберто. Следуй своим инстинктам.

Впрочем, еще одно. Лучшая миниатюра - это не обязательно "Голый завтрак". Многие поступления будут тебя чертовски угнетать. Если это хорошо написано, то оно достойно публикации, но всегда остается место для вещей, в которых еще есть надежда на человечность. Во всяком случае, думаю, что есть. Тебе это известно лучше, чем мне, Бобби. Ты был ближе к огню пожирающему, но сумел вернуться.

Пора идти. На меня ялятся полицейский, и мне кажется, что он вполне справедливо уже отнес меня к категории Мерзких Старикашек.

Можешь прочитать это письмо маме - она не успокоится, пока ты этого не сделаешь, - но пропусти "долбаную" перед "шайкой" и "дерьмовую однодневку", ладно?

Пусть это будет твоей первой редактурой.

Наилучшие пожелания Амрите,

Эйб.

Эйб был прав. Журнал оказался вполне транспортабельным. Руководство колледжа пришло в восторг при одной мысли, что "Другие голоса" будут появляться на свет именно здесь, и любезно сократило мне учебные часы без снижения жалованья. Подозреваю, что они платили бы мне, если бы я вообще не преподавал, лишь бы мое присутствие удержало Амриту на математическом отделении. Амриту же радует свободный доступ к компьютерному терминалу колледжа, который связан с каким-то чудовищным компьютером "Крей" в Денвере. Недавно она заметила по этому поводу, что "местечко здесь вполне на уровне". Она явно не разглядела по дороге к зданию математического факультета ни спальных корпусов из гофрированного железа, ни шлакоблочных строений, ни крошечной библиотеки.

Мне оказалось достаточно просто редактировать литературный журнал Восточного побережья, сидя на горе в Колорадо, хотя раз пять-шесть в год и приходится совершать поездки, чтобы договариваться с печатниками и встречаться с некоторыми из писателей и спонсоров. Амрита втянулась в издательскую работу и зарекомендовала себя на удивление хорошим читателем. Она говорит, что ее лингвистическая и математическая подготовка дает ей чувство символического равновесия - уж не знаю, что это значит. Но именно по ее настоянию я попробовал печатать побольше авторов с Запада, в том числе Джоан Гринберг и Ковбойского Поэта.

Результаты обнадеживающие. Подписка за последнее время увеличилась, мы организовали несколько своих торговых точек, а наша старая читательская аудитория, кажется, сохраняет нам верность. Поживем, увидим.

Стихов я не пишу. После Калькутты.

Песнь Кали никогда не затихает насовсем. Она постоянно звучит во мне фоновым звуком, вроде музыки" по радио при плохой настройке.

Мне все еще снится, как я пересекаю раскисшие грязные пустыри, где под ногами лежат завернутые в серое тела, а виднеющиеся вдаль трубы извергают языки пламени, лижущие низкие облака.

Иногда по ночам поднимается ветер, и тогда я встаю и иду к окну, смотрю в темноту и слышу царапанье шести конечностей на скалах. Тогда я жду, но узкое лицо с голодным ртом и алчными глазами остается в темноте, удерживаемое..., чем? Не знаю.

Но Песнь Кали все звучит.

Недавно, неподалеку от здешних мест, одна пожилая женщина со своей взрослой дочерью - они назвали себя "добропорядочными христианками" - зажарили в печи ее внука, чтобы изгнать из него демонов, заставлявших его плакать по вечерам.

Один из моих студентов состоит в отдаленном родстве со школьником из Калифорнии, который недавно изнасиловал и убил свою подружку, а потом в течение трех дней приводил четырнадцать своих приятелей посмотреть на мертвое тело. Один мальчик бросил кирпич на труп, чтобы убедиться, что девушка действительно мертва. Никто из ребятшек и не подумал заявить в полицию.

Прошлым месяцем я познакомился у Адамсонов в Нью-Йорке с одним из новых печатников, Съемом Ри, сорокадвухлетним беженцем из Пномпеня. У него там была своя типография, и несколько лет тому назад он сумел проложить себе взятками дорогу сначала в Таиланд, а потом и в Штаты. Выбился он и у Адамсонов, начав у них учеником. После нескольких порций спиртного Ри поведал мне о насильственном выселении из города и восьмидневном марш-броске, во время которого погибли его родители. Спокойным голосом рассказывал он мне о трудовом лагере, в который попала его жена, про то утро, когда он, проснувшись, обнаружил, что трое его детей переправлены в "воспитательно-трудовой лагерь" в отдаленной части страны. Ри рассказал мне и о поле, на которое наткнулся, когда бежал. Он сказал, что на том месте, занимавшем площадь примерно в пол-акра, черепа были навалены кучами высотой по три-четыре фута. Век Кали наступил.

На прошлой неделе я ходил в библиотеку в прицепе и прочитал про так называемую Черную Дыру Калькутты. До сих пор это было для меня лишь пустым звуком. Исторические подробности не имели отношения почти ни к чему. В общих чертах. Черная Дыра - просто помещение без воздуха, куда запихали слишком много людей во время одного из стихийных бунтов в начале девятнадцатого века.

Но это выражение все преследует меня. Я разработал целую теорию насчет Калькутты, хотя "теория" - слишком громкое слово для этой точки зрения, основанной на одной интуиции.

Думаю, что черные дыры существуют в действительности. Черные дыры человеческого духа. И в тех местах на Земле, где из-за перенаселенности, нищеты или просто людской извращенности, распадается связь вещей, эта черная сердцевина в нас поглощает все остальное. Д Я читаю газеты, я смотрю вокруг, и меня не покидает леденящее ощущение того, что эти черные дыры все разрастаются, что они становятся все привычнее,

удовлетворяют свой гнусный аппетит. Они не ограничены чужими городами в далеких странах.

Ничего не говоря Амрите, я спросил у нее недавно, что такое черные дыры в астрономии. Она дала пространные объяснения, большая часть которых основывалась на математических выкладках из труда некоего Стивена Хоукинга, и, таким образом, являлась для меня темным лесом. Но кое-что из рассказанного меня заинтересовало. Во-первых, она сказала, что, по всей видимости, свет и другие виды поглощенной энергии все-таки могут вырваться из астрономических черных дыр. Подробности ее объяснения вылетели у меня из головы, но у меня сложилось впечатление, что хоть из черной дыры и невозможно выбраться, но энергия может, как бы по туннелю, попасть в другое место и время. А во-вторых, по ее словам, если даже черные дыры захватают всю материю и энергию во вселенной, это будет означать лишь то, что масса сошлась в очередном Большом Столкновении, которое положит начало так называемой Новой Вселенной с новыми законами, новыми формами и новыми лучезарными галактиками света.

Может быть. Я сижу на горе, высасываю из пальца вымученные метафоры, все время вспоминая краешек бледной щечки в грязном покрывале. Иногда я прикасаюсь к ладони, пытаюсь воскресить в памяти то, что я ощутил, когда в последний раз взял на руку головку Виктории. Присмотри за мамочкой, пока я не вернусь. Договорились, малышка?

А за окном поднимается ветер, и звезды колышутся в ночной прохладе.

Амрита беременна. Мне она еще не говорила, но я знаю, что два дня назад это подтвердил ее врач. По-моему, ее беспокоит, как я к этому отнесусь. Ей не надо волноваться.

Месяц назад, перед началом занятий в сентябре, мы с Амритой доехали на "Бронко" до конца одной старой дороги на рудник, а потом отмахали с рюкзаками еще мили три вдоль хребта. Ни единого звука, кроме шума ветра в соснах внизу. В здешних долинах или никто не селился, или из них ушли, когда старые разработки истощились. Мы облазили несколько котлованов, а потом перебрались через еще один хребет, откуда могли видеть снежные вершины, расходящиеся во всех направлениях, за горизонт и дальше. Там мы замешкались, чтобы наблюдать за ястребом, молчаливо парившем кругами в восходящих потоках в полумиле над нами.

На ночь мы остановились на берегу горного озера, небольшого правильного круга до боли холодной ледниковой воды. Примерно в полночь взошел полумесяц, бледное сияние которого осветило вершины вокруг. Лунный свет падал на пятна снега на каменистом склоне неподалеку от нас.

В ту ночь мы с Амритой любили друг друга. Не в первый раз после Калькутты, но именно сейчас мы смогли забыть про все на свете, кроме друг друга. Потом Амрита уснула, положив голову мне на грудь, а я лежал и смотрел, как метеориты прорезают ночное августовское небо. Я сосчитал до двадцати восьми, прежде чем заснул.

Сейчас Амрите тридцать восемь, почти тридцать девять лет. Я уверен, что доктор посоветует ей сделать пункцию плода. Хочу настоять, чтобы она не делала этого. Амниоцентез имеет смысл в основном в тех случаях, когда родители решили сделать аборт из-за генетических отклонений. Не думаю, что мы на это пойдем. Я чувствую - и это очень сильное чувство, - что отклонений не будет.

Лучше всего, если на этот раз у нас будет мальчик, но если и не мальчик, все равно хорошо. С появлением ребенка в доме появятся болезненные воспоминания, но это будет не та боль, которую мы так долго разделяли.

Я по-прежнему верю в то, что некоторые места слишком безнравственны, чтобы испытывать страдания. Иногда мне снятся облака ядерного взрыва, поднимающиеся над городом, и человеческие фигурки, корчащиеся на фоне пожарища, что когда-то было Калькуттой.

Где-то существуют темные хоры, готовые провозгласить Век Кали. Я в этом уверен. Как уверен и в том, что всегда найдутся слуги, готовые исполнить Ее повеления.

Все насилие есть власть, мистер Лузак. Наш ребенок родится весной. Я желаю ему или ей познать все радости жизни на горных склонах под прозрачными небесами, радость от горячего шоколада зимним утром и смеха на лужайке в субботу летом. Я хочу, чтобы наш ребенок услышал дружеские голоса хороших книг и еще более дружелюбную тишину в компании хороших людей.

Стихов я не пишу уже несколько лет, но недавно я купил большую книгу в хорошем переплете, с чистыми листами и пишу в ней каждый день. Это не поэзии. Это не для публикации. Это рассказ - если точнее, цикл рассказов - о похождениях невероятных друзей. Там есть говорящий кот, бесстрашная, развитая не по годам мышь, учтивый, но одинокий кентавр и тщеславный орел, который боится летать. Это история об отваге и дружбе, о небольших путешествиях в интересные места. Это книга историй на ночь.

Песнь Кали с нами. Она с нами уже очень долго. Ее хор становится все громче, громче, громче.

Но можно услышать и другие голоса. Можно петь и другие песни.